

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Гребенщиков Александр Евгеньевич

**Адмирал Александр Семенович Шишков: общественно-политические
взгляды и государственная деятельность**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук.

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор А. Ю. Минаков

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Ранняя биография А. С. Шишкова	
§ 1. Обучение в Морском кадетском корпусе и заграничные экспедиции	51
§ 2. Образ идеального правления в контексте литературных опытов и службы А. С. Шишкова в царствование Екатерины II	70
§ 3. «Павловский эпизод» биографии А. С. Шишкова	86
Глава 2. Формирование и развитие патриотической программы А. С. Шишкова в первую половину царствования Александра I	
§ 1. Опала. Общественно-политическая суть спора «о старом и новом слоге русского языка»	96
§ 2. Консолидация патриотических сил. Создание литературного общества «Беседа любителей русского слова»	135
§ 3. Патриотическая пропаганда А. С. Шишкова во время войны с французами в 1812–1814 гг.	149
Глава 3. Деятельность А. С. Шишкова в Государственном совете и Комитете министров	
§ 1. Споры вокруг проекта Гражданского уложения и позиция А. С. Шишкова	164
§ 2. Мнение А. С. Шишкова о крепостном праве	181
§ 3. Оценки А. С. Шишкова положения дел в сфере просвещения	201
Глава 4. Деятельность А. С. Шишкова на посту министра народного просвещения и главноуправляющего делами иностранных исповеданий (1824–1828 гг.)	
§ 1. Преодоление религиозно-космополитических тенденций министерства А. Н. Голицына	212
§ 2. Политика А. С. Шишкова сфере просвещения	237
§ 3. Цензурная политика и последние годы жизни А. С. Шишкова	266
Заключение	279
Список источников и литературы	287

Введение

Актуальность исследования обусловлена академическим интересом к консервативной идеологии, становление которой связано с именем адмирала Александра Семеновича Шишкова.

За свою долгую жизнь (1754–1841 гг.) он оставил заметный след в российской истории. В разные годы Шишков занимал ключевые должности Российской империи. Среди них наиболее значимыми были следующие посты: Государственный секретарь Александра I (1812–1814 гг.), член Государственного совета (с 1814 г.), Министр народного просвещения и Главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий (1824–1828 гг.), президент Российской императорской академии (1813–1841 гг.). Причастность Шишкова к управленческой и интеллектуальной элите страны придает его мнениям, взглядам и деятельности высокую исследовательскую ценность.

Отечественная историография закрепила за ним наименование адмирала, хотя его слава не была связана с громкими морскими победами, да и само адмиральское звание было получено им в преклонном возрасте (1823 г.). Безусловно, он имел хороший опыт длительных и рискованных морских экспедиций, которые чуть не стоили ему жизни и повлекли осложнение в состоянии здоровья. Ему даже довелось поучаствовать в русско-шведской войне 1788–1790 гг.

Однако, представляется, что муза истории Клио оставила бы Шишкова в безвестности, не будь у него литературного таланта, страсти к изучению языков, любознательности и честолюбия. Активное участие в литературных баталиях с подражателями писателя-сентименталиста Н. М. Карамзина, ориентировавших русский язык и культуру на усвоение французских образцов, позволило ему сформировать вокруг себя оппозицию западническому вектору развития России. Этот вектор, в понятиях адмирала, был чреват для страны революцией подобной Великой французской 1789 г.

Между тем, неприятие кровавых событий во Франции положило начало доктринальному оформлению консервативной мысли. Шишков оказался среди тех, кто осуждал революционные ценности. Вместе с критикой либерального реформаторского курса Александра I, защита крепостного права, сословной иерархии, самодержавного принципа правления и господства православной веры в России снискала ему историографическую славу консерватора и реакционера.

Его сочинения, публицистика, филологическое наследие, государственная деятельность долгие годы не подвергались комплексному анализу, рассматривались как образчик идей отживших свой век. Даже, казалось бы, такая памятная страница российской истории, как Отечественная война 1812 г., в которой Шишков сыграл роль главного пропагандиста, зачастую освещается без упоминания его имени. Утрата либералами и марксистами монополии на освещение событий прошлого позволяет рассматривать общественно-политические взгляды и государственную деятельность адмирала более объективно, не прибегая к тенденциозным штампам и клише.

Объектом настоящего исследования является общественно-политическая жизнь России конца XVIII – первой четверти XIX вв., литературная полемика в первое десятилетие правления Александра I, российская пропаганда периода Отечественной войны 1812 г., деятельность Государственного совета и Комитета министров во второй половине александровского царствования, образовательная, религиозная и цензурная политика Министерства народного просвещения.

Предметом исследования выступает личность адмирала А. С. Шишкова, его общественно-политические взгляды и государственная деятельность.

Хронологические рамки исследования совпадают с годами жизни адмирала Александра Семеновича Шишкова (1754–1841 гг.)

Основу **методологической базы** исследования составляют биографический подход, принцип историзма, сравнительно-сопоставительный и кон-

кретно-исторический методы, а также методики историографического и историко-источниковедческого анализа.

Биографический подход позволяет нам рассматривать эволюцию личности, взглядов и деятельности А. С. Шишкова как единый целостный процесс.

Принцип историзма дает возможность исследовать биографию адмирала с учетом изменений исторического контекста. Он проявляется в тех случаях, когда необходимо описать генезис его взглядов и государственной политики в различных сферах жизни. Использование данного принципа связано с отходом от присущего биографическим исследованиям хронологического подхода.

Конкретно-исторический метод позволяет рассматривать Шишкова в тех неповторимых условиях, которые были присущи России первой четверти XIX века. Мы исследуем его как продукт той эпохи, в которой он жил, которая обладала своей особенной спецификой. Это позволяет объективно оценивать его роль и место в отечественной истории.

Сравнительно-сопоставительный метод позволяет проводить параллели между адмиралом и другими деятелями эпохи, выявлять отличительные черты его мировоззрения, определять особенности проводимой им политики.

Степень изученности темы. С середины девятнадцатого столетия стали появляться исследования, посвященные различным аспектам биографии Шишкова. Их объем постоянно увеличивался, особенно, после реформ 60-х гг. XIX в., вызвавших острую полемику между консерваторами и либералами. Преобладание либерального направления общественной мысли предопределило незавидное положение адмирала в отечественном историческом процессе как «невежественного реакционера», «старовера», «обскуранта». Большинство работ, посвященных Шишкову, носили доктринальный характер. Они были нацелены на «очернение» и дискредитацию его идей.

Русский беллетрист П. П. Сухонин является одним из немногих исследователей, симпатизировавших взглядам Шишкова. В 1851 г. в «Журнале министерства народного просвещения» он поместил статью о

литературной деятельности адмирала¹. В ней, пожалуй, впервые, прозвучала мысль о влиянии творчества Шишкова на становление идеологии «официальной народности»: «Полные истинного сочувствия в своей народной славе, мы от души благодарим того, кто до последней минуты своей долголетней жизни, со всем увлечением, со всем жаром юности стоял за Русскую народность в Русском слове. Мы говорим о Шишкове»². Сухонин призывал либеральную общественность к объективности: «Если некоторые из мнений его, вследствие тогдашних понятий, не согласны с нынешним взглядом на Искусство, то мы должны быть еще более признательны ему за те, которые и до сих пор имеют свою силу, тогда как общество того времени едва ли было в состоянии оценить их»³.

Призыв Сухонина не нашел сочувственных откликов среди дореволюционных исследователей. В массе своей они сосредоточились на критике «архаичности» лингвистических пристрастий адмирала, связанных с увлечением церковно-славянской книжностью и критикой речевых заимствований у французов. Ему приписывалась мысль о непонимании процесса эволюции отечественной словесности. По мнению В. Г. Белинского, Шишков не признавал изменений в русском языке и, по сути, не замечал движения исторического процесса, «оставаясь одним и тем же, как египетская пирамида, безмолвным и бездушным свидетелем тысячелетий, пролетевших мимо него»⁴. Филолог Я. К. Грот вменял Шишкову «ограниченность, безвкусию, недостаток основательной учености и добросовестной критики»⁵. Литературовед Н. Н. Булич видел в нем представителя «отсталой партии», «педанта-славянофила», «гасильника просвещения», «инквизитора»,

---

¹Сухонин П. П. А. С. Шишков, в его литературной деятельности // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1851. Ч. 69. Отд. 5. С. 1–44.

²Там же. С. 2.

³Там же.

⁴Белинский В. Г. Сто русских литераторов // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М., 1954. Т. 5 : Статьи и рецензии 1841–1844. С. 191.

⁵Грот Я. К. Труды Я. К. Грота. СПб., 1899. Т. 2. С. 66.

«ненавистника новых явлений жизни»⁶. И. В. Ягич отмечал правоту Шишкова в «бичевании современников за подражание внешнему лоску западной культуры» и в то же время считал его проповедником застоя в общественно-политической жизни, литературе и языке⁷.

Дореволюционное литературоведение способствовало становлению историографического мнения о почти безоговорочной победе сторонников Н. М. Карамзина в дискуссии с шишковистами. Авторитет основоположника сентиментализма в филологических кругах был почти непререкаем, а его оппоненты представляли в роли бездарных ретроградов. Такая позиция не способствовала выяснению сущности лингвистического по форме и общественно-политического по содержанию спора тех лет. Она замыкала исследователей в рамках узких жанрово-стилистических вопросов языка, литературных вкусов и предпочтений.

Этот односторонний подход вместе с присущим дореволюционным исследователям желанием поучать объект своей критики ясно обозначил А. Д. Галахов: «Шишков совершенно упустил из виду сущность реформы (Карамзина – А. Г.). <...> Литературная речь Карамзина отличалась не примесью к ней иностранных слов и фраз, а особым строем, сравнительно с господствовавшим до нее слогом»⁸. С таким мнением сложно во всем согласиться. Во-первых, адмирал хорошо знал русскую и иностранную словесность. Упрекать его в непонимании отличий сентименталистского «слога» «Бедной Лизы» от, например, многократно цитировавшихся им образцов русского классицизма представляется неверным. Во-вторых, спор о русском языке Шишков направлял на критику западничества, космополитизма и атеизма присущих российскому образованному обществу,

---

⁶Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1902. Т. I. С.119–122.

⁷Ягич И. В. Энциклопедия славянской филологии. СПб., 1910. Вып.1. С. 160.

⁸Галахов А. Д. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1868. Т. II. С. 57.

что, само по себе, выводило дискуссию на общественно-политический уровень, который требует комплексный анализ взглядов адмирала.

В рамках дореволюционной историографии стоит отметить исследования литературоведа, этнографа, академика, двоюродного брата революционера Н. Г. Чернышевского А. Н. Пыпина⁹. Их отличала характерная памфлетная форма, стремление к политической и моральной дискредитации адмирала. Для либерала Пыпина он являлся выразителем своекорыстных интересов знати, «екатерининских вельмож», ретроградов, имевших пробелы в образовании, ультра-консерваторов, упорно цеплявшихся за архаичные формы социальной жизни, такие как: самодержавная форма правления, крепостное право, дворянские привилегии. Ученый, пожалуй, впервые причислил Шишкова к консервативному лагерю отечественной элиты, тем самым положив начало доктринальному размежеванию общественно-политических течений России первой четверти XIX века.

При всей своей политической ангажированности Пыпин добротню осветил позднюю биографию адмирала, связанную с его противостоянием переводческой и издательской деятельности Библейского общества, которая осуществлялась в русле экуменических чаяний верховной власти. Исследователь рассматривал эту страницу российской истории как борьбу в верхах правящей бюрократии. Шишков и его оппонент А. Н. Голицын, по мнению Пыпина, в своей министерской деятельности одинаково прославились обскурантизмом и ненавистью к свободе книгопечатания¹⁰. Исследователь не воспринимал всерьез аргументы адмирала, высказанные против резонансной книги немецкого проповедника И. Е. Госснера «Евангелие от Матфея», которая стала поводом к отставке Голицына. В разборе этого сочинения

---

⁹*Пытин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I // Исследования и статьи по эпохе Александра I. Петроград, 1918. Т. 3. 544 с. ; Российское Библейское общество, 1812–1826 // Вестник Европы. 1868. №11. С. 222–285. ; №12. С. 708–768. ; Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. СПб., 1873. 514 с. ; Русские отношения Бенгтама // Вестник Европы. 1869. №. 4. С. 730–788. ; Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в. Петроград, 1916. 577 с.

¹⁰*Пытин А. Н.* Российское Библейское общество // Вестник Европы. 1868. № 12. С. 717.

Шишковым Пыпин усматривал беспочвенные опасения революционного заговора, а самого Госснера считал искренним пиетистом¹¹.

В 1870 г. в «Русском вестнике» была опубликована статья П. К. Щебальского «А. С. Шишков, его союзники и противники»¹². Она представляла собой краткую рецензию на «Записки, мнения и переписку адмирала Шишкова», изданные в том же году Киселевым и Самариним. Несмотря на консервативный характер «Русского вестника», статья Щебальского повторяла либеральные оценки деятельности адмирала. Шишков обвинялся в «самой тупой вражде к свободе, во всех сферах ее проявления, – к свободе слова, мысли и совести»¹³. Программу его Министерства народного просвещения исследователь оценивал так: «Слепо веруй и ничего не знай, ничего не понимай, ни о чем не рассуждай»¹⁴. Адмирал характеризовался врагом Просвещения, вознамерившимся «заткнуть все скважины, сквозь которые проходит свет на Русскую землю, где якобы свила себе гнездо революция и воцарилось безверие»¹⁵. Кроме того, Щебальскому был присущ взгляд на Шишкова-министра как на фигуру несамостоятельную и креатуру «мракобеса» Магницкого.

В. Я. Стоюнин создал первую биографию Шишкова и в 1877 г. опубликовал ее в «Вестнике Европы»¹⁶. Спустя три года она вышла отдельной книгой¹⁷. Адмирал представлялся читателям убежденным патриотом, государственнымником, но вместе с тем человеком непрогрессивных взглядов. Стоюнин одним из первых среди исследователей обратил внимание на присущий Шишкову национализм, выросший на почве литературной критики европеизированного дворянства России: «Как бы удивился Шишков, если бы ему кто-нибудь сказал, что он сам поддается духу времени, увлекаясь

¹¹Там же. №11. С. 270.

¹²Щебальский П. К. А. С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. Т. 90, № 11. С. 192–254.

¹³Там же. С. 250.

¹⁴Там же.

¹⁵Там же. С. 251.

¹⁶Стоюнин В. Я. А. С. Шишков // Вестник Европы. 1877. № 9–12.

¹⁷Стоюнин В. Я. А. С. Шишков // Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч. 1. 371 с.

новейшей идеей, которая явилась уже позже революции и стала бродить в европейских умах – это идея национальности о которой, прежде никто не рассуждал. Нападая на всякое новомыслие и проповедуя о необходимости образованным классам обратиться к национальной жизни, Шишков и не подозревал, что он заодно с теми, которых он со злобою называл революционерами, возмутителями, развратниками, злодеями»¹⁸. Согласно исследованию Стоюнина, национализм адмирала был связан с «идеей славянства». Под ней, в сущности, подразумевалось славянофильство, которое после Шишкова стало ассоциироваться с особым путем развития России, с ее особой миссией донесения православной истины до впавших в ересь и атеизм европейцев, обращенностью к общинным началам русского крестьянства.

Взгляды адмирала на российское образование и его научную деятельность рассматривал русский филолог и литературовед М. И. Сухомлинов¹⁹. Исследователь выявил, что Шишков, с момента своего назначения президентом Российской императорской академии в 1813 г., определял и направлял весь ход ее работы. Филологические труды Шишкова, по словам Сухомлинова, «переполняли» повременные издания научного учреждения и «поддерживали самое существование этих изданий»²⁰.

В отличие от большинства дореволюционных исследователей, он высоко оценивал лингвистические знания адмирала: «Зная несколько иностранных языков, перечитав много старинных русских книг, будучи знаком с языком народа, и с произведениями устной словесности, Шишков имел в своем распоряжении такой запас сведений, которым могли похвастаться немногие из тогдашних писателей»²¹.

---

¹⁸Там же. С. 270–271.

¹⁹Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования России в царствование императора Александра I ; А. Н. Радищев // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. 671 с. ; История Российской Академии. СПб., 1885. Вып. 7. 648 с.

²⁰История Российской Академии. СПб., 1885. Вып. 7. С. 193.

²¹Там же. С. 204–205.

Этимологические ошибки адмирала ученый связывал с невысоким уровнем развития филологии того времени, преобладанием в ней ложных теорий: «В сравнительной филологии тогда господствовали начала, весьма наглядно выраженные в книге Бресса о механическом составе языков. <...> Слово есть выражение мысли, а потому в каждом слове и его корне доискивались непременно определенной какой-либо мысли и притом такой, которая бы удовлетворяла взгляду и личному вкусу современного филолога и дилетанта филологии. При этом совершенно забывалось о необходимости исторического изучения языка, о различии взглядов на предметы вследствие влияния времени, бытовых особенностей, движения умственной жизни»²².

А. А. Кочубинский был менее снисходителен к погрешностям адмирала в области филологии. Он считал, что его научная деятельность «тормозила» развитие лингвистики, а Российская Академия под его руководством продолжала отстаивать ошибочные теории XVIII в., «эпохи забавного этимологического сравнения языков целого мира»²³. Исследователь считал Шишкова недостаточно компетентным в научных вопросах. Он отмечал, что адмирал был знаком со многими европейскими языкам, знал церковно-славянский язык, но имел смутные представления о современных славянских языках²⁴. Характерной ошибкой лингвистической теории адмирала Кочубинский называл «сбивчивость понятий» при определении церковно-славянского языка: «Для Шишкова церковно-славянский язык – то только высший слог русского языка, с некоторою долею старины, то «коренной язык наш», то источник всех других»²⁵. Гипертрофированное внимание адмирала к этимологии слов, по мнению ученого, вело к методологическим ошибкам: «Сближение слов на основании свободной подмены одного звука другим и перестановки, разчленение слова на всевозможные части, свободное

---

²²Там же. С. 205.

²³*Кочубинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения: адмирал Шишков и канцлер Румянцев. Одесса, 1887–1888. С. 4.

²⁴Там же. С. 23.

²⁵Там же. С. 24.

осмысление слов – вот приемы, а об выводах можно догадываться»²⁶. Вывод Кочубинского заключался в том, что Шишков направлял усилия Российской академии в ненаучное русло: «Ученые издания Российской Академии – это сплошь этимология Шишкова, где только и мелькают *широко* из *ширь око*, *ночь* из *нет очи*, с разными таблицами древ, родословий слов»²⁷.

Член-сотрудник Русского географического общества П. О. Бобровский касался вопроса об изменении политики в отношении униатской церкви западных губерний России, которые происходили в бытность Шишкова министром народного просвещения и главноуправляющим иностранных исповеданий. В адмирале Бобровский видел сторонника повышения влияния белого униатского духовенства, сохранявшего верность православной обрядности²⁸. По мнению ученого, позиция Шишкова в данном вопросе коренным образом отличалась от действий его предшественников: «Он был первым из государственных людей в России, который на греко-униатов взглянул, как на людей русских, на исповедуемую ими веру – как на веру греко-восточную»²⁹. Исторической заслугой адмирала исследователь называл пресечение «латинизаторских целей» монашеского ордена Св. Василия («базилиан»), проводившего политику «полонизации» и «окатоличивания» территорий нынешних Белоруссии и Украины³⁰.

Деятельность адмирала в сфере просвещения рассматривалась в рамках монументальных исследований образовательной политики самодержавия и получила весьма схожие оценки. Е. К. Шмид отмечал, что его целью была «учебная реформа в духе православия и народности», а результатом стал поворот к национально-религиозным и национально-политическим началам, которые выразились в закрытии Библейского общества, в покровительстве

---

²⁶Там же.

²⁷Там же.

²⁸Бобровский П. О. Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. СПб., 1890. С. 13.

²⁹Там же. С. 3–4.

³⁰Там же. С. 361.

русскому языку и литературе³¹. «Шишков задумал коренную реформу учебной системы на принципах национальных, одинаково чуждых как философского либерализма эпохи графа Завадовского, так и космополитического мистицизма эпохи князя Голицына», – писал С. В. Рождественский в «Историческом обзоре деятельности Министерства народного просвещения»³². С. А. Князьков и Н. И. Сербов обозначили министерскую деятельность Шишкова как начало «эпохи национально-православной реакции»³³. П. Ф. Каптерев относил образовательную политику адмирала ко второму периоду истории русской «педагогии», начатому преобразованиями Петра I и завершеному отменой крепостного права Александром II. Суть этого периода он характеризовал следующими принципами: «государственность, профессиональность и сословность»³⁴.

Историк русской церкви П. В. Знаменский связывал министерскую деятельность Шишкова с укреплением позиций традиционного православия и антизападничеством, не забывая критиковать «строгости» политики адмирала в сфере цензуры книг: «Министерство Шишкова оказалось не легче голицынского по строгости, с какою налегло на русскую науку и литературу <...>. Новый министр выступил на свое поприще под знаменем православия и народности самым ярким борцом против всяких духов неправоверия и мистицизма, занесенных с нечестивого запада при Голицыне, и пуще всего против Библейского общества, которое считал главным их гнездом»³⁵. Впрочем, Знаменский не одобрял гонений Шишкова на «самый лучший плод деятельности библейцев», на перевод Св. Писания с церковно-славянского на русский язык³⁶.

---

³¹Шмид Е. К. История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. С. 166–167.

³²Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902. СПб., 1902. С. 168.

³³Князьков С. А., Сербов Н. И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910. С. 200.

³⁴Каптерев П. Ф. История русской педагогии. СПб., 1915. С. XI.

³⁵Знаменский П. В. Чтения из истории русской церкви за время царствования императора Александра I. Казань, 1885. С. 65.

³⁶Там же. С. 66.

Консерватизм Шишкова в крестьянском вопросе, нацеленный на сохранение крепостного права в незыблемости, осуждал В. И. Семевский³⁷. Политику адмирала в сфере цензуры печати и его мировоззренческие установки критиковал А. М. Скабичевский: «Шишков представлялся не только реакционером в чисто политическом смысле, – полагал исследователь, – но был проникнутым особенным, только ему одному свойственным духом староверства и поклонения допетровской старине, напоминавшим позднейших славянофилов»³⁸. Для введения Шишковым после восстания декабристов «чугунного» цензурного устава, согласно мнению Скабичевского, не было достаточных оснований. Политика адмирала в области контроля книгопечатания, в понятиях исследователя, продолжала традиции восемнадцатого века, когда на острие цензуры находилась борьба с энциклопедистами, преследование новых естественнонаучных открытий и теорий. Скабичевский полагал, что Шишков, усиливая цензуру, руководствовался следующими стереотипам: «призраком неистового якобинца, готового обогреть мир кровью, и развращенного вольтерьянца, смеющегося надо всеми божескими и человеческими законами, и помышляющего лишь о жене ближнего своего»³⁹.

Столетний юбилей Отечественной войны 1812 г. пробудил исследовательский интерес к патриотической пропаганде Шишкова. Д. А. Жаринов подразделял писанные им для армии и народа манифесты на две части: в первой из них правительство пыталось восстановить общественное доверие, утраченное после заключения Тильзитского мира в 1807 г., во второй – привлечь общество к активному участию в войне. Рубежными признавались

---

³⁷Семевский В. И. Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века // Крестьянский вопрос в России в XVIII – первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. 517 с. ; Крестьянский вопрос в царствование императора Николая // Русская мысль. 1884. № 6. С. 173–210.

³⁸Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1800–1863). СПб., 1892. С. 202.

³⁹Там же.

бумаги от 6 июля 1812 г. «Первопрестольной столице нашей Москве» и о создании ополчения в связи с вторжением французов в Россию⁴⁰.

Патриотическое значение манифестов было предметом изучения Н. А. Палицына⁴¹. Он отмечал, что эти документы имели «исключительное влияние на ход всей войны»: «Надежда на Бога, молитва к небу, борьба веры с неверием, мужество, храбрость и другие качества, отличавшие издавна народ, примеры из истории (Минин, Пожарский, Палицын и другие) и прочее, описанное все возвышенным, веским и в то же время живым словом, – все это как бы невольно настраивало каждого смело вставать на защиту отечества с оружием в руках и с верою в Бога»⁴². Вышедшая в 1911 г. небольшая статья В. Н. Бочкарева «Консерваторы и националисты в России в начале XIX в.» также отражала исследовательский интерес к теме патриотизма Шишкова⁴³.

В советский период идеи адмирала трактовались сквозь призму классового подхода. Догматический тезис о враждебности, бесперспективности и обреченности консерватизма делал ненужным объективный анализ деятельности Шишкова. Труды, посвященные адмиралу, носили в основном обличительный характер и по количеству во многом уступали биографиям марксистов, народников и либералов. Приоритетным по-прежнему являлось литературоведческое направление. Критиковалась несостоятельность присущего ему мнения о происхождении русского языка от церковнославянского.

Ю. Н. Тынянов в статье, ставшей классической, «Архаисты и Пушкин» указал на близость к шишковистской литературной традиции П. А. Катенина, В. К. Кюхельбекера, А. С. Грибоедова, а также выявил сходство их позиций с

---

⁴⁰Жаринов Д. А. Первые впечатления войны. Манифесты // Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1911. Т. III. С. 170–180.

⁴¹Палицын Н. А. Манифесты, написанные Шишковым в Отечественную войну, и патриотическое их значение // Русская старина. 1912. № 6. С. 477–490.

⁴²Там же. С. 479.

⁴³Бочкарев В. Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX в. // Отечественная война 1812 г. и русское общество. М., 1911. Т. II. С. 194–220.

творчеством зрелого А. С. Пушкина⁴⁴. Членов «Беседы любителей русского слова» Шишкова исследователь классифицировал как «старших архаистов». П. А. Катенина, В. К. Кюхельбекера, А. С. Грибоедова он отнес к «младшим архаистам». Имея сходство в литературных предпочтениях, эти группы писателей, по мнению Тынянова, расходились в восприятии революционных идей: ««Беседа» – соединилась с общественной реакцией, окрасив до наших дней в одиозный цвет и самую литературную теорию архаистов и сделав непонятной для исследователей связь младших архаистов, бывших в общественном и политическом отношении радикалами и революционерами, с их старшим поколением, по преимуществу общественными и политическими реакционерами»⁴⁵.

Профессор Ленинградского государственного университета Н. И. Мордовченко считал Шишкова выразителем «наиболее консервативных дворянских кругов»⁴⁶. Среди положительных сторон литературных идей Шишкова исследователь выделял следующие: преодоление карамзинистской «сентиментальной манерности и чувствительности», установлении близкого родства между семантическим строем старославянского и простонародного языков⁴⁷.

Эта робкая попытка частичной литературной реабилитации адмирала в советское время была предметом дискуссий. Н. Л. Степанов, редактируя монографию Мордовченко «Русская критика первой четверти XIX века», упрекал автора за «преувеличенно-положительную оценку деятельности Шишкова и установление прямой связи с ним того крыла декабристской критики, которое выступало с утверждением «славянизмов» и высоких жанров»⁴⁸.

---

⁴⁴Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Пушкин в мировой литературе. Сборник статей. Л., 1926. С. 215–286.

⁴⁵Там же. С. 217.

⁴⁶Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М. ; Л., 1959. С. 77.

⁴⁷Там же. С. 78–79.

⁴⁸Там же. С. 13.

В целом, советские исследователи, как и их дореволюционные предшественники, видели в адмирале противника социального и экономического прогресса. Его борьба против западничества российской элиты, присущий ему национализм, трактовались как проявление феодально-церковной реакции: «Шишков и его сторонники выступали против галломании, имея в виду влияние французской революции и передовых просветительских идей на русское общество. Ратуя за национальную самобытность, они, в сущности говоря, защищали крепостничество, деспотизм, феодальную и церковную идеологию»⁴⁹. По словам А. И. Комарова, «шишковисты» «были тесно связаны с реакционной оппозицией «либеральному» правительству и не скрывали своих ближайших политических задач»⁵⁰.

Результатом литературоведческих дискуссий о месте адмирала в истории российской словесности стало утверждение концепции Тынянова о двух разных патриотических лагерях: реакционного (А. С. Шишков, С. Н. Глинка, Ф. В. Ростопчин) и прогрессивного (декабристы, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин). Разница между ними объяснялась следующим образом: «Первые боролись за сохранение крепостничества, самодержавия, ненавидели все прогрессивное и новое, вторые стремились к изменению общественного строя, мечтали о свободной России, ненавидели произвол и угнетение народа. Первые были на виду, они делали политику именем народа, укрепляли дворянскую империю, кичились тем, что «спасли» Россию, а вторые мужественно боролись за новую Россию и собирали силы, чтобы предъявить счет за страдания народа, обманутого правителями»⁵¹.

Таким образом, советские исследователи и спустя несколько десятилетий после революции 1917 г. продолжали предъявлять Шишкову счет

---

⁴⁹Берков П. Н. Сатирическая журналистика 1769–1774 гг. // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950., Т. I. С. 79.

⁵⁰Комаров А. И. Журналистика и критика 1800–1810-х годов // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. I. С. 158.

⁵¹Там же. С. 159.

за «угнетение народа». С неослабевающим желанием вывести классового врага на чистую воду, они огульно порицали любые формы консолидации патриотов вокруг адмирала. Так, например, пушкинист Б. С. Мейлах называл литераторов шишковской «Беседы любителей русского слова», сыгравших важную роль в антифранцузском дискурсе накануне и вояремя Отечественной войны 1812 г., «губителями русского слова»⁵². Их цели он связывал исключительно с «пропагандой реакционно-охранительных идей», с «апологией феодальной неподвижности и застоя», с борьбой против «передовой национальной культуры».

Игнорировались обстоятельства общественного запроса на патриотизм с консервативным окрасом, такие как: национальное унижение «Тильзитом» и насаждения французами прогрессивных идей силой оружия. Б. С. Мейлах приписывал Шишкову несвойственные ему характеристики: неприязнь и равнодушие ко всему «действительно национальному», лицемерие, будто бы прикрытое «внешне патриотической фразеологией», «трескотней» и «демагогией». «Враг французского просвещения» и «передовой культуры Запада», «противник ума», «идеолог варварства», «реакционер», «двойственный-лицемер» – таким обвинениями бросался в адрес адмирала видный представитель советской науки. По Мейлаху, созданный Шишковым «слог» патриотических манифестов времен войны 1812 г., впоследствии использовался «царизмом» для «обмана народа»⁵³.

В целом, оценки взглядов и деятельности адмирала, сделанные Б. С. Мейлахом, отражали характерную для советского литературоведения черту: выход за привычную для дореволюционной эпохи схему противопоставления «передового» Карамзина и «старовера» Шишкова. Исследователь считал обоих литературных оппонентов политическими «реакционерами», идеи которых были враждебны «освободительному движению», возглавленному «прогрессивными романтиками» – декабристами. Он писал: «С ростом

---

⁵²Мейлах Б. С. Губители русского слова // Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 246–259.

⁵³Там же. С. 251.

освободительного движения и более интенсивным развитием борьбы классов идеологическая ограниченность салонного карамзинского стиля стала нести охранительную функцию не в меньшей мере, чем литературно-лингвистическая платформа Шишкова. Проблема создания для различных слоев общества единого языка на широкой национальной основе выдвигала необходимость борьбы на два фронта – и против Шишкова и против Карамзина»⁵⁴.

А. В. Предтеченский рассматривал место адмирала в общественно-политической истории России с позиций марксистской методологии⁵⁵. Порой ученый приходил к неожиданным выводам. Так, например, вопреки сложившейся дореволюционной традиции противопоставления либерально мыслящего императора консерваторам шишковского круга, Предтеченский изображал Шишкова чуть ли не «правой рукой» Александра I, его «ценителем» и «почитателем».

Начиная с 60-х гг. XX в. в г. Тарту (Эстония) усилиями семиотической школы Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского были созданы интересные и не потерявшие до сих пор значимости исследования о литературных спорах «карамзинистов» и «шишковистов»⁵⁶. Шишков представал в них деятелем, который идеализировал русскую историю и пытался на основе утопических представлений о старине строить будущее России. Несбыточный идеал адмирала, по Лотману и Успенскому, проистекал из ошибочных представлений о происхождении русского языка от церковнославянского: «Шишков видел в русском языке результат деградации языка церковнославянского. Соответственно, он заключал, что их отличие отражает

---

⁵⁴Мейлах Б. С. Пушкин и русский романтизм. М. ; Л., 1937. С. 85.

⁵⁵Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М. ; Л., 1957. 465 с.

⁵⁶Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII– начала XIX века: языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. 215 с. ; Успенский Б. А. Краткий очерк истории литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. 240 с. ; Лотман Ю. М. Карамзин: сотворение Карамзина. СПб., 1997. 832 с. ; Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 446–600.

разницу между идеальным – по его мнению, коренным, исконным – состоянием российского народа и его нынешним – искаженным и испорченным»⁵⁷.

Важным новшеством семиотической школы была попытка рассмотреть общественно-политические идеи Шишкова в контексте развития консервативной идеологии в Европе. Литературные произведения адмирала, по мнению Лотмана, содержали тот же консервативный дискурс, что и творения французского роялиста, писателя-романтика Ф. Р. Шатобриана: «Та же национально-романтическая идея, та же враждебность «философскому» XVIII столетию, и его порождению – революции, тот же антиисторический «историзм», и стремление возродить национальный характер на основе ортодоксальной (католической или православной) церковности, та же ненависть к рационалистическому пиетизму и его основе – протестантизму, с одной стороны, масонству, с другой. И, наконец, в эстетической области – то же тяготение к эпическим жанрам»⁵⁸.

Согласно исследованиям тартуской семиотической школы, Шишков сформулировал «национально-романтическую идею», которая оказала широкое воздействие на его младших современников П. А. Катенина, А. С. Грибоедова, В. К. Кюхельбекера, и в некоторой мере на декабристов К. Ф. Рылеева, П. И. Пестеля, Н. И. Тургенева. Утверждалось, что писатели-декабристы разделяли присущий адмиралу демократический пафос литературного творчества и, подобно Шишкову, стремились «славянизировать» русский язык (насытить его церковнославянизмами и архаизмами)⁵⁹. Существенным представляется вывод Лотмана о социальном характере литературной полемики начала XIX в. Противопоставление Шишковым народного языка «щегольству речей» салонной аристократии, ломало представление о консерватизме как элитарном явлении.

---

⁵⁷Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 456.

⁵⁸Там же.

⁵⁹Там же. С. 530.

Перестройка, гласность, рыночные реформы и распад СССР вызывали исследовательский интерес к адмиралу, как к противнику либеральных преобразований. Снятие всех цензурных ограничений в области исторических наук позволило рассматривать его деятельность более объективно. Впрочем, политический консерватизм Шишкова по-прежнему вызывал отрицательные отзывы.

М. Г. Альтшуллер в 1991 г. в журнале «Русская литература» опубликовал статью «А. С. Шишков о французской революции». В ней он объяснял «страх» Шишкова перед революцией не столько его принадлежностью к господствовавшему феодальному классу, как это делали марксисты, сколько «патриархальным патриотизмом и искренней, горячей любовью к русской народной культуре, к самому существованию народной жизни, к русскому духу»⁶⁰. Ученый считал адмирала талантливым публицистом и филологом, удачливым политическим деятелем, чьи идеи оказывали значительное влияние на литературу, просвещение, политику, идеологию. В тоже время Альтшуллер в «духе» Ю. М. Лотмана углубил критику «утопизма» взглядов Шишкова, как основанных на идеализации русской старины и «сознательном» игнорировании «темных пятен»⁶¹. Исследователь видел в нем ярого защитника «патриархальной идиллии», «застоя» и «неподвижности», сторонника сохранения существующих порядков во что бы то ни стало, а также антизападника, не чуждого ксенофобии и пытавшегося оградить Россию от любого чужеземного влияния. Ученый разделял неприятие адмирала к революционному способу изменения российской действительности, но отрицательно относился к его «охранительным» идеям во внутренней политике страны. По мнению Альтшуллера, деятельность Шишкова поспособствовала тому, что империя «опоздала» с проведением либеральных реформ и в 1917 г. стала жертвой революции⁶². Эти и другие

---

⁶⁰Альтшуллер М. Г. А. С. Шишков о Французской революции // «Русская литература». 1991. № 1. С. 145.

⁶¹Там же.

⁶²Там же. С. 149.

мысли исследователь развивал в объемных работах, посвященных, главным образом, литературному творчеству Шишкова и близких к нему писателей⁶³.

Современная историография, посвященная адмиралу, все больше концентрируется вокруг исследования его антизападнических идей. Во многом это обуславливается реакцией российского общества на вал пропаганды западных ценностей в СМИ, глобализацию, болезненный опыт либеральных реформ на западный манер, периодические столкновения с Западом на постсоветском пространстве и стремление России играть независимую роль в международной политике. В таком контексте самобытные взгляды адмирала имеют актуальность, а его консерватизм все меньше связывается с защитой феодальных порядков, являясь приложением к антизападничеству.

Большим исследовательским вниманием пользуется проблема влияния иностранных идей на мировоззрение адмирала. И. З. Серман видел в нем человека выросшего на культуре западного Просвещения: «При всем предпочтении допетровской церковной книжной культуры перед современной ему словесностью сам-то Шишков был проникнут культурой просвещения, был последователем и переводчиком Кампе и Тассо, словом, был человеком своего времени, может быть, не всегда отдавая себе в этом отчет»⁶⁴. Е. Е. Земскова отмечала, что «построения Шишкова находились в русле немецких романтических доктрин, идущих от Гердера»⁶⁵. А. Л. Зорин полагал, что шишковисты позаимствовали идею национального воспитания с опорой на народные традиции, обряды, празднества, игры и песни у Ж. Ж. Руссо⁶⁶. К

---

⁶³Альтишуллер М. Г. Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 19–92. ; *Его же*. Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства. М., 2007. 448 с.

⁶⁴Серман И. З. Литературное дело Карамзина. М., 2005. С. 284.

⁶⁵Земскова Е. Е. О роли языка в построении национальной утопии: «Онемечивание» Кампе и «Корнесловие» Шишкова // *Философский век: альманах*. СПб., 2000. Вып. 12. С. 87.

⁶⁶Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 169.

«руссоистскому источнику» исследователь относил и попытки адмирала указать на национальную природу словотворчества, вытеснить из русской речи иностранные слова, заменив их придуманными славянскими эквивалентами. Мнение адмирала об упадке русского национального самосознания под влиянием экспансии европейской культуры, высказанное им в ходе литературной полемики, ученый считал созвучным идеям «Общественного договора» Руссо. В этом трактате говорилось о том, что утрачивающая свои национальные особенности Россия, как и уже давно утратившие их европейские страны, станет добычей татар.

М. Ш. Файнштейн исследовал научную и организаторскую деятельность адмирала на посту президента Российской Академии (1813–1841 гг.)⁶⁷. Ученый связывал ее с конструированием русской консервативной идеологии: «В начале XIX в. адмирал стал одним из главных проводников официальной екатерининской идеи создания государственной, национальной культуры, воплотившей в себе все моральные символы самодержавия и православия. Поэтому есть все основания считать его одним из создателей идеологической доктрины «официальной народности» («самодержавие, православие, народность»), которую поставил себе на службу Николай I»⁶⁸.

А. М. Камчатнов считал адмирала пионером и основоположником теоретического словообразования в России⁶⁹. Исследователь полагал, что Шишков черпал свои лингвистические идеи из созданного по инициативе Екатерины II «Сравнительного словаря всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенных» (Ч. 1–4. СПб., 1790-1791) и из «Словаря Академии Российской» (Ч. 1–6. СПб., 1789–1794)⁷⁰.

---

⁶⁷Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти...»: Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М. ; СПб., 2002. 191 с.

⁶⁸Там же. С. 45.

⁶⁹Камчатнов А. М. У истоков русского исторического словообразования. Александр Семенович Шишков // Вестник Нижегородского университета Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 530–534.

⁷⁰Там же. С. 534.

К. Г. Боленко и Е. Э. Лямина исследовали наименее изученные аспекты биографии Шишкова, связанные с его военно-морской деятельностью при Павле I⁷¹. В павловское царствование он возглавлял Морской ученый комитет, задачи которого состояли в концентрации и приведении в систему уже имеющихся знаний. По мнению исследователей от Шишкова зависело научно-техническое развитие вооруженных сил⁷². Ученые видели в нем деятеля, который стремился к распространению профессионального военно-морского образования в офицерской среде, и с этой целью предполагал создать ученые комитеты и библиотеки в портовых городах, проводить лекции среди боевого состава. К мемуарным рассказам Шишкова о своей флотской деятельности, опубликованным в «берлинских записках» Н. С. Киселева и Ю. Ф. Самарина, К. Г. Боленко относился с недоверием. Он отмечал, что воспоминания адмирала до сих пор не были подвергнуты источниковедческому анализу и представляют собой «на редкость тенденциозный» текст⁷³. Ученый полагал, что назначения Шишкова управляющим канцелярии по делам Черноморского флота так и не состоялось. Высокая должность была ему лишь обещана, чтобы привлечь к службе при екатерининском фаворите П. А. Зубове⁷⁴.

Деятельность Шишкова в Морском ученом комитете находилась в центре внимания И. В. Меркулова. По его словам, адмирал положил начало «систематической разработки российской морской истории», «именно Шишкова следует считать первым фактическим историографом флота»⁷⁵. Кроме того, адмирал рассматривался как начинатель отечественной морской журналистики, историк павловского флота и офицерского корпуса. Исследователь критически относился к автобиографическим сведениям,

---

⁷¹Боленко К. Г., Лямина Е. Э. А. С. Шишков и «Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего»: (на пути к Беседе Любителей русского слова) и Российской академии) // Россия и реформы. М., 1991. Вып. 3. С. 4–20.

⁷²Там же. С. 5.

⁷³Боленко К. Г. «А. С. Шишков и П. А. Зубов: к истории одного назначения» // «Цепь непрерывного предания...»: сб. памяти А. Г. Тартаковского. М., 2004. С. 36.

⁷⁴Там же. С. 38.

⁷⁵Меркулов И. В. «Историограф Российского флота адмирал А. С. Шишков» // Новый часовой: Русский военно-исторический журнал. СПб., 2004. № 15–16. С. 300–310.

распространяемым самим Шишковым. Ученый выражал сомнения в точности изложенных им обстоятельств пребывания в Швеции после кораблекрушения 1771 г.⁷⁶ В тоже время литературное творчество адмирала ученый признавал ценным с точки зрения понимания его личности и черт характера⁷⁷. В целом, Меркулов характеризовал Шишкова как лидера патриотической оппозиции, противостоявшей космополитическим проявлениям российской общественно-политической жизни: «Шишков, прежде всего, был гражданином своего Отечества в самом высоком понимании этих слов, русским по сердцу и уму, душою тех общественных сил, которые стали хотя и почти бессильной, но единственной духовно-нравственной оппозицией охватившему Россию безумию космополитизма»⁷⁸.

В книге профессора Казанского университета Е. А. Вишленковой «Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века» затрагивалась биография позднего адмирала⁷⁹. Согласно исследованию, став министром народного просвещения и главой департамента иностранных исповеданий, он ратовал за приоритет государственных интересов над церковными. При этом Шишков руководствовался «иосифлянкой» концепцией, которая связывала влияние православной веры в России с силой русской монархии и государственного аппарата. В целом же защита Шишковым интересов православной церкви рассматривалась Вишленковой как ответ на насаждение в России протестантизма, утверждавшегося в стране благодаря культурному и экономическому прогрессу.

---

⁷⁶Меркулов И. В. «К вопросу об объективности отражения реальности в «Отрывке из жизни №...» А. С. Шишкова» // Призвание – история. 2010. С. 170–180.

⁷⁷Меркулов И. В., Петрова А. Н. История одного научного поиска: Исторические анекдоты А. С. Шишкова о Екатерине Великой // Мир в новое время : сборник материалов 8-й конференций студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам мировой истории XVI–XXI вв. СПб, 2006. С. 176.

⁷⁸Меркулов И. В. Адмирал Александр Семенович Шишков. Личность в контексте эпохи // Корттик. СПб., 2004. № 3. С. 14–22 ; 2005. № 4. С.18–36.

⁷⁹Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. 439 с.

Место Шишкова в рядах православной консервативной оппозиции экуменическому курсу Александра I было предметом исследования Ю. Е. Кондакова⁸⁰. Ученый показывал, что в религиозных вопросах адмиралу было присуще антизападничество, критика мистицизма и защита православных догм. В широком историческом контексте Шишков представлялся Кондакову продолжателем дел христианских апологетов, чьи усилия были направлены против современных им вероучений, являвшихся ничем иным как формами ересей⁸¹.

Г. В. Бежанидзе не придавал большого значения религиозным разногласиям между Шишковым и его оппонентами из окружения А. Н. Голицына, отводя ему роль инструмента интриги заговорщиков против князя. Он ставил под сомнение религиозность адмирала, бездоказательно называл его знания церковнославянского языка поверхностными, а его самого - типичным воспитанником эпохи Просвещения, имевшим смутные представления о вере, проявлявшим вольнодумство и рационализм. Эти упреки относились к заступничеству адмирала за книгу идеолога естественного права Самуэля Пуфендорфа «О должностях человека и гражданина», которая как философская была запрещена при Голицыне, а до этого долго являлась главным учебным пособием в образовательных учреждениях⁸².

Социокультурный контекст деятельности адмирала являлся предметом изучения Т. А. Егеревой⁸³. Как показывала исследовательница, консерваторы первой четверти XIX в. были людьми эпохи Просвещения и в семейной

---

⁸⁰Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб., 1998. 224 с. ; *Его же*. Государство и православная церковь в России : эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2004. 360 с. ; *Его же*. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005. 334 с.

⁸¹Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб. 2000. С. 86.

⁸²Бежанидзе Г. В. О взглядах адмирала А. С. Шишкова и святителя Филарета Московского на значение церковнославянского языка // Филаретовский альманах. 2013. Вып. № 9. С. 7–15.

⁸³Егерева Т. А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2014. 416 с.

жизни ориентировались на европейские поведенческие нормы. Они заключали браки в зрелом возрасте, достигнув определенного положения в обществе, и, нередко, с иностранками. Так, например, Шишков первый раз женился в сорок лет на голландке-лютеранке Д. А. Шельтинг, второй раз заключил брак после ее смерти с полькой-католичкой Ю. О. Лобаржевской, чем удивил современников, видевших в нем ревнителя всего национального и православного. Обстоятельствами семейной жизни Шишкова Егерева доказывала утопичность присущей ему идеи сохранить российские традиции в незыблемости. В частности, она не обошла стороной использование в семейном быту адмирала французского языка, как подтверждения неизбежности усвоения российской элитой западных ценностей. Исследовательница отмечала, что адмирал усвоил идею Просвещения о «гендерной идентичности», предполагавшей вежливое отношение к женщине⁸⁴.

Т. В. Полежаева полагала, что на взгляды Шишкова оказывала влияния модернизация русской жизни, рациональные установки Просвещения и отход дворянства от православного мировоззрения. В адмирале она видела прежде всего светского человека, который, пребывая в Европе, не находил ничего дурного в том, чтобы посещать католический храм вместо православной заутрени и спокойно играть в рокамболь⁸⁵.

Исследователь русской консервативной мысли первой четверти XIX века А. Ю. Минаков рассматривал Шишкова в качестве одного из главных ее основоположников. Ученый отмечал, что адмиралом были созданы ключевые для русского консерватизма того времени произведения, оказавшие

---

⁸⁴*Егерева Т. А.* Семейная жизнь русских консерваторов в начале XIX века // Преподаватель. XXI век. 2010. № 3. С. 244.

⁸⁵*Полежаева Т. В.* «Ходил я в католицкую здешнюю церковь слушать музыку и пения»: к вопросу о характере религиозности А. С. Шишкова // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 1 (21). С. 63–66. ; *Ее же.* Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX века) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 96-100. ; *Ее же.* «Сей старец дорог нам...»: к вопросу о политическом поведении А. С. Шишкова // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 3 (29). С. 116–122.

значительное влияние на формирование мировоззрения русской элиты⁸⁶. В их содержании исследователь обнаруживал попытку конструирования консервативно-национальной традиции не только в сфере языка, но и в сфере культуры в целом. Впоследствии это вылилось в разработку «определенной версии русской истории», в декларировании необходимости «воссоздания» русской одежды, развлечений, кухни, этикета, вплоть до бытовых мелочей⁸⁷. Кроме того, присущий взглядам адмирала традиционализм, по мнению ученого, проявлялся в «обращении к мифологизированному прошлому России, нравственному опыту и обычаям, авторитету предков»⁸⁸.

Минаков также рассматривал Шишкова как общественно-политического деятеля, причастного к зарождению националистической идеологии. Последняя провозглашает нацию высшей ценностью, единым целым, самодостаточной и суверенной культурно-политической общностью. Специфику шишковского национализма исследователь усматривал в его галлофобии, выражавшейся в неприятии всего французского, начиная от мод и заканчивая идеологией Просвещения. По словам ученого, галлофобный национализм Шишкова был реакцией на поведение французской нации, «разрушившей «алтари» и «троны» и в глазах остального мира выступившей символом революционности и якобинского террора»⁸⁹. Другими элементами шишковского консервативного национализма Минаков называл самодержавие и православную веру, а также антиреволюционность, антилиберализм и антизападничество⁹⁰. Русский национализм Шишкова, по мнению ученого, был трудно совместим с имперским универсализмом, насаждавшимся

---

⁸⁶Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века : монография. Воронеж, 2011. С. 5.

⁸⁷Там же. С. 451.

⁸⁸Минаков А. Ю. А. С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма // Научные ведомости. Белгород. гос. ун-та. 2009. №7 (62). Вып. 10. С. 146.

⁸⁹Минаков А. Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX века в России // Вестник российского государственного университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитар. Науки. Калининград, 2009. Вып. 12. С. 12.

⁹⁰Там же. С. 16.

абсолютистской властью⁹¹. Верховная власть использовала русский национализм в прагматических целях, когда требовалась общенациональная мобилизация, предполагающая безусловную ценность народной солидарности. После Отечественной войны 1812 г. власть отошла от националистической идеологии, что послужило причиной отставки адмирала с поста Государственного секретаря и критики с его стороны прозападных космополитических тенденций в духовной жизни России.

Большой вклад в популяризацию публицистики Шишкова внес В. С. Парсамов, издав основные работы адмирала отдельным сборником и снабдив его обширным предисловием⁹². Ученый стремился переосмыслить идеи адмирала. Он справедливо указывал на необходимость преодоления господствующих представлений об устарелости взглядов Шишкова, поскольку они вышли из XIX столетия, когда в литературе преобладали либералы и сторонники Карамзина⁹³. По словам исследователя, адмирал в своей критике сентименталистского «нового слога» Карамзина выступал не столько поборником старины, сколько революционером в области словесности⁹⁴. К новшествам Шишкова он относил его попытки искоренения иноязычной лексики из русского языка. В целом, апелляция Шишкова к церковнославянской книжности и русским традициям, согласно исследованию Парсамова, представляла собой попытку конструирования новой самобытной идеологии. Ее актуальность ученый связывал с развитием западных идей в современной России. В этом контексте адмирал отождествлялся с антизападничеством в области культуры: «Дело не в том, что Шишкову нравилась или не нравилась западная культура, а в том, что ее плоды он считал в принципе не пригодными для русской культуры.

---

⁹¹Там же. С. 14.

⁹²*Шишков А. С. Избранные труды / А. С. Шишков ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамов. М., 2010. 720 с.*

⁹³Там же. С. 5.

⁹⁴Там же. С. 19.

<...> Шишков вполне положительно оценивает то, что Запад не подражает России, как Россия Западу»⁹⁵.

Парсамов связывает с именем Шишкова «традицию подменять реальную сложность многих вопросов национального бытия высокой риторикой идеологических конструкций и объяснять собственные трудности вражескими происками извне», тогда как защита русских традиций и продуманная языковая политика остались «благими пожеланиями» адмирала⁹⁶.

Публицист Н. В. Овчинников положительно воспринимал присущее Шишкову антизападничество⁹⁷. В нем он угадывал чуть ли не идейного предшественника сталинской борьбы с «низкопоклонством перед Западом», с «безродным космополитизмом», с «дегенеративным искусством – черных квадратов, сумбуром вместо музыки и тому подобными психопатическими извращениями»⁹⁸. Взгляды адмирала, по мнению Овчинникова, были направлены против дворянского «паразитизма», в защиту народного коллективизма, православной этики и производительного труда, а их торжество не позволило бы обрести силу «тесно сплоченным клановым группам, ориентированными на узко корпоративные, притом враждебные основной части народа интересы»⁹⁹.

Иностранные исследования, посвященные Шишкову, немногочисленны. Литературную полемику шишковистов и карамзинистов рассматривал П. Гард¹⁰⁰. Американский историк Р. Уортман освещал его манифесты 1812 г. и характеризовал адмирала «консервативным, националистически настроенным

---

⁹⁵Там же. С. 31.

⁹⁶Там же. С. 68.

⁹⁷Овчинников Н. В. Вдохновитель побед русского оружия. М., 2012. 288 с.

⁹⁸Там же. С. 52.

⁹⁹Там же.

¹⁰⁰Garde P. A propos du premier mouvement slavophile // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1964. Vol. 5, № 3. P. 261–269. ; Garde P. Šiřkov et Karamzin: deux ennemis? // Studia slavica mediaevalia et humanistica. 1986. № 1. P. 279–285.

поэтом»¹⁰¹. Оригинальную биографию адмирала предложил А. Мартин¹⁰². Ученый считал несостоятельным взгляд на Шишкова как на реакционера, антизападника, ксенофоба, ультраконсерватора и даже шовиниста. Адмирал, согласно его исследованию, в отличие от М. Л. Магницкого или А. А. Аракчеева, не испытывал патологической ненависти к свободе мысли, любил Италию и Германию, не сомневался в правильности европеизации России¹⁰³. Его взгляды, по А. Мартину, сформировались до французской революции 1789 г., и до конца жизни он оставался сторонником «просвещенного абсолютизма», что предполагало мировоззренческий синтез идей западного Просвещения и российских традиций. По словам ученого, Шишков «считал возможным соединить в России Просвещение и традиционность, уважение к личности и помещичьи привилегии, самодержавие и дворянскую свободу»¹⁰⁴.

Характерной чертой мировоззрения адмирала А. Мартин считал сочетание патриотизма и космополитизма. Последний из этих двух элементов, согласно его исследованию, формировался у Шишкова с молодости под влиянием связей с масонскими кружками, в условиях столичной жизни, зарубежных командировок и почитания Петра I и Екатерины II: «Вспомним, что молодой Александр Семенович восхищался памятниками греческой архитектуры и итальянской поэзией, боготворил Петра и Екатерину – монархов, целью которых было включение России в Европу – и потом прожил почти всю жизнь в Санкт-Петербурге, у российского «окна в Европу». Он был убежденным патриотом-космополитом, желающим дать России славное место в обществе европейских народов, и очень гордился, когда иностранцы отзывались с похвалой о его сочинениях»¹⁰⁵.

---

¹⁰¹ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии // Материалы и исследования по истории русской культуры. М., 2002. Вып. 8. Т.1. : От Петра Великого до смерти Николая I. С. 289.

¹⁰² Martin A. Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I / Alexander M. Martin . – Dekalb: Northern Illinois University Press, 1997. Pp. 294.

¹⁰³ Там же. С. 57.

¹⁰⁴ Там же. С. 64.

¹⁰⁵ Там же. С. 57.

Причину усиления консервативных и националистических начал в мировоззрении Шишкова ученый усматривал в либеральных реформах александровского царствования и в войне 1812 г. Консерватизм и национализм адмирала, по Мартину, был вынужденным явлением, и до XIX в. не доминировал в его взглядах. Эту мысль исследователь подкреплял событиями поздней биографии Шишкова, когда он более снисходительно, чем другие современники, отзывался на преследования профессоров Санкт-петербургского университета Д. П. Руничем, и по вопросу о наказаниях для декабристов.

Подводя итог историографического обзора работ, посвященных Шишкову, можно отметить их идеологическую разнородность. Если в дореволюционной науке критика адмирала определялась доминированием в политическом пространстве России либеральной идеологии, то советский период стал временем торжества марксистского учения. Обе исторические эпохи не привели к появлению целостных, непротиворечивых исследований о взглядах и деятельности Шишкова. Его образ стал карикатурой на консервативное течение общественной мысли, как отжившей свой век идеологии и политической практики. Современная историография, несмотря на присущие ей подвижки в сторону всестороннего изучения роли адмирала в отечественной истории, сохраняет некоторую тенденциозность.

Цель исследования – создание научной биографии А. С. Шишкова, рассмотрение основных аспектов его деятельности и особенностей общественно-политического мировоззрения в широком историческом контексте.

В соответствии с этим, **задачи** настоящей работы следующие:

- рассмотреть формирование личности и мировоззрения А. С. Шишкова, его пребывание за границей в рамках морских экспедиций российского флота, ранние литературные работы будущего адмирала, а также его путь по карьерной лестнице;
- выявить общественно-политические идеи А. С. Шишкова, изложенные им в ходе лингвистического спора «о старом и новом слоге русского

языка»;

- изучить роль адмирала в консолидации патриотических сил накануне Отечественной войны 1812 г.;
- проанализировать пропагандистскую деятельность А. С. Шишкова в годы наполеоновского нашествия и заграничных походов русской армии;
- проанализировать его предложения, изложенные в Государственном совете и Комитете министров по сословному, крестьянскому и другим ключевым вопросам российской жизни;
- изучить политику министерства народного просвещения А. С. Шишкова в отношении мистико-космополитической идеологии Библейского общества, участие адмирала в «деле Госснера»;
- выявить основные принципы политики адмирала в области просвещения и цензуры печати в 1824–1828 гг.

Источниковая база. *Неопубликованные источники* представлены документами и материалами, хранящимися в Российском Государственном Историческом Архиве (РГИА), Отделе рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ), в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) Российской Академии наук (РО ИРЛИ), в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Кроме того, личные фонды Шишкова хранятся в Отделе письменных источников Государственного Исторического Музея (ОПИ ГИМ), в Отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки (ОР РГБ).

Личный фонд Шишкова РГИА содержит 302 единицы хранения, отложившиеся в результате его служебной, литературной и академической деятельности, включая сведения биографического и семейного характера (Ф. 1673). В массе своей это краткие заметки, письма, речи Шишкова, материалы современников, записки, связанные с филологическими увлечениями адмирала, литературные труды. Среди них можно выделить копии рескриптов, грамот и писем Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I и

лиц царствующей фамилии к А. С. Шишкову¹⁰⁶. Копия записки адмирала, составленной по случаю представления к «Знаку отличия беспорочной службы», содержит краткие сведения о его служебной деятельности, наградах и воинских званиях за 1767–1828 гг.¹⁰⁷ Информация о должностных доходах Шишкова отражена в его «Прошении <...> в Капитул императорских и царских орденов о выплате денег (со сведениями о жаловании Шишкова А. С. по разным должностям)» от 5 мая 1836 г.¹⁰⁸ Записка «о несправедливом отобрании в казну части его земель в Тверской губернии по решению Межевой канцелярии» подтверждает историографические сведения о мелкопоместном характере землевладений адмирала¹⁰⁹. Отношение Шишкова к образованию, как к источнику вольнодумства, характеризуют две его записки: «о немецких университетах»¹¹⁰ и «о вреде образования»¹¹¹. В первой из них критиковалась слабость мер германского правительства в борьбе с университетской автономией, во второй – попытки отечественных чиновников смягчить «чугунный» цензурный устав 1826 г.

Большой информативностью обладает делопроизводственная документация других фондов РГИА. В фонде Канцелярии департамента народного просвещения отложились бумаги, восходившие к Шишкову, когда он был министром народного просвещения и главноуправляющим иностранными исповеданиями (1824–1828 гг.), а также дела особой важности, приказания, переписка министра и других чиновников. (Ф. 735). Предложения адмирала о придании отечественной сфере образования единообразия содержат следующие дела: «О собрании Главного правления училищ 11 декабря 1824 г.»¹¹², «Об учреждении при Главном правлении училищ комитетов для обозрения порядка управления учебных заведений и для

---

¹⁰⁶РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. 90 л.

¹⁰⁷Там же. Д. 2. 2 л.

¹⁰⁸Там же. Д. 3. 3 л.

¹⁰⁹Там же. Д. 7. 7 л.

¹¹⁰Там же. Д. 87. 1 л.

¹¹¹Там же. Д. 40. 1 л.

¹¹²Там же. Ф. 735. Оп. 1. Д. 3. 21 л.

устройства осмотра их»¹¹³. Политику Шишкова в отношении книг духовного содержания и отказ самодержавия от космополитизма в вопросах веры отражают дела: «О дозволении напечатать и продать, конфискованную в 1819 г. книгу «Беседа на гробе младенца о бессмертии души»»¹¹⁴, «О непечатании в ведомостях отчетов Библейского общества за 1824 г.»¹¹⁵ «О книгах, относящихся к вере и изданных без синодского разрешения»¹¹⁶ и «О закрытии масонских лож»¹¹⁷. Кроме того, из Департамента народного просвещения к императору исходила отчетность о ключевых мерах министерства за разные годы. Такие отчеты есть за 1824–1825 гг.¹¹⁸ и за 1826–1827 гг.¹¹⁹ В том же фонде находится немало дел узко канцелярской направленности, как, например, «о бумагах, препровождаемых в Департамент Иностранных Исповеданий и разные места ведомства»¹²⁰.

В работе также использованы материалы дела «Об учреждении Комитета по устройству учебных заведений и о закрытии Комитета о составлении проекта устава»¹²¹. Оно содержит в себе мнения российских профессоров о необходимых преобразованиях в сфере просвещения и сведения о задачах, возложенных в этом деле на Шишкова Николаем I. В деле о составлении устава о цензуре 1826 г. находится список постановлений на этот счет с 1804 г., соображения чиновников о печатании и цензуре духовных книг иностранных исповеданий, доклад адмирала императору и замечания самодержца¹²².

В архивном фонде Государственного совета (Ф. 1149) было обнаружено обширное дело «О запрещении продажи крестьян порознь и без земли»¹²³. В

---

¹¹³Там же. Д. 6. 137 л.

¹¹⁴Там же. Д. 1. 37 л.

¹¹⁵Там же. Д. 75. 15 л.

¹¹⁶Там же. Д. 76. 122 л.

¹¹⁷Там же. Д. 36. 194 л.

¹¹⁸Там же. Д. 124. 57 л.

¹¹⁹Там же. Д. 207. 96 л.

¹²⁰Там же. Д. 231. 54 л.

¹²¹Там же. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1. 75 л.

¹²²Там же. Ф. 733. Оп. 118. Д. 557. 179 л.

¹²³Там же. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. 401 л.

1820 г. Шишков был среди главных критиков одноименного законопроекта и либерализма в крестьянском вопросе. Дело содержит копии и выписки с журналов Государственного совета и Комитета министров, выписки из законов, делопроизводственную переписку, записки и мнения представителей высшей бюрократии, журналы Комиссии составления законов и сам законопроект. Эти материалы проливают свет на всю цепочку бюрократической работы по данному вопросу и историю крепостного права. При работе с журналами Департамента законов Государственного совета (Ф. 1160) были обнаружены записки Санкт-Петербургского военного губернатора М. А. Милорадовича и управляющего Министерством внутренних дел В. П. Кочубея о пресечении продажи крепостных крестьян и дворовых людей, направленные в Комиссию составления законов. Там же найдены мнения членов Государственного совета: графа Ю. П. Литта, барона Б. Б. Кампенгаузена, адмирала Н. С. Мордвинова, генерала от инфантерии князя Д. И. Лобанова-Ростовского¹²⁴.

Личный фонд Шишкова ОР РНБ состоит из 14 единиц хранения. Он включает его родословную, переписку с разными лицами (Ф. 862). Наибольшей информативностью обладают две рукописные книжки адмирала, именуемые как «Разные записки»¹²⁵. В них содержатся его письма к Е. Р. Дашковой и М. М. Хераскову, разбор «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Рассмотрение псалмов, предложенных Ломоносовым», ответ на критику в журнале «Сын отечества», «Размышление старца желающего блага своему отечеству», «Достопамятные сказания об императрице Екатерине Великой», стихотворения, выписки из книг и некоторые переводы. В целом эти рукописи являются ценным историко-литературным материалом. Кроме того, они проливают свет на общественно-политические взгляды Шишкова, с присущей ему идеализацией екатерининского правления, осуждением кровавых последствий Великой французской революции,

---

¹²⁴Там же. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 179–233.

¹²⁵ОР РНБ. Ф. 862. Д. 3. 114 л.; Д. 4. 57 л.

критикой атеистических тенденций Просвещения и свободы книгопечатания. Содержание этих «записок» охватывает время правления Александра I и несколько лет царствования Николая I.

Фонд Шишкова в Отделе письменных источников Государственного исторического музея состоит из 14 единиц хранения¹²⁶. Его содержание составляют: воспоминания, заметки, касающиеся 1812–1814 гг., мнения по вопросам, разбираемым в Комитете Министров, материалы, относящиеся к Императорской Российской академии и к «Библейским обществам». Фонд был приобретен в 1920 г. у С. О. Долгова и систематизирован по хронологическому признаку. Он поступил в ОПИ ГИМа не весь. Дополнительный материал из собрания С. О. Долгова есть в Ленинской библиотеке в Москве. Его содержание составляют письма к жене 1813–1827 гг. и «записки» 1824–1826 гг.¹²⁷ Перед этим рукописи побывали у нескольких лиц. В конце своей жизни Шишков передал их на хранение П. А. Ширинскому-Шихматову. После смерти последнего они продавались в книжных россыпях. Граф В. А. Сологуб купил эти рукописи на толкучем рынке и подарил их В. А. Далю, а от него они перешли к М. П. Погодину¹²⁸. Позднее их приобрели и опубликовали в 1870 г. Н. С. Киселев и Ю. Ф. Самарин под заглавием «Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова», Т. 1. и 2.

В фонде адмирала ОР ИРЛИ отложились его письма А. Х. Бенкендорфу¹²⁹, Л. И. Голенищеву-Кутузову¹³⁰ и к другим современникам. Письма к нему Павла I¹³¹, Николая I¹³², С. Сестренцевича¹³³ и черновик его обращения к Николаю I¹³⁴, составленный по случаю увольнения с поста

¹²⁶ОПИ ГИМ. Ф. 183.

¹²⁷ОР РГБ. Ф. 92. Д. 102, 103.

¹²⁸*Сахаров И. П.* Записки // Русский архив. 1873. Кн. 1. Стб. 960, 962.

¹²⁹ОР РИЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 1. 2 л.

¹³⁰Там же. Д. 2. 1 л.

¹³¹Там же. Д. 10. 2 л.

¹³²Там же. Д. 9. 2 л.

¹³³Там же. Д. 11. 2 л.

¹³⁴Там же. Д. 3. 2 л.

министра, содержат служебную информацию и проливают свет на взаимоотношения адмирала с монаршими особами. Взгляды Шишкова на политику в сфере цензуры печати отражает его «Докладная записка императору Николаю I об учреждении Верховного цензурного комитета»¹³⁵, и такого же рода письмо «О Верховном цензурном комитете»¹³⁶. Кроме того, малоинформативные дела о назначении и увольнении адмирала с министерской должности хранятся в ЦГИА СПб¹³⁷.

Опубликованные источники, посвященные адмиралу, до настоящего времени использовались слабо или же вовсе были преданы забвению. *Эпистолярное* наследие Шишкова представлено его письмами 1776–1777 гг. о морской экспедиции из Кронштадта в Средиземное море¹³⁸. Их адресат неизвестен, но, очевидно, это был дорогой и близкий ему человеку. Цель этих материалов Шишков определял так: «Я пишу не для наставления тебя и других моих читателей, ежели они, когда случатся, но для собственного себе о том напоминания в будущее время, и чтоб купно при сем засвидетельствовать, сколько часто я о тебе помышлял в мое отсутствие»¹³⁹. В этих письмах он в мельчайших подробностях описывал заграничный быт. Впоследствии, Шишков интерпретировал их содержание в отдельной книге¹⁴⁰.

Эпистолярные источники также представлены его письмами к первой жене Дарье Алексеевне Шельтинг 1797–1798 гг., созданные во время девятимесячной заграничной командировки в Европу при Павле I. Впервые они были опубликованы профессором Тартуского университета Л. Н.

---

¹³⁵Там же. Оп. 3. Д. 2. 2 л.

¹³⁶Там же. Д. 5. 4 л.

¹³⁷ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 936. ; Оп. 1. Д. 382. ; Д. 1459.

¹³⁸Русский путешественник прошлого века за границу. (Собственноручные письма А. С. Шишкова 1776 и 1777 г.) // Русская старина. 1897. Т. 90, № 5. С. 409–423 ; № 6. С. 619–632 ; Т. 91, № 7. С. 197–221.

¹³⁹Там же. Т. 91, № 6. С. 625.

¹⁴⁰*Шишков А. С.* Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им по время путешествия его из Кронштадта в Константинополь. СПб., 1834. 117 с.

Киселевой¹⁴¹. Содержание писем составляют рассказы о путешествии, светские и семейные дела.

Высокую автобиографическую ценность имеет упоминавшееся ранее двухтомное берлинское издание «Записок, мнений и переписки адмирала А. С. Шишкова» под редакцией Н. С. Киселева и Ю. Ф. Самарина¹⁴². Оно позволяет исследовать основные этапы его карьерного роста, общественно-политическую, государственную, литературную и филологическую деятельность, семейные и имущественные дела, переписку с разными лицами. К мнению адмирала и эпизодам мемуарного характера следует относиться критически. Во-первых, этого требует необходимость объективного, беспристрастного анализа, поскольку фигура Шишкова олицетворяла определенные политические силы и преследовала собственные карьерные цели. Во-вторых, за давностью лет, при написании мемуаров и переписывании своих ранних писем адмирал мог путать события прошлого или менять свое отношение к ним. В целом, содержание «берлинских записок», подтверждает историографические оценки консерватизма, как оппозиционного к либеральному курсу Александра I течения общественно-политической мысли. Шишков составил неприглядную характеристику реформ «Северного сфинкса» и его окружения, как проводников идей французской революции 1789 г.

К *официальным документам* можно отнести написанные адмиралом с 1812 по 1816 гг. правительственные манифесты, рескрипты и другие бумаги, обращенные к войскам и к народу во время Отечественной войны¹⁴³. Их содержание составляет российская патриотическая пропаганда тех лет. Через эти манифесты Шишков укоренял идею «священной войны» русского народа

---

¹⁴¹Шишков А. С. Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.) / А. С. Шишков ; публ. Л. Н. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение: новая серия. Тарту, 1994. Ч. 1. С. 215–241 ; 1996. Ч. 2. С. 258–297.

¹⁴² Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. Берлин, 1870.

¹⁴³Собрание Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. 212 с.

против «безбожных» французских «варваров», продолжателей кровавых дел революции 1789 г. Об этом же можно узнать из «Кратких записок» адмирала, поднесенных Николаю I¹⁴⁴.

К той же группе источников относятся правительственные рескрипты, министерские постановления, распоряжения, уставы учебных заведений, помещенные в ведомственных сборниках¹⁴⁵. В работе также использованы указы и другие правительственные акты из «Полного собрания законов Российской империи»¹⁴⁶.

Делопроизводственная документация представлена материалами из журналов Департамента законов Государственного совета¹⁴⁷. Источники этой группы связаны с рассмотрением на заседаниях Департамента законов и в общих собраниях Государственного совета проектов Гражданского уложения и закона о запрещении продажи крестьян без земли и порознь. Среди них находятся мнения Шишкова и других советников. Сведения о работе Комиссии составления законов над проектом Гражданского уложения содержатся в первом томе сборника трудов данного учреждения¹⁴⁸.

Важное значение для исследования общественно-политических взглядов адмирала имеют его *сочинения и переводы*. Писать он начал в молодости и продолжал до конца жизни. Много заботясь о том, чтобы остаться в памяти потомков, он бережно хранил свои труды, неоднократно их переиздавал. С 1818 г. по 1839 г. Шишков публиковал свои книги в типографии Российской

---

¹⁴⁴Шишков А. С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти Государе императоре Александре I в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1831. 301 с.

¹⁴⁵Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб. 1875. Т. 1. 1864 стб. ; Т. 2. Отд. 1. 1576 стб. ; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1. : 1802–1834. СПб. 1866. 988 стб. ; Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. СПб., 1825. Кн. 1. ; 1827. Кн. 2. ; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. 486 с.

¹⁴⁶Полное собрание законов Российской Империи. СПб, 1830. Собрание первое: Т. 19, 22, 24, 26, 28, 30, 31; Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. : Т. 1, 3.

¹⁴⁷Архив Государственного совета. Т. 4. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента законов. СПб., 1874. Ч. 1. 436 с. ; Ч. 2. 756 с.

¹⁴⁸Труды комиссии составления законов. СПб., 1822. Т. 1. 372 с.

императорской академии в Санкт-Петербурге. В это время вышло семнадцать томов «Собраний сочинений и переводов адмирала Шишкова». Материалы разнообразны по тематике: детские стихотворения и повести, оды, басни, молитвы, литературные пьесы, перевод слова «О полку Игореве», переводы иностранных сочинений, труды публицистического и филологического характера.

К раннему творчеству Шишкова относится драма «Невольничество» (1780 г.)¹⁴⁹. В ней он впервые начал конструировать русофильскую идеологию, основанную на приоритете православной веры, самодержавного принципа правления и народного патриотизма. Интерес адмирала к нравоучительной литературе Просвещения отражает переведенная им с французского языка «Песня старое и новое время»¹⁵⁰. «Ода на покорение Польши»¹⁵¹ Шишкова является образчиком критики революционного террора и воспевания российской стабильности. Стихи, написанные адмиралом по случаю смерти А. В. Суворова (1800 г.)¹⁵², показывают, что он позволял себе фрондировать при Павле I. О надеждах Шишкова на возвращение в России «екатерининских порядков» можно узнать из его «Стихов, сочиненных при восшествии на престол императора Александра I»¹⁵³.

Филологические интересы адмирала-академика отображены в публицистическом сочинении «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка»¹⁵⁴. Эта книга положила начало общественной дискуссии об истоках русской словесности, об ее «порче» под влиянием французского

---

¹⁴⁹Шишков А. С. Невольничество. Драма в одном действии // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1828. Ч. XII. С. 1–32.

¹⁵⁰Шишков А. С. Песня старое и новое время. Перевод с французского // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 133–137.

¹⁵¹Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 143–154.

¹⁵²Шишков А. С. Стихи для начертания на гробнице Суворова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 160–164.

¹⁵³Шишков А. С. Стихи, сочиненных при восшествии на престол императора Александра I // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 175–176.

¹⁵⁴Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. II. С. 1–356.

языка и сентименталистского литературного жанра Н. М. Карамзина. Достоинства отечественной литературы Шишков объяснял на примерах обширных выписок из духовных книг, творчества М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова и других писателей классицистов XVIII века. В поисках недостатков «нового» слога он обращался к сочинениям бесталанных подражателей Карамзина, так и не усвоивших культуру его письменной речи и без всякой необходимости использовавших иностранные слова.

Все последующие филологические работы Шишкова развивали мысли, изложенные им в первом «Рассуждении», став предметом общественно-политического дискурса. В своем ответе на критику, прозвучавшую в журналах «Северный Вестник» и «Московский Меркурий»¹⁵⁵, «Ответе на письмо господина Луки Говорова»¹⁵⁶, «Переводе двух статей из Лагарпа»¹⁵⁷, «Рассуждении о красноречии Св. Писания»¹⁵⁸ Шишков осуждал французское воспитание правящего сословия, идеологию Просвещения, породившую революцию 1789 г., противопоставлял ей православную веру, русские традиции еще сохранившиеся, по его мнению, в простом народе и отечественный язык. Накануне грозных событий 1812 г. Шишков подытожил свои идеи в «Рассуждения о любви к Отечеству»¹⁵⁹.

Во многом пристрастные оценки деятельности адмирала опирались на некритическое восприятие *воспоминаний* о нем современников. Большинство видных российских мемуаристов познакомились с ним в молодости.

---

¹⁵⁵Шишков А. С. Прибавление к Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. II. С. 357–466.

¹⁵⁶Шишков А. С. Ответ на письмо господина Луки Говорова, напечатанное в «Вестнике Европы» № 8, апрель 1807 г. под заглавием «Письмо из города N. N. в столицу // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1828. Ч. XII. С. 236–261.

¹⁵⁷Шишков А. С. Перевод двух статей из Лагарпа, с примечаниями переводчик // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. III. С. 247–388.

¹⁵⁸Шишков А. С. Рассуждение о красноречии Св. Писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно, читанное в годичное Российской императорской академии собрание, бывшее в 3-й день декабря 1810 г. // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Ч. IV. С. 1–107.

¹⁵⁹Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству, читанное в 1812 году в Беседе любителей русского слова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Ч. IV. С. 147–185.

Благодаря большой разнице лет, «дедушка» Шишков, казался им человеком старых правил и понятий. Кроме того, работа над воспоминаниями о нем, как правило, начинала вестись в середине XIX в. В это время российское общество находилось в ожидании реформ. Категорическое неприятие Шишковым коренных преобразований в России не способствовало взвешенным оценкам его деятельности. В итоге, для многих современников он стал своеобразным символом политической реакции, гонителем наук и просвещения, защитником «отживших» свой век порядков.

Такой взгляд на адмирала был присущ писателю отцу славянофилов И. С. и К. С. Аксаковых С. Т. Аксакову¹⁶⁰. В студенческие годы он считал его «неопровержимым авторитетом, мудрейшим и ученейшим из людей»¹⁶¹. В «Рассуждении о старом и новом слоге» Шишкова Аксаков находил подтверждение своих националистических идей: «Я уверовал в каждое слово его книги, как в святыню!.. Русское мое направление и враждебность ко всему иностранному укрепились сознательно, и темное чувство национальности выросло до исключительности»¹⁶². Впоследствии мемуарист отказал адмиралу в праве быть выразителем русской идеи: «Шишков и его последователи <...> самих себя считали русскими людьми, нисколько не чувствуя и не понимая, что они сами были иностранцы, чужие народу, ничего не понимающие в его русской жизни. <...> Они вопили против иностранного направления и не подозревали, что охвачены им с ног до головы, что они не умеют даже думать по-русски. Сам Шишков любил и уважал русский народ по-своему, как-то отвлеченно; в действительности же отказывал ему в просвещении и напечатал впоследствии, что мужику не нужно знать грамоте»¹⁶³.

Поздний Аксаков считал адмирала «старовером» и «гасильником», а его убеждения – ошибочными. Положительную роль Шишкова в отечественном

---

¹⁶⁰Аксаков С. Т. Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Собрание сочинений. : в 2 т. М., 1909. Т. 2. С. 178–227.

¹⁶¹Там же. С. 178.

¹⁶²Там же. С. 178.

¹⁶³Там же. С. 184.

историческом процессе он связывал с зарождавшимся под влиянием его идей славянофильским течением общественно-политической мысли: «Собственно же за русское направление, за славянофильство, как бы Шишков ни понимал его криво, которое он исповедовал и проповедовал с юных лет до гробовой доски, которого был мучеником, – он имеет полное право на безусловную, сердечную нашу благодарность»¹⁶⁴.

Вместе с тем, мемуары отца славянофилов являются ценнейшим источником о семейной жизни и общественной деятельности Шишкова с конца 1808 г. по середину 1811 г. В это время молодой, недавно закончивший Казанский университет Аксаков являлся частым гостем его дома на Литейном переулке. К Шишкову он стал вхож через дружбу с его племянником А. И. Казначеевым, работавшим с ним в «Комиссии составления законов». Вероятно, в лице адмирала Аксаков искал своего протеже по служебным вопросам. Он всячески старался ему угодить, устраивая для него домашние театральные спектакли и проводил много времени с ним в беседах «о тождестве языка русского и славянского, о красотах священного писания, о русских народных песнях, о порче языка по милости карамзинской школы и проч»¹⁶⁵. Их споры Шишков опубликовал в «Разговорах о словесности между двумя лицами: Аз и Буки» (1811)¹⁶⁶.

Воспоминания Аксакова, написанные с большим литературным талантом, создали красочный образ добродушного и деятельного «старца», который большую часть своего времени проводил в научных работах над русским языком. За этим занятием он забывал все на свете, что служило источником многочисленных анекдотов о его рассеянности. Ко всему вышесказанному необходимо добавить, что именно мемуары Аксакова стали источником идеализации Шишкова-помещика, будто бы не бравшего оброк со своих крестьян.

---

¹⁶⁴Там же.

¹⁶⁵Там же. С. 194.

¹⁶⁶*Шишков А. С.* Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки. // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. III. С. 1–246.

В молодости с Шишковым коротко был знаком русский историк и дипломат Д. Н. Свербеев. Их единственная встреча состоялась в начале 1820-х гг. Тогда молодой и вольнолюбивый Свербеев обескуражил «обскуранта дедушку Шишкова» тем, что на его снисходительное обращение и вопрос: «Ну, а ты юноша, знаешь ли, сколько у нас состояний»? – дерзко ответил: «Два <...> Деспоты и рабы!»¹⁶⁷ «Как бы несолоно похлебавши, отскочил от меня Шишков и значительно взглянул на Кикина» – вспоминал он полвека спустя¹⁶⁸. Если бы адмирал донес об этом эпизоде в полицию, то Свербееву могло грозить заточение в Петропавловскую крепость. Однако, он этого не сделал, чем заслужил у мемуариста лестную характеристику: «Шишков представляется мне и мною моим читателям человеком искренне набожным, глубоко образованным, робким, опасливым, но в важных случаях своей жизни твердым и смелым»¹⁶⁹.

В 1870-е гг. после публикации «берлинских записок» Свербеев одним из первых описал их основные сюжеты. Историческую роль адмирала историк видел в формировании консервативно-националистической доктрины царствования Николая I: «Он, так сказать, бессознательно первый воплотил в себе тричастный Русский символ «православие, самодержавие, народность», который стал программой царствования Николая I, девизом Уварова и славянофилов»¹⁷⁰.

Свербеев указывал на националистическое восприятие адмиралом русского народа – как «избранника Божьего», а самодержавия – как «божественного права»¹⁷¹. Между тем, мемуарист был противником консервативного политического направления Шишкова, «осуждая

---

¹⁶⁷Свербеев Д. Н. Первая и последняя моя встреча с А. С. Шишковым : (из записок Д. Н. Свербеева) // Русский архив. 1871. № 1. Стб. 162–182.

¹⁶⁸Там же. Стб. 165.

¹⁶⁹Там же. Стб. 182.

¹⁷⁰Там же. Стб. 170.

¹⁷¹Там же. Стб. 178.

беспреданно его страстный фанатизм и те горькие последствия, которых был он главным виновником»¹⁷².

В мемуарах политического оппонента Шишкова журналиста Н. И. Греча, написанных в середине девятнадцатого столетия и затем несколько раз издававшихся после его смерти, адмирал удостоился весьма нелестных оценок. Греч называл его «человеком <...> неспособным к какой-либо деятельности», «выжившим из ума» и «бестолковым»¹⁷³.

В молодости мемуарист являлся членом шишковской «Беседы любителей русского слова», а впоследствии объявлял себя «ревностным читателем Карамзина, <...> ненавидевшим Шишкова и его нелепых хвалителей и подражателей»¹⁷⁴. Обострение отношений между ними было связано с участием Греча в качестве обвиняемого по «делу» немецкого проповедника И. Е. Госснера (1824). Книгу Госснера «Евангелие от Матфея» адмирал критиковал как революционную. Греч же считал Шишкова человеком несведущим в богословии и философии.

Воспоминания издателя «Петербургского Еженедельника» О. А. Пржецлавского содержат ценные биографические сведения о поздних годах жизни Шишкова с 1824 г. до середины 1830-х гг.¹⁷⁵ Пржецлавский был родственником второй жены адмирала полячки Юлии Осиповны Нарбут. Через нее он стал у Шишкова почти членом семьи, «домашним человеком»¹⁷⁶. Мемуарист часто спорил с адмиралом о языковых вопросах и считал его дилетантом от лингвистики. Скептически Пржецлавский оценивал и деятельность Шишкова на посту министра народного просвещения. По его мнению, она была «как и сам министр, благодушной, справедливой, но далеко не прогрессивной»¹⁷⁷.

---

¹⁷²Там же. Стб. 182.

¹⁷³Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 228.

¹⁷⁴Там же. С. 291.

¹⁷⁵Пржецлавский О. А. Воспоминания // Русская старина. 1875. Т. 13, № 7. С. 383–402.

¹⁷⁶Там же. С. 384.

¹⁷⁷Там же. С. 401.

Немалую биографическую ценность представляют воспоминания литературного оппонента адмирала, основателя общества молодых писателей «Арзамас» своенравного и самолюбивого Ф. Ф. Вигеля¹⁷⁸. Своего противника мемуарист застал «человеком, пожилым, чиновным, честным и почтенным»¹⁷⁹. Он характеризовал его «самым пылким патриотом»¹⁸⁰, «руссоманом до безумия»¹⁸¹.

Однако, принадлежность Шишкова к влиятельным аристократическим кругам вызывала зависть неродовитого Вигеля. Уязвленное самолюбие мемуариста не позволяло ему объективно оценивать таланты адмирала. Высокое положение Шишкова в обществе Вигель считал незаслуженным, достигнутым «карточными играми» и угождением «грубым» вкусам российских «бар»: «Проведя всю жизнь в Петербурге и мастерски играя в карты, ему нетрудно было сделать связи с знатными людьми, с знатными домами; а как наши баре не учились русской грамоте, то и поверили ему на слово, что он великий человек, коему определено исправить, переделать, очистить, усовершенствовать прекрасный русский язык, как говорили они, но о коем они не имели ни малейшею понятия»¹⁸².

Воспоминания К. С. Сербиновича содержат ценные сведения о примирении адмирала с литературными оппонентами: Н. М. Карамзиным и Д. Н. Блудовым¹⁸³. Шишков представлялся Сербиновичу человеком независимых взглядов и высоких нравственных качеств: «Шишков был муж правдивый, который без всякой лести, в простоте сердца говорил царям как что понимал по чувству любви к Отечеству, чуждаясь личных выгод и не боясь лишиться царской милости за правду»¹⁸⁴.

---

¹⁷⁸*Вигель Ф. Ф.* Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Издание «Русского архива» (дополненное с подлинной рукописи). М., 1891–1893. Ч. 1–7.

¹⁷⁹Там же. Ч. 2. М. 1892. С. 55.

¹⁸⁰Там же. Ч. 4. М. 1892. С. 35.

¹⁸¹Там же. С. 52.

¹⁸²Там же. Ч. 2. М. 1892. С. 56.

¹⁸³*Сербинович К. С.* Воспоминания // Русская старина. 1896, Т. 87, № 9. С. 573–577.

¹⁸⁴Там же. С. 575.

О периоде министерской деятельности адмирала можно узнать из воспоминаний служившего под его началом поэта В. И. Панаева¹⁸⁵. Их контакты начались в 1820 г.. Тогда молодой Панаев внезапно для себя был удостоен малой золотой медали Российской академии за его «Идиллии». Шишков относился к нему как к своему «домашнему» человеку, покровительствовал его литературному творчеству, сделал членом своей Академии, помышлял вверить ему должность директора министерской канцелярии и сулил в члены канцелярии Государственного совета. Эпизод мемуаров Панаева, связанный с адмиралом, главным образом, посвящен их совместным действиям против наиболее одиозного чиновника Министерства народного просвещения М. Л. Магницкого, имевшего славу «фанатика», «мракобеса» и «интригана». Сведения, изложенные в этих воспоминаниях, расходятся с распространенным мнением об адмирале, как о кreature Магницкого и убежденном обскуранте.

Научная новизна работы заключается в том, что это первый в постсоветской историографии опыт написания целостной научной биографии А. С. Шишкова. Комплексно и в хронологической последовательности рассматриваются общественно-политические взгляды адмирала и его государственная деятельность. Впервые, подробно анализируются ранние годы жизни и заграничные морские экспедиции Шишкова. Литературные опыты адмирала освещаются в контексте выстраиваемой им консервативной идеологии. Наиболее значимые мнения Шишкова, высказанные в Государственном совете и Комитете министров, детально исследуются и сопоставляются с позицией других видных государственных деятелей. Это дает возможность выявить его место в общественно-политической истории России, уяснить исторический контекст событий. Подробно рассматривается позиция адмирала по «делу» иностранного проповедника И. Е. Госснера, что позволяет видеть в нем одного из предшественников конспирологических теорий антироссийского тайного заговора, взятых на вооружения

---

¹⁸⁵ Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 3, 4.

«охранителями» разного толка. Деятельность адмирала на посту Министра народного просвещения и Главноуправляющего делами иностранных вероисповеданий (1824–1828 гг.) рассматривается во взаимосвязи с широким комплексом правительственных актов, тем самым определяя его влияние на политику в сфере образования.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Установлено, что консервативная эволюция взглядов Шишкова началась под влиянием Великой французской революции. Шишков переосмыслил опыт молодых лет, став ярким противником богоборческих, республиканских и индивидуалистических тенденций современного ему Запада.
2. Выявлено, что консерватизм Шишкова подкреплялся, прежде всего, его патриархально-идиллическими представлениями об обоюдной пользе крепостного права для помещиков и крепостных.
3. Установлено, что адмиралу-литератору было присуще восприятие русского языка в той трактовке, которая была характерна для националистического дискурса. С понимаемым таким образом языком Шишков связывал русское самосознание, народные нравы, обычаи и традиции.
4. Исследование показало, что Шишков в качестве автора высочайших манифестов 1812–1814 гг. сыграл одну из самых активных ролей в консолидации российского общества в борьбе с Наполеоном.
5. Исследование показало, что во время своей министерской деятельности 1824–1828 гг. адмирал способствовал завершению экуменического эксперимента верховной власти и укреплению авторитета традиционного православия.
6. Установлено, что целью политики Шишкова в области народного просвещения было придание ему единообразия как средства поддержания государственной стабильности. Исходя из этого, он занимался унификацией образования на религиозно-нравственном и сословном принципах.
7. Выявлено, что его деятельности в области просвещения были присущи русификаторские тенденции, связанные с приоритетом русского языка, включая необходимость его изучения в национальных окраинах, а также с

намерением возратить белорусских и украинских униатов в лоно православия.

8. В результате проведенного исследования определено, что общественно-политическая и государственная деятельность Шишкова осуществлялась в русле консервативной доктрины, которая включала в себя неприятие революционного способа изменения общества, критику либеральных реформ, опору на традиции и обычаи, приоритет религии в жизни общества, признание социального неравенства нормальным состоянием человечества.

Теоретическая значимость исследования. Результаты, полученные в ходе проделанной работы, расширяют представления о формировании идеологии раннего русского консерватизма начала XIX века. Итоги работы уточняют и конкретизируют выводы прошлых исследований, посвященных адмиралу А. С. Шишкову.

Практическая значимость исследования. Выводы настоящей работы могут быть использованы в исследованиях, посвященных общественно-политической мысли первой четверти XIX в., в учебных заведениях при изучении истории реформ Александра I, крепостного права, народного образования, цензуры и духовной жизни Российской империи. Возможно применение полученных результатов в смежных дисциплинах: в литературоведении, филологии, политологии, юриспруденции и психологии.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка источников и литературы.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры истории России исторического факультета ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» и на всероссийских научных конференциях. По теме диссертации были опубликованы 5 статей, в том числе 3 в рецензируемых научных изданиях из списка ВАК.

Глава 1. Ранняя биография А. С. Шишкова

§ 1. Обучение в Морском кадетском корпусе и заграничные экспедиции

Александр Семенович Шишков происходил из старинного дворянского рода, берущего начало в первой половине XIV века. В то далекое время его предок «Юрий Лозынич приехал из волынской земли в Тверь»¹. Сын последнего Гаврила Юрьевич был боярином у Тверского великого князя Василия Михайловича (1348–1365 гг.). Родоначальником Шишковых являлся внук Гаврилы Юрьевича Микула Васильевич по прозвищу Шишко. Дворянская ветвь адмирала записана в VI части родословной книги Тверской губернии. Ее герб вписан в III часть Общего Гербовника². А. С. Шишков родился 9 марта 1754 г. в многодетной семье инженер-поручика Семена Никифоровича Шишкова и Просковьи Николаевны Денисьевой, имевших шестерых сыновей и дочь. Небольшое отцовское поместье находилось в Кашинском уезде Тверской губернии. После смерти родителей и раздела имения между братьями А. С. Шишкову досталось 15 душ крепостных крестьян мужского пола³.

Отсутствие у него больших богатств компенсировалось обширными семейно-родственными связями. Через свою тетку Варвару Никитичну (урожденная Шишкова, двоюродная сестра его отца), бывшую замужем за генерал-инженер-поручиком И. А. Бибиковым, Шишков находился в родстве со знаменитым екатерининским генерал-аншефом А. И. Бибиковым, приходясь ему троюродным братом. В свою очередь сестры А. И. Бибикова своими браками связали его родством с президентом Государственной

---

¹ОР РНБ. Ф. 862. Шишков А. С. Ед. хр. 1. Л. 1.

²*Филатова-Шишкова В.* Неугомонный русопят // Наш современник. М., 2001. № 4. С. 284.

³*Альтишуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 24.

адмиралтейской коллегии И. Л. Голенищевым-Кутузовым и светлейшим князем М. И. Голенищевым-Кутузовым-Смоленским⁴.

Мировоззрение будущего адмирала формировалось в условиях патриархальной русской деревни. До тринадцати лет он жил в сельской глуши у дедушки, ничему не учась и не имея воспитания⁵. В. Я. Стоюнин предполагал, что Шишков все же получил домашнее воспитание, характерное для дворян из провинциальных семейств: «Скорее всего, он воспитывался при тех же условиях, при которых воспитывались и некоторые из его сверстников, почтенных деятелей в общей русской жизни второй половины прошедшего столетия, как, например, Фонвизин, Державин и др. В них развивалось религиозное чувство и мысль под влиянием чтения церковных книг, священной истории и Четииминеи, а с этим вместе и ухо роднилось с церковным языком; развивалась и любовь к природе под влиянием близких отношений к ней, развивалась любовь к человеку под впечатлениями любящей родной семьи, развивалась любовь к родине под впечатлением рассказов о славных и громких прошедших временах Петра, под впечатлением народных песен, а может быть и звучных од Ломоносова и других стихотворцев»⁶. По мнению Т. А. Егеревой, образование Шишкова, как и других дворян средней руки, не отличалось глубиной и систематичностью⁷.

На четырнадцатом от рождения году жизни (17 сентября 1767 г.) Шишков поступил в Морской шляхетский (дворянский) кадетский корпус, единственное в то время учебное заведение, готовившее офицерские кадры для Российского флота⁸.

---

⁴*Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С. 3.

⁵*Полежаева Т. В.* «Сей старец дорог нам...»: к вопросу о политическом поведении А. С. Шишкова // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 3 (29). С. 117.

⁶*Стоюнин В. Я.* А. С. Шишков // Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч. 1. С. 4.

⁷*Егерева Т. А.* Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2014. С. 61.

⁸*Вахмистрова С. И.* Вклад генерал-фельдмаршала И. Л. Голенищева-Кутузова в развитие военно-морского образования в России (на примере Морского шляхетского кадетского корпуса) // Елагинские чтения. М., 2003. Вып. 1. С. 17.

По мнению И. В. Меркулова, не совсем справедливо видевшего в Шишкове лишь моряка «по мундиру», выбор жизненного пути едва ли согласовывался со склонностями юноши⁹. Вероятно, на его определение в Морской кадетский корпус повлияли семейные связи. Директором учебного заведения с 1762 по 1802 гг. являлся родственник Шихкова Иван Логинович Голенищев-Кутузов. Впоследствии, свое директорство тот успешно совмещал с наставничеством над будущим императором Павлом I и президентством в Адмиралтейств-коллегии¹⁰. Кутузов был весьма просвещенным человеком. Он в совершенстве знал французский и немецкий языки, увлекался литературой и держал салон в Петербурге, в котором можно было встретить русских и иностранных знаменитостей, ученых, литераторов, художников. Во многом его покровительству Шишков был обязан успехами в своей карьере и развитием писательского таланта. В письме к сыну Голенищева-Кутузова Логину Ивановичу от 2 июня 1820 г. адмирал называл его своим «благодетелем», «наставником» и «другом»¹¹.

Морская служба во второй половине XVIII столетия и много позднее не пользовалась хорошей репутацией среди российского дворянства. Состоятельные родители стремились определить своих детей в Сухопутный корпус, дававший несравненно лучшее образование и большие преимущества в дальнейшем. Беднейшие семьи записывали своих детей в Морской корпус, потому что обучение в нем требовало меньше расходов. Однако, И. Л. Голенищев-Кутузов много трудился над повышением престижа учебного заведения. К 1783 г. число воспитанников достигло 600 человек. В распоряжении учебного персонала находились лазарет, типография и церковь – Храм Святителя и Чудотворца Николая¹².

---

⁹Меркулов И. В. Адмирал Александр Семенович Шишков. К 250-летию со дня рождения // Кортик. № 3. 2004. С. 14.

¹⁰Вахмистрова С. Н. Указ. соч. С. 17

¹¹ОР ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

¹²Зуев Г. И. Историческая хроника Морского корпуса 1701–1925. М., 2005. С. 98.

С момента своего основания в 1752 г. и до пожара в 1771 г. Морской Корпус располагался на Васильевском острове Петербурга, на углу набережной Большой Невы и 12-й Линии. Это был двухэтажный каменный особняк, некогда принадлежавший фельдмаршалу Б. Х. Миниху. Фасад здания украшали трофейные знамена, пушки, фигуры пленных турок в оковах и прочие военные атрибуты. Богато украшенные лепными плафонами, позолотой, изразцовыми печами с синей голландской плиткой интерьеры Корпуса подчеркивали высокую значимость морского образования для России. По своему внешнему виду и отделке особняк принадлежал к лучшим столичным дворцовым строениям XVIII века. С ним тогда мог соперничать лишь дворец Светлейшего князя А. Д. Меншикова, возведенный на противоположном берегу Невы¹³.

Учебный день длился 8 часов. В основу образовательного процесса закладывались идеи патриотизма и служения Родине. Кроме навигации, математики, астрономии, фортификации и артиллерии, в Корпусе велись чтения по истории и политике. Хотя иностранные языки и гуманитарные науки не были среди профилирующих предметов, Шишков посвящал им свой досуг.

Морской корпус обладал первоклассным преподавательским составом для того времени. Свои лекции там читали знаменитый историк Ф. И. Миллер, бессменный преподаватель навигации и математики, автор знаменитого «Письмовника» Н. Г. Курганов, сам И. Л. Голенищев-Кутузов был переводчиком, членом Российской Академии, одним из составителей знаменитого «Словаря Академии Российской». Впоследствии Шишков дружил с его сыновьями: Логином Ивановичем и Павлом Ивановичем. Оба они были членами организованного Шишковым литературного общества «Беседа любителей русского слова» и противниками сентименталистского направления Н. М. Карамзина.

---

¹³Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. С.119–120.

Опираясь на исследование Ф. Ф. Веселаго «Очерк истории Морского кадетского корпуса», можно попытаться смоделировать картину кадетской жизни Шишкова. Во времена его ранней молодости воспитанники Корпуса жили в специально отведенных флигелях при учебном заведении. Их повседневное обмундирование составляли: сюртук из зеленого ординарного сукна с белыми обшлагами и воротником, белый коломянковый камзол и зеленые штаны солдатского сукна. По обычаю того времени Шишков должен был пудрить голову и носить косу.

Жалование в звании гардемарина составляло 30 руб. в год, в звании кадета второго и третьего классов – 24 и 18 руб. соответственно. При этом 2/3 денежного довольствия обычно вычитались за форменный мундир, а 1/3 – за белье, обувь, стирку, починку мундиров и прочие расходы. Помимо поощрительных мер, дисциплину кадетов иной раз приходилось поддерживать розгами. Как и в любом коллективе, связанным с военной службой, внутренний порядок в Корпусе определялся строгой иерархией. Курсанты беспрекословно подчинялись флотским офицерам, а в случае их отсутствия – старшим гардемаринам, которые дольше всех проучились в учебном заведении. Обстоятельствами кадетской жизни Шишкова Т. А. Егеревая объясняла его взгляды, отличавшиеся уважением к чинам и признанием необходимости общественной иерархии¹⁴.

Со строгостями флотской жизни он столкнулся во время морской экспедиции из Архангельска в Кронштадт (1771–1772 гг.). Обстоятельства этого путешествия были изложены им полвека спустя на страницах «Отечественных записок»¹⁵ и в двенадцатом томе его «Собраний сочинений и переводов»¹⁶. В своем повествовании о начале морского похода Шишков

---

¹⁴Егеревая Т. А. Указ соч. С. 70.

¹⁵Шишков А. С. Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году (Отрывок их жизни N...) // Отечественные записки. 1821. Декабрь. С. 289–323; 1822. Январь. С. 35–70; Февраль. С. 174–208.

¹⁶Шишков А. С. Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году (Отрывок их жизни N...) // Собрание Сочинений и Переводов адмирала Шишкова. СПб., 1828. Ч. XII. С. 262–334.

составил нелюбезную характеристику некоторых морских офицеров, не называя их по имени. Он писал, что Капитан первого ранга N. был человеком «властолюбивым, пылким, и не совсем трезвым», а Капитан D. «человеком <...> глупым и свирепым»¹⁷.

Между тем, критика Шишковым командования экспедиции в начале 1820-х гг. навлекла на него гнев видного русского мореплавателя и путешественника вице-адмирала В. М. Головина. Между ними завязался спор, совпавший по времени с усилением внутривластной борьбы групп придворной аристократии за власть и влияние на императора Александра I. В адрес Шишкова бросались упреки в попрании чести морского офицерства. Их справедливость или надуманность не является предметом данного исследования, тем более, они относятся к такой специфической теме как морское дело. Впрочем, углубившийся в этот вопрос И. В. Меркулов, видел в Шишкове человека, который лишь чуть приоткрыл пороки морского ведомства, «причем самым безобидным образом»¹⁸.

Необходимо отметить, что «свирепость» и «грубость» флотских командиров в отношении молодого моряка была небеспричинной. За самовольную отлучку в Архангельске его хотели наказать, заставив всю ночь держать на плечах две пудовые гири. Юноша воспользовался своим положением родственника директора Корпуса, пообещав донести ему о несправедливом, по его мнению, наказании. В итоге Шишкову удалось избежать сурового приговора. О других случаях нарушения им учебной дисциплины неизвестно. Статусом корпусного унтер-офицера в чине капрала, который был у него накануне «северной» экспедиции, обладали лучшие и прилежные ученики.

Морское путешествие из Архангельска в Кронштадт было памятно Шишкову по случившемуся с ним кораблекрушению. Из-за ошибки в расчетах

---

¹⁷Там же. С. 263.

¹⁸Меркулов И. В. К истории одной публикации: полемика А. С. Шишкова и В. М. Головина по поводу «Отрывка из жизни N.» // Петербургские исследования: альманах. 2010. № 2. С. 228.

его корабль «Вячеслав» ударился о морское дно близ острова Борнгольм и плотно застрял на мели. Часть моряков погибла. Шишков «получил едва не пресекающую жизнь <...> простудную горячку»¹⁹. К слову сказать, болезнь давала о себе знать всю его последующую жизнь.

Катастрофа у шведских берегов обратила его и других моряков к молитвам: «Люди, приготавливаясь к смерти, надевали на себя белые рубашки. Священники в облачении читали перед образом молитвы; все в отчаянном страхе, иные падши ниц, иные стоя на коленях, иные с воздетыми к небу руками молились, и, как обреченные жертвы, оплакивали последние свои минуты. Между тем шум моря, скрип членов корабля, унылый свист ветра вокруг обломков мачт, и пушечные, для призвания помощи, ежеминутно производимые выстрелы, напоминали беспрестанно, что мы гибнем и нет спасения»²⁰.

Русская шлюпка, отправленная к шведскому берегу для ведения переговоров о помощи, утонула. По какому-то предчувствию Шишков в последний момент отказался на ней плыть и чудом уцелел. Безусловно, морская катастрофа усилила религиозные чувства молодого капрала, видевшего свое спасение в Божьем промысле.

Шишков всячески превозносил свои заслуги в деле спасения уцелевших моряков, свою роль во время переговоров со шведами, которые он вел на немецком языке. За короткий промежуток времени между посещением домов местной знати и романом с дочерью купеческой вдовы Христиной Берлингъери он будто бы выучил и шведский язык: «День ото дня начинал я разуметь более, и к концу двух недель мог объясняться порядочно, а через месяц не только свободно разговаривать, но и книги стал читать»²¹. В собственноручно составленном в 1828 г. послужном списке Шишков отмечал

---

¹⁹РГИА. Ф. 1673. Оп. 1, Д. 2. Л. 1.

²⁰Шишков А. С. Указ. соч. С. 278.

²¹Там же. С. 314.

свое обучение в «знаменитом Кадетском корпусе» Карлскроны. Там он от «профессора фон Салдерна» «получил самый лестнейший аттестат»²².

Можно утверждать, что главным дипломатом в переговорах со шведами он не был. Они велись при содействии сотрудника российского посольства Е. Сысоева, консула Д. Гофсмана. Среди гардемарин иностранных языками владели обрусевшие немцы К. И. фон Гревенс и Б. Штерлинг. В курсе событий был российский министр в Стокгольме граф И. А. Остермана. Наймом судов сопровождения русских моряков до Петербурга занимался лейтенант Лисовский, хотя Шишков и утверждал, что взял под это дело в долг крупную сумму²³. Впрочем, эти факты не противоречат его посильному вкладу в деле эвакуации потерпевших на берег, их размещении, питании, оказании им медицинской помощи. Его забота о судьбе товарищей никогда и никем не опровергалась.

В конце июня 1772 г. «Вячеслав» пришел в Кронштадт, куда после пожара в Петербурге был переведен Морской кадетский корпус. Здесь Шишков был представлен адмиралу С. И. Мордвинову, который объявил ему благодарность²⁴. Вскоре он выдержал экзамен на офицерский чин первым по списку. Указ о производстве Шишкова в мичманы подписал его будущий тесть капитан генерал-майорского ранга А. Е. Шельтинг. Затем он был назначен преподавателем морской тактики в Морской кадетский корпус.

Военное образование способствовало началу складывания приятельских отношений Шишкова с видными представителями отечественной элиты. В кадетском корпусе он завязал дружбу с Г. Г. Кушелевым, который при Павле I станет его «добрым гением» и «виновником» стремительного карьерного роста. Там же будущий адмирал стал близок к Н. С. Мордвинову, впоследствии видному государственному деятелю александровского

---

²²РГИА. Ф. 1673. Оп. 1, Д. 2. Л. 1.

²³Меркулов И. В. «К вопросу об объективности отражения реальности в «Отрывке из жизни №...» А. С. Шишкова» // Призвание – история. 2010. С. 174.

²⁴РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

царствования. Нельзя не учитывать, что важным фактором его флотской карьеры являлась протекция со стороны И. Л. Голенищева-Кутузова.

В 1776–1779 гг. Шишков в составе российской эскадры участвовал в морском походе из Кронштадта в Средиземное море. По условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора, завершившего победоносную русско-турецкую войну 1768–1774 гг., российские купеческие суда получили право прохода через Дарданеллы. Петербург решил этим воспользоваться и провести на Черное море под видом купеческих три военных фрегата – «Павла», «Наталию» и «Григория». Шишков находился на борту «Северного орла», который сопровождал «купеческие» суда. Командиром эскадры был назначен капитан второго ранга, впоследствии известный вице-адмирал Т. Г. Козлянинов.

Обстоятельства своего средиземноморского путешествия Шишков изложил в письмах 1776–1777 гг.²⁵ Много позднее им была издана книга, посвященная тем событиям²⁶. В морском походе участвовал и знаменитый в будущем адмирал Ф. Ф. Ушаков. Однако, его многочисленные биографы в своих исследованиях проигнорировали сведения Шишкова²⁷.

Экспедиция началась 15 июня 1776 г. После тягостного расставания с «любезным» отечеством и близкими людьми, моряки прошли двенадцатидневный путь до берегов Дании, где сделали остановку. В Копенгагене Шишков окунулся в изучение европейского быта, любознательно осматривая местные достопримечательности: Королевский дворец и сад, Кунсткамеру с ее диковинными экспонатами, чучелами животных, мумиями, коллекциями живописи, медалей и монет, пашками «работ Петра Великого»,

---

²⁵Шишков А. С. Русский путешественник прошлого века за границу. (Собственноручные письма А. С. Шишкова 1776 и 1777 г.) // Русская старина. 1897. Т. 90, № 5. С. 409–423 ; № 6. С. 619–632 ; Т. 91, № 7. С. 197–221. (далее – *Шишков А. С. Русский путешественник...*)

²⁶Шишков А. С. Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им по время путешествия его из Кронштадта в Константинополь. СПб., 1834. 117 с. (далее – *Шишков А. С. Записки адмирала...*)

²⁷Боленко К. Г. «А. С. Шишков и П. А. Зубов: к истории одного назначения» // «Цепь непрерывного предания...»: сб. памяти А. Г. Тартаковского. М., 2004. С. 45.

бюстами государей. Все это производило на него благоприятное впечатление и, согласно его письмам, воспитывало в людях уважение к высокой культуре, истории и деяниям «достойных» предков. Нужно отметить, что молодой Шишков отличался патриотизмом. Увиденному в Дании он предпочитал Россию. По его наблюдениям, датская знать выглядела «несравненно меньше важной, нежели <...> в Петербурге», «тамошних женщин» «не посещала» красота, должность камергера можно было купить всего за пятьсот рублей²⁸.

Во время короткой остановки русских кораблей в английском Портсмуте молодой дворянин посетил местный театр и изумился вольными, неблагопристойными нравами посетителей: «Многие зрители, казалось, не мало того не думали, что они в собрании, а всякий поступал по своей угодности: иной перебежал из ложи в ложу, прыгая через скамейки, другой резвился, третий так неучтиво лежал, что у нас и при одном незнакомом так не сделают»²⁹. Впоследствии Шишков немало критиковал современное ему воспитание. Как видно, предпосылки к этому он имел в молодости.

Длительное плавание было сопряжено с опасностями. Бури, высокие морские волны, неблагоприятные ветры и подводные скалы то и дело вызывали у Шишкова страх нового кораблекрушения. Однажды рядом с ним упал с мачты и разбился насмерть матрос, больно ударив его по руке. Он благодарил Бога за то, что остался жив и продолжил рискованный путь. Впрочем, и во время штиля будущему адмиралу было некомфортно. Шишков испытывал то скуку, то болезни. Обо всем этом он откровенно говорил в письмах: «Может статься тебе смешно покажется, что я с таким пристрастием выхваляю береговую жизнь, или что так живо чувствую ее блаженство, но ты можешь смеяться, потому что ты никогда морской жизни не чувствовал, а не видав ночи, не можно иметь понятия о свете»³⁰.

---

²⁸Шишков А. С. Русский путешественник... Т. 90. № 5. 411.

²⁹Там же. 415.

³⁰Там же. 416.

Пребывание на суше тоже было сопряжено с опасностями. Остановившись в сентябре 1776 г. на испанском острове Менорка, Шишков едва успел насладиться красотой тропических пейзажей и благами цивилизации, чуть не став жертвой морских разбойников. Ему казалось, что их галера готовилась к захвату русских купеческих судов: «Их было на ней шестьдесят человек. Все они наверху стояли и с любопытством на нас смотрели. Почти все высокого роста. Все между тридцати и сорока лет. Вооружены кинжалами и пистолетами, с усами, с обнаженными по плечо руками, с покрытою шерстью голою грудью, с зверским лицом и сверкающими очами»³¹.

В тосканском порте Ливорно русская эскадра разделилась. Большая часть кораблей отправилась в Константинополь. Шишков получил разрешение у Т. Г. Козлянинова остаться в Италии. Там молодой моряк вел светский образ жизни: посещал театр, казино, кофейные дома, музеи, балы, особняки местной знати и российских дипломатов. Он побывал в Сиене, Падуе, Милане, Риме, Ватикане, Болонье, Пизе, Луке, Венеции и во Флоренции. Шишков нанял себе учителя итальянского языка, с которым по три-четыре часа, вместо условленных двух, наслаждался чтением Петрарки и Тассо. Позднее он утверждал, что в Италии освоил местный язык и «мог без нужды говорить на оном»³².

При известной склонности будущего филолога-академика подчеркивать свои лингвистические таланты, в его словах была доля правды. Впоследствии он переводил стихами и прозой на русский язык творения итальянских, немецких и французских писателей. Однако, нужно понимать, что развитие лингвистических способностей Шишкова – плод его длительной преподавательской, литературной и научной деятельности. Молодой же моряк в письме от 8 ноября 1776 г. признавался, что «не хорошо умел по-

---

³¹Шишков А. С. Записки адмирала... С. 8.

³²Там же. С. 72.

французски»³³. Вопрос о степени его знания немецкого языка также остается открытым. Так, например, в письме к чешскому филологу И. Добровскому 21 июля 1819 г. он отмечал, что «худо умел по-немецки»³⁴. Очевидно, пребывание за границей способствовало укреплению уже имевшегося у него интереса к европейской словесности.

Тоскана нашла в Шишкове любознательного туриста. Он в мельчайших подробностях описывал городские строения и достопримечательности. В Ливорно от его любознательного ока не ускользнула даже местная еврейская община, о которой моряк писал не вполне политкорректно по современным меркам: «Город Ливорно есть великое прибежище жидам, которые имеют свою синагогу, живут домами богато и отправляют свободную торговлю, будучи правительством сильно покровительствуемы»³⁵. Еврейская синагога вызывала у Шишкова неподдельный интерес: «Она пространна и внутри хорошо украшена. Служба их отправляется чудным образом: премножество жидов собравшись, иные сидят и кричат, другие ходят в шляпах как на рынке, а посредине, стоя на возвышенном месте, поп в белой одежде читает громко и нараспев, и видно тут ни молчания, ни слушания, ни благочиния не требуется»³⁶. Трудно сказать был ли в этих описаниях любознательного моряка антисемитский подтекст. Однако, на тот момент евреев далеко не всегда называли жидами. Впоследствии, публикуя свои путешествия отдельной книгой, Шишков не посчитал нужным включить в нее этот эпизод.

Он не включил туда и свое описание преимуществ республиканского этапа истории Пизы над тем временем, когда город вошел в подчинение тосканского герцога. Ранний Шишков повествовал о том, что в годы республики там процветала коммерция, строились красивые набережные, каменный мост через реку Арну, прекрасные особняки и церкви, а жители

³³Шишков А. С. Русский путешественник... Т. 91. № 7. С. 204.

³⁴Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 2. С. 370. (далее – Шишков А. С. Записки, мнения и переписка...)

³⁵Там же. С. 72.

Шишков А. С. Русский путешественник... Т. 90. № 5. 422.

³⁶Там же. Т. 91. № 7. С. 197.

были «чрезвычайно богаты». Затем тосканский герцог стал опираться исключительно на богачей, лишая имений тех, кто не имели ста червонцев. В итоге, пизанцы перестали заниматься торговлей, город обеднел, разорился, и «ныне уже не имел сил освободиться от ига невольничества»³⁷. Таким образом, молодой и не искушенный в политике Шишков позволял себе проводить смелые исторические экскурсы. При желании из них можно сделать неподтвержденный источниками вывод о его республиканских симпатиях.

Справедливости ради стоит отметить, что впоследствии Шишков обходил стороной или кратко характеризовал некоторые детали своего путешествия по Тоскане не из желания утаить их от общественности, а по причине общеизвестности многих туристических достопримечательностей и стремления сконцентрироваться на самых памятных для него событиях: «Я не стану описывать виденное в сих городах, равно как и во всех других, в которых мне быть случалось. Ибо намерение мое не в том состоит, чтобы повторять то, чему во многих книгах и путешествиях можно находить подробнейшие описания. Но я предположил упоминать себе только о тех происшествиях, которые покажутся мне в жизни моей достопамятнейшими»³⁸.

Некоторые страницы итальянского путешествия Шишкова все же нужно оговорить. Его пребывание в Тоскане было сопряжено с большой растратой денег. Он с приятелями остановился в лучшем трактире и был встречен музыкой. С ними было трое слуг. За все приходилось платить втридорога: за почтовых лошадей, за услуги кучера, хозяину «за издержки и постой», слугам накрывающим стол. Одним словом, Шишков был вынужден соответствовать заграничному имиджу русских аристократов, «щедрость» и «тщеславие» которых «обогастила всю Тоскану»³⁹. В итоге, к концу 1777 г. он истратил отпущенные казной на его содержание 200 червонцев. Впрочем, в порту Гибралтара он поправил свое материальное положение, выиграв в карты 500

---

³⁷Там же. Т. 91. № 6. С. 619.

³⁸Шишков А. С. Записки адмирала... С. 18.

³⁹Шишков А. С. Русский путешественник... Т. 91. № 6. С. 622.

червонцев. Впоследствии С. Т. Аксаков рассказывал, что азартные игры были одним из любимых увлечений Шишкова: «Он имел обыкновение проводить вечера в клубе, где вел крупную игру: Он был отличным мастером играть во все коммерческие игры <...> и всегда много выигрывал. Я после узнал, что он в молодости был сильный банковский игрок»⁴⁰.

В Италии Шишков ассоциировал себя с аристократией, а в отношении простонародья использовал нелицеприятные обозначения. Так, например, посетив театр во Флоренции, он разделил зрителей на «порядочных людей» и «подлый народ»⁴¹. В ходе своего пребывания в 1777 г. в Турции Шишков называл низшие сословия «чернью»⁴². Впоследствии, он станет видным выразителем сословных интересов российского дворянства. Однако, под влиянием конструируемой им идеи единства русского народа, он откажется от подобных терминов в отношении российских подданных.

Необходимо отметить, что будущий поборник всего русского и православного, испытывал душевный трепет перед искусством итальянского Возрождения. «Венера Урбинская» работы Тициана поражала его изяществом своих пропорций: «Нет подобия сколь она хорошо написана! Руки, шея, голова, стан, словом, нет ни одной части тела, которая бы не совершенно была прекрасна. И справедливо почитается она лучшею во всей Италии вещью»⁴³. Как видно, обнаженная языческая богиня вовсе не вызвала морального отторжения у Шишкова. Это лишний раз доказывает, что историографический образ «строгого ортодокса» сложился в результате его последующего участия в политической жизни страны.

По своему мировоззрению, он был типичным представителем послепетровской аристократии, которая ценила европейскую культуру. Учитывая присущее позднему Шишкову антизападничество в политике, могут

---

⁴⁰Аксаков С. Т. Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Собрание сочинений. М., 1909. Т. 2. С. 194.

⁴¹Шишков А. С. Указ. соч. С. 627.

⁴²Там же. Т. 91. № 7. С. 222.

⁴³Там же. Т. 91. № 6. С. 629.

показаться неправдоподобными его симпатии к европейской жизни на фоне российской «неустроенности». В своих ранних письмах он отмечал преимущества Тосканы перед родиной, ее великолепные дороги, которые «никогда не бывают грязны, потому что возвышенны и по обеим сторонам идут каналы», засеянные полосы полей, «отделенные одна от другой <...> деревьями, которые все переплетены между собой виноградом», дома «из дикого камня изрядно выделанные», близость жилищ к возделываемым полям непривычная для сельской картины России: «Показалось мне хорошим у них также и то, что каждый земледелец имеет свой дом на той земле, которую он работает, и чтоб можно было ему отправлять обыкновенную свою работу, то не имеет он нужды отходить далее ста шагов от своего дома. Напротив того, наши крестьяне преимущества сего лишены и принуждены иногда бывают за несколько верст от своей деревни земледельствовать»⁴⁴.

Если сравнивать характер изложения Шишковым событий средиземноморской экспедиции в его ранних письмах 1776 и 1777 г. и в поздних «Записках» 1834 г., то можно заметить разницу. В первом случае он в большей мере был склонен восхищаться Западом, чем во втором. Вышеупомянутые «Записки» представляли собой литературную обработку ранних писем. Содержание этого сочинения включало в себя идеи зрелого Шишкова: о единстве языка и народного самосознания, о необходимости очистить отечественную словесность от иностранных слов, неприятие богоборческих проявлений западной жизни и противопоставление им русских православных добродетелей. Так, например, он восхищался итальянцами за то, что их оперы в театре шли на национальном языке: «Народная ли гордость или привязанность к красоте языка своего, тому причиною, не знаю. Но не могу осуждать их за такое к словесности свое предпочтение и любовь, без которых не было бы у них ни Тассов, ни Петрарков, ни Ариостов»⁴⁵.

---

⁴⁴Там же. С. 624.

⁴⁵Шишков А. С. Записки адмирала... С. 103.

Поздний Шишков критиковал городскую жизнь итальянцев. На страницах его «Записок» они вдруг оказывались чуждыми семейно-родственных связей, мало проводившими времени у домашнего очага, предпочитавшими семейному уюту театры и кофейни. Он предостерегал Россию от заимствования подобных «чужеземных обыкновений». Даже внешне жители Апеннин были ему несимпатичны: «Я удивлялся и с сожалением смотрел на многих здешних жителей малорослых и худощавых с кривыми ногами, а в других местах мужчин и женщин с висящими у них на горле толстыми зобами, но не мог узнать причины, подвергающих их такому безобразию»⁴⁶.

Если в ранних своих письмах Шишков беспрестанно восхищался убранством итальянских соборов, то в поздних «Записках» он был более придирчив к их внутреннему облику. Так, в церкви Святого Антония Падуанского он обнаружил кошунственное, с его точки зрения, изображение Иисуса Христа. Мраморный истукан Спасителя был изваян вполовину человеческого роста. Он стоял у двери и «с просящим видом» держал в руках мешок для милостыни. Статуя казалась русскому моряку «неприличной» и воплощением стяжательства: «Признаюсь, что такое средство к приумножению церковных доходов показалось мне больше корыстолюбием, нежели набожностью придуманным»⁴⁷.

Посещение Венеции наполнило поздние «Записки» Шишкова противопоставлением аристократических и народных обычаев, что являлось характерной чертой присущего ему в дальнейшем русофильства. Традиционный венецианский карнавал восхищал его как подобие русской масленицы и «простонародных игрищ». «Чинные» балы аристократии казались ему «скучными» и полными излишних формальностей: «Всякого, кто с тобою говорить начнет, надлежало называть *эччеленца* (Ваше превосходительство), иначе он обижался неучтивостью. Танцевать нельзя

---

⁴⁶Там же. С. 104.

⁴⁷Там же. С. 105.

было иным образом, как сидя на месте дожидаться, покуда какой-нибудь устроитель бала, *эччеленца*, не поведет тебя к ожидающей даме, с которой ты, потанцевав, должен сесть на свое место»⁴⁸.

Для понимания причины перемен, произошедших в восприятии Шишковым событий своей молодости, не лишним будет упомянуть эпизод, связанный с пребыванием русских моряков у греческих берегов в двадцати верстах от Афин. В своем письме от 3 января 1777 г. молодой Шишков как бы вскользь упомянул: «Сошед на берег, не нашли мы ничего, кроме пустой греческой церкви, построенной наподобие нашей часовни, в которой написанные на стенах образа исчерчены все насечкою хулительных слов руками учтивых французов»⁴⁹.

Этот же случай в его поздних «Записках» представлялся как борьба за веру против богоборческих проявлений французской революции 1789 г. Испорченных часовен становилось уже не одна, а несколько, безлюдный берег превращался в греческий порт Мандра, а французы из «учтливового» народа – в нацию «безбожников» и «варваров», ничуть не лучше турок: «Мы видели также несколько новейших греческих часовен с написанными на стенах их изображениями Святых и не могли надивиться буйству и злочестию безбожных французов, которые заходя в сей порт, ни оставили ни одной часовни без того, чтоб не обезобразить лиц святых, и не начертать везде насмешливых и ругательных надписей! Удивительно, до какой злобы и неистовства доводит развращение нравов! Пусть бы сами они утопали в безверии, но зачем же вероисповедание других, подобных себе христиан, ненавидеть? Для чего турки не обезобразили сих часовен? Для чего не иной язык, какой читается в сих гнусных надписях, как только французский»⁵⁰?

Таким образом, под влиянием революционных событий во Франции Шишков изменит интерпретацию событий своей молодости. Из почитателя

---

⁴⁸Там же. С. 111.

⁴⁹*Шишков А. С.* Русский путешественник... Т. 91. № 7. С. 215.

⁵⁰*Шишков А. С.* Записки адмирала... С. 29.

некоторых преимуществ западной жизни перед российской действительностью, он превратится в яркого критика иностранных обычаев и атеистических идей, впрочем, не переставая любить европейскую поэзию. Основным объектом его нападок станут «развращенные» французы, а внешнеполитические противники России будут рассматриваться как их послушные марионетки.

Именно такую роль он отводил туркам, которые не пропускали российские корабли в Черное море. Французы, по его мнению, «внушили» подданым султана подозрение о намерениях российских моряков сжечь Царьград⁵¹. Сама же морская экспедиция 1776–1779 г. сопровождалась слухами о грядущей войне, османы были озлоблены на Россию, а турецкие дети называли христиан гяурами, то есть неверным, бросая в них камни⁵².

Восточная жизнь являлась для Шишкова малопонятной и, в целом, непривлекательной. Стамбул неприятно удивлял молодого моряка невзрачной архитектурой, грязными некачественными дорогами и ночным лаем собак. Турки, в его глазах, были раболепными, невежественными, ленивыми и чванливыми. Они нарушали мусульманские обычаи, распивая в русской компании вино. Среди положительных черт восточной жизни молодой офицер отмечал гостеприимство и знание многими русского языка⁵³.

Благоприятное впечатление на Шишкова произвели роскошный прием российских моряков у визиря и конское ристание. Знаменитая турецкая баня оказалась для него слишком экзотическим местом для отдыха. С ужасом наблюдая, как от растирания хрустели конечности его приятеля Г. А. Долгорукого, он предпочел отказаться от массажа. Остался недоволен Шишков и кровожадным зрелищем медвежьей травли, когда злые собаки загрызли несчастное животное «без всякой обороны» с его стороны. Обычай мусульманских женщин скрывать под одеждой свое лицо также был ему

---

⁵¹Там же. С. 40-41.

⁵²*Шишков А. С.* Русский путешественник... Т. 91. № 7. С. 224.

⁵³*Шишков А. С.* Записки адмирала... С. 53.

неприятен. В пример набожным турчанкам он ставил открыто одевавшихся и знавших иностранные языки греческих женщин. Впрочем, Шишков не был частым гостем в дамском обществе, проводя время за книгами в каюте корабля⁵⁴.

Территория Османской империи привлекала его своей античной и византийской историей. Проезжая по ее побережью, он вспоминал о походах царя Дария против скифов, интересовался руинами Трои и древней мифологией. Все это подарило ему яркие впечатления. Впоследствии для него была дорога мысль о том, что русская культура через влияние греческого православия была связана с миром античности.

Шишкову было присуще мессианское видение исторического предназначения России, как центра православия и освободительницы православных народов. Так, например, пребывая в Константинополе, он вспоминал «Греческий проект» Екатерины II и пылал надеждой «обратить» главную мечеть Стамбула, именуемую у христиан храмом Св. Софии, «в прежнюю православную церковь»⁵⁵.

Кроме того, Шишков был уверен в превосходстве русских над османами. Согласно его «Запискам» о средиземноморском путешествии, российские офицеры смотрели на подданных султана, как на «народ, который мы всегда побеждать привыкли»⁵⁶. Он приводил примеры доблести некоторых моряков, которая сдерживала турок от нападения на русские корабли. Шишков также советовал командованию морской экспедиции не принимать посланника из Марокко, находившегося в вассальной зависимости от Порты, поскольку это могло уронить гордость российского двора⁵⁷.

В ходе экспедиции Шишков был удостоен лейтенантского звания, а по возвращении в Петербург вице-президент Адмиралтейской коллегии граф И. Г. Чернышев причислил его к своему штату. 2 января 1784 г. он был

---

⁵⁴Там же. С. 47.

⁵⁵Там же. С. 39.

⁵⁶Там же. С. 41.

⁵⁷Там же. С. 77.

произведен капитан-лейтенантом⁵⁸. Начальство видело его упорство и привлекало для участия в иностранных экспедициях. Его «посылали командиром на фрегате с особыми поручениями в шведский город Готтенбург»⁵⁹. Обстоятельства этого путешествия на данный момент не известны.

Подводя итоги, отметим, что молодость Шишкова прошла в условиях во многом типичных для представителей небогатого, но родовитого слоя отечественного дворянства: слабое домашнее воспитание, военное образование, приобретение практических навыков службы и семейно-родственные протекции. Вместе с тем он отличался любознательностью и писательским талантом, раскрывшимся в его заграничных письмах 1776–1777 гг. В то время он был очарован западной культурой, словесностью, вел светскую жизнь и имел познания в иностранных языках. Шишков не гнушался критикой российской действительности, что впоследствии сменилось на превознесение всего русского на фоне богоборческих тенденций в Европе.

§ 2. Образ идеального правления в контексте литературных опытов и службы А. С. Шишкова в царствование Екатерины II

В 1780-е гг. Шишков занимался преподавательской деятельностью в Морском кадетском корпусе в Кронштадте. В то время город являлся главным портом Балтийского флота. Туда приходили военные корабли. Из Кронштадта отправлялись в дальние плавания морские экипажи. Там же размещалась ремонтная база флота и основные складские помещения. Среди коллег Шишкова по преподавательской деятельности было немало талантливых ученых, переводчиков и писателей. Это и уже упомянутый Николай Гаврилович Курганов, и магистр Эдинбургского университета переводчик с греческого языка Евклидовых «Стихов» Василий Никитич Никитин, а также

---

⁵⁸РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵⁹Там же. Д. 2. Л. 1 об.

его помощник Прохор Игнатьевич Суворов, составивший учебник по плоской и сферической тригонометрии⁶⁰.

Мировоззрение Шишкова формировалось под влиянием популярных в среде образованной аристократии идей Просвещения. Посещая дом своего дяди И. Л. Голенищева-Кутузова, он имел возможность познакомиться с «почти всеми нашими русскими и иностранными знаменитостями: учеными, литераторами, художниками»⁶¹. Многие из них, включая директора Морского корпуса, были франкмасонами, что в переводе на русский язык означает «вольные каменщики». Российское масонство тех лет выражало потребность русского общества в духовно-нравственном совершенстве, занималось литературно-просветительской деятельностью и активно влияло на культурную жизнь России. Историографическая традиция причисляет к масонству и молодого Шишкова, имевшего тесные литературные контакты с «вольными каменщиками». По мнению А. Мартина, последние оказали сильное влияние на развитие у него писательского таланта. Исследователь отмечал, что последующая критика Шишковым либеральных начинаний российских властей по форме и содержанию напоминала масонские тексты⁶².

В начале 1780-х гг. им были написаны первые литературные труды: перевод с французского языка мелодрамы «Благодеяния приобретают сердца» и драма в одно действие «Невольничество» (1780). В «Невольничестве» прославлялись деяния Екатерины II, выкупившей из алжирской тюрьмы христианских пленников. По предложению директора придворного театра Василия Ильича Бибикова Шишков подготовил это произведение для проведения спектакля в честь открытия Петербургского наместничества. Постановка имела успех. Главную роль сыграл знаменитый актер И. А. Дмитриевский. Автор пьесы стал известен в придворных кругах, ибо на ее

---

⁶⁰*Веселаго Ф. Ф.* Указ. соч. С. 163.

⁶¹Там же. С. 142.

⁶²*Martin A.* Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I / Alexander M. Martin . – Dekalb: Northern Illinois University Press, 1997. p. 57.

театральном представлении присутствовали «все знатные чины и дворянство»⁶³. Собранные за спектакль деньги пошли на выкуп сидящих в тюрьме должников. Присутствие на нем престолонаследника Павла Петровича сильно обеспокоило Шишкова. Он полагал, что великий князь был им крайне недоволен за восхваление Екатерины II, к которой тот испытывал неприязнь, и за то, что в пьесе о нем самом не упоминалось ни слова⁶⁴.

Между тем, драму «Невольничество» можно назвать первым опытом Шишкова по конструированию идеологической схемы русского «надсословного» единства. В основе ее содержания лежала идея преданности «вере, царю и отечеству». Сюжет строился вокруг громких побед русского оружия в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Главные герои пьесы имели нарочито русские имена (Добромысл, Любослав, Честана), что, в общем-то, подчеркивало национальный характер литературного произведения. Их сословная принадлежность была неопределенна. При этом все они являлись ревностными патриотами России.

По содержанию текста, конь Добромысла пал в битве с турками, и тот был продан рабом в алжирскую тюрьму. Там герой встретил свою возлюбленную Честану. Вместе с ней он переживал тяготы неволи: побои, насмешки, непосильный труд, сидение в цепях. Русские невольники в плену у «варваров» с грустью вспоминали о России и всячески ее идеализировали, называя страной, где процветали «премудрости и спокойствия»⁶⁵. Все это несколько противоречило неграмотности основной массы населения и произошедшему в 1773–1775 гг. пугачевскому бунту, который стал кровавым ответом на усиление крепостнического гнета.

Целью Шишкова вовсе не было вскрывать социальные язвы своей страны. В центре его внимания находилась просвещенная императрица Екатерина II. Она предстала перед читателями в образе «матери»,

---

⁶³Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка... Т. 1. С.2.

⁶⁴Там же. С.3.

⁶⁵Шишков А. С. Невольничество. Драма в одном действии // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова СПб., 1828. Ч. XII. С. 12.

пекущейся о русских подданных, а те в свою очередь почитали ее имя священным. С ним они как «неустрасимые львы» «бросались в огонь» и побеждали превосходящего числом противника. Екатерина Великая, в глазах Шишкова, являла собой пример щедрости и милосердия, заступницы за «бедных» людей, покровительницы «труда» и наук⁶⁶.

От возвеличивания екатерининского абсолютизма он переходил к его источникам, среди которых центральное место занимала христианская вера. Он подчеркивал, что императорская власть в России от Бога: «Всесильный Бог, благословившей Ея владычествовать над нами, за благоденствие подданных да награждает Ее непрестанно дарами щедроты Своей»⁶⁷.

Таким образом, Шишков уже в молодости предвосхищал знаменитую триаду гр. С. С. Уварова: православие, самодержавие, народность, – ставшую важной вехой в развитии русской консервативной мысли. Утверждению этого триединого постулата будет посвящена вся его дальнейшая общественная, государственная и публицистическая деятельность.

Необходимо отметить, что Екатерина II на всю жизнь осталась в памяти Шишкова идеальной государыней. По словам мемуариста В. И. Панаева, он ее «обожал»⁶⁸. Впоследствии адмирал собирал рассказы о ней русских и иностранных современников в надежде, что потомки смогут по достоинству оценить долголетнее царствование просвещенной монархини. Эти истории составили его «Достопамятные сказания об императрице Екатетерине Великой». В сочинении Шишков описывал ее нравы и характер.

Согласно тексту «Достопамятных сказаний», Екатерина II любила свой народ, армию, флот, просто и непринужденно обращалась с подданными. Она представлялась в образе защитницы свободы, ибо «не любила даже и животных для своего удовольствия держать в неволе»⁶⁹. Шишков видел в ней строгую блюстительницу законов, за нарушение которых она не давала спуску

---

⁶⁶Там же. С. 33.

⁶⁷Там же. С. 21.

⁶⁸Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. С. 92.

⁶⁹ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

даже приближенным к себе «вельможам». Согласно собранным им историям, императрица милостиво прощала подданных за преступления, отпускала им личные обиды, могла подняться выше своих симпатий и антипатий, ценила в людях способности и стремление быть полезными отечеству, умела наказывать, не прибегая к жестокостям, а также была немстительной, проницательной и не терпела наущничества. Пышность екатерининского двора, лишавшего современников дара речи, служила Шишкову доказательством силы и влияния императрицы внутри страны и за ее пределами. Иностранцы, согласно «Достопамятным сказаниям», восхищались распространением в России при Екатерине II просвещения, искусств, художеств, ремесел, расширением торговых связей с Европой, великолепием Петербурга, победами над врагами, обширностью империи и любовью русских подданных к своей императрице.

Кроме того, абсолютизм русской монархии, во взглядах Шишкова, не был произволом. Он ценил ее любимую поговорку: «Поживем сами и дадим жить другим». Все, что делала императрица, по его мнению, было направлено на благо и свободу русского народа, включая репрессивную составляющую позднего правления Екатерины II: «Благая власть не стесняет человеческую жизнь, любит общее спокойствие и свободу, обуздывая токмо разрушающее их буйство страстей»⁷⁰.

Восхищение российской правительницей у Шишкова доходило до отрицания ее причастности к убийству Петра III в ходе дворцового переворота 1762 г. Обвинения императрицы он считал клеветой иностранных писателей, склонных к злословию. Само цареубийство, согласно «Достопамятным сказаниям», отражало общественные чаяния тех лет и оказалось для России благом: «Смерть Петра Третьего была необходимым и независевшим от ее (Екатерины II – А. Г.) воли следствием, перемена, которая произошла не от частных ухищрений, но от общего расположения умов. Тридцатичетырехлетнее царствование ее доказало, что она искала престола не

---

⁷⁰Там же. Л.78.

по духу властолюбия своего, но для избавления себя от угрожавших ей бедствий и для народного блаженства»⁷¹.

Таким образом, политическая концепция Шишкова заключалась в ориентации на просвещенный абсолютизм, при котором единовластие монарха сочетается с соблюдением прав подданных, главным образом, прав аристократии. По сути, он, подобно другим современникам эпохи Просвещения, выступал противником деспотии и тирании, оправдывая царевбийство благом народа.

Понимание ценности некоторой автономии общества от верховной власти позволяло молодому Шишкову критиковать нравы того времени. Об этом свидетельствует выполненный им в первую половину 1780-х гг. перевод с французского языка стихотворения «Старое и новое время». Оно состояло из восьми стрóf, из которых первые две были опубликованы в 1784 г. в журнале «Собеседник любителей русского слова». В 1789 и 1804 гг. в журналах «Беседующий гражданин» и «Друг просвещения» стихотворение было напечатано полностью⁷². Впоследствии Шишков поместил его в четырнадцатом томе собрания своих сочинений⁷³.

Во французском произведении, содержание которого соответствовало взглядам переводчика, идеализировались «старые» времена, когда люди, якобы, не лгали, во всем проявляли умеренность, воздержанность, честность, совестливость и добродетельность. Этому неконкретизированному периоду противопоставлялись пороки современного общества: мздоимство в судах, отсутствие у поэтов таланта, плохое воспитание молодежи, ее невоздержанность и бесстыдство. Автор текста, будто повидавший жизнь мудрый старец, после каждой стрóфы с горькой иронией принимался за кашель.

---

⁷¹Там же. Л. 97–98.

⁷²Альтиуллер М. Г. Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 35

⁷³Шишков А. С. Песня старое и новое время. Перевод с французского // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова СПб., 1831. Ч. XIV. С. 133–138.

Для советских и современных исследователей симпатии Шишкова к «прежним» временам являлись признаком утопичности его взглядов. Так, например, М. Г. Альтшуллер полагал, что «прежние веки» в «Старом и новом времени» «суть не что иное, как страстно желаемое будущее»⁷⁴. По его мнению, «всю свою жизнь Шишков стремился к принципиально недостижимой цели: возродить и оживить ту утопическую Россию, которой на самом деле никогда не существовало»⁷⁵.

Это мнение представляется справедливым лишь отчасти. В действительности, Шишков не столько возрождал своей деятельностью утопическое прошлое, сколько выстраивал новые идеологические конструкции, сочетавшие в себе уважение к истории и приспособление старых порядков к новым веяниям времени. Воспринятый им впоследствии литературный образ «старца» должен был указывать современному обществу на лучшее из того, что было в прошлом, и предостерегать от ошибок.

Заботой о воспитании современной молодежи была пронизана переведенная Шишковым с немецкого языка «Детская библиотека» известного педагога – филантрописта И. Г. Кампе. Последний преклонялся перед педагогическими идеями Ж. Ж. Руссо и переводил на немецкий язык его сочинение «Эмиль или о воспитании». Работу над книгой Шишкову поручил президент Академии Наук С. Г. Домашнев. Уже в 1783 г. она появилась в печати. Русская «Детская библиотека» являла собой не просто перевод, но и творческую переработку произведений различных жанров (пьесы, басни, стихи и др.), подстроенных под отечественную действительность. В ней Шишков заменил немецкие имена русскими, вставил картины русского пейзажа, добавил местный колорит⁷⁶.

Русский беллетрист П. П. Сухонин видел в детских повестях Шишкова большое нравственное значение. По его словам, подрастающему поколению

---

⁷⁴Альтшуллер М. Г. Указ. соч. С. 36

⁷⁵Там же. С. 42.

⁷⁶Полежаева Т. В. «Сей старец дорог нам...»: к вопросу о политическом поведении А. С. Шишкова // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 3 (29). С 116.

«внушалось послушание советам опытности, сочувствие страданию ближнего, внимание к его нуждам; одним словом: любовь, кротость, милосердие и послушание – главные добродетели, к которым он (Шишков – А. Г.) старался приучить их (детей – А. Г.) своими статьями»⁷⁷.

Между тем нравственные ценности, декларируемые в его труде, были чужды буржуазным идеалам наживы, корысти, стремления к материальным благам. По словам Сухонина, среди детских повестей Шишкова «есть много таких, которые не только не обещают материальных выгод добродетели, но даже приготавливают детей к самопожертвованиям или питают сердце одними бескорыстными чувствами»⁷⁸.

Стихи Шишкова, в особенности «Николашина похвала зимним утехам»⁷⁹, пользовались большой популярностью среди современников. Н. И. Греч вспоминал, что выучил их наизусть⁸⁰. С. П. Жихарев отмечал, что стихи Шишкова «получили такую народность, что, кажется, нет ни в одном русском грамотном семействе ребенка, которого не учили бы лепетать:

Хоть весною
И тепленько,
А зимою холодненько,
Но и в стуже
Нам не хуже, и проч.»⁸¹

К. Г. Боленко, Е. Э. Лямина связывали секрет успеха «Николашиной похвалы...» с развитием русского национального самосознания. По мнению исследователей, Шишков удачно «обыграл один из стереотипов этого

---

⁷⁷Сухонин П. П. Александр Семенович Шишков, в его литературной деятельности // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1851. Ч. 69. Отд. 5. С. 32.

⁷⁸Там же. С. 33.

⁷⁹Шишков А. С. Николашина похвала зимним утехам // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1818. Ч. I. С. 143–144.

⁸⁰Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 70.

⁸¹Жихарев С. П. Дневник чиновника // Записки современника. М. ; Л., 1955. Т. 2. С. 317.

сознания: Россия – страна снегов, зима – русская стихия»⁸². В его стихах ученые слышали «своего рода «крик русской души», гордой сознанием своей русскости», что сделало «Николашины похвалы» «своеобразным патриотическим паролем», ассоциируемым с образом автора⁸³.

Это стихотворение впоследствии являлось объектом пародий на Шишкова и близких к нему литераторов из «Беседы любителей русского слога» и Российской академии. Будущий разработчик идеологии «официальной народности» С. С. Уваров на заседании шутивно-пародийного литературного кружка «Арзамас» 25 ноября 1815 г. высмеивал «беседчиков», используя строчки из «Николашиной похвалы». Шишкова он запечатлел в образе «Седого деда», аналога сказочного Деда Мороза, повелителя зимней стихии, что гармонировало с его внешностью: седые волосы, насупленные брови. Литературной подражательнице Шишкова А. П. Буниной Уваров отводил своеобразную роль Снегурочки, которая между «игр в снежки или в салазки», согревалась нравоучениями «дедушки»⁸⁴. «Николашина похвала» также использовалась как глумливая пародия на собрания шишковской Российской академии:

Хоть в России и умненько,
В Академии глупенько,
Но и в луже
Нам не хуже
Здесь Хвостовы, Соколовы и т.д.⁸⁵

---

⁸²Боленко К. Г., Лямина Е. Э. «Классическое стихотвореньице». О детском стихотворении А.С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам» // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 225.

⁸³Там же.

⁸⁴Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 119.

⁸⁵Булгарин Ф. В. Секретная газета [9 мая 1828] // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 273.

Таким образом, стихи Шишкова долгое время были частью общественного сознания. Популярная среди современников «Детская библиотека» до 1842 г. переиздавалась около 10 раз⁸⁶.

Огромное влияние на формирование общественно-политических взглядов Шишкова оказала Великая французская революция 1789 г. Он откликнулся на нее «Одой на покорение Польши». Несмотря на такое название, в основе повествования лежали кровавые события во Франции. Революция представала в образе «лютото, стоглавого, ядовитого змея», «сосавшего кровь» «несчастных граждан»⁸⁷. Она не щадила никого: ни стариков, ни женщин, ни детей. Причинами кровопролития Шишков считал богоборческие идеи философов Просвещения, которые подобно «суемудрым» «икарам» «противились Богу» и «в буйстве небеса хулили»⁸⁸.

Таким образом, Шишков обозначил в своем творчестве консервативное отрицание всемогущества человеческого разума, возведенного в культ новой философией. Разуму он противопоставлял ценности традиционного порядка, в основе которых была вера в Бога. Подобного рода идеологические наработки активно внедрялись в общественный дискурс основоположниками европейского консерватизма Э. Берком, Ф. Р. Де Шатобрианом, Ф. Шлегелем, Ж. де Местром⁸⁹.

Центральное место в «Оде на покорение Польши» занимал размах революционного террора. По Шишкову, он достигал чудовищных величин и включал в себя безжалостные расстрелы целых семейств, затопление кораблей с людьми, казнь королевской четы, массовые гильотинирования. Тюрьмы же были переполнены женщинами, кричащими нагими детьми, мертвецами и больными, ожидавшими смерти. Неразборчивость революционеров, согласно стихотворению, обуславливалась нелепыми подозрениями и

---

⁸⁶Полежаева Т. В. Указ. соч. С 116.

⁸⁷Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова СПб., 1831. Ч. XIV. С. 146.

⁸⁸Там же.

⁸⁹Костыря Л. П. Консерватизм в России на рубеже XVIII–XIX веков : диссертация ... кандидата исторических наук. Челябинск, 2000. С. 41.

распространением в обществе клеветы. Людей отправляли на тот свет «за каждый смех, улыбку, речь»⁹⁰. По словам Шишкова, от «страшных сих дел» мог содрогнуться ад⁹¹. Впрочем, он не сильно печалился о французах, поскольку, по его понятиям, они своим атеизмом прогневили Бога и тот отвернул от них очи, да еще и покарал.

Восставшей против России под руководством Т. Костюшко Польше Шишков отводил роль «орудия» французов, их коварных подражателей: «Пружина дерзких супостат, – писал он о Польше, – приемля буйный их разврат, на пагубу свою стремится. И словом вольности пустым, в безумии своем гордится, как неким благом вседрагим»⁹². В «усмирении» поляков А. В. Суворовым Шишков видел расторжение «хитрого» заговора.

Россия в его «Оде» выступала главным оплотом христианской цивилизации на пути революционных «варваров», распространявших свою богоборческую идеологию по всему свету. На фоне французского безначалия Шишков воспевал российскую стабильность, охраняемую самодержавной властью, а также кроткий и смиренный русский народ. Взаимоотношения между верховной властью и народом изображались им в виде сельской идиллии: самодержец выступал в роли заботливого «пастыря», а его подданные – в роли «стада тельцов и агнцов», мирно пасшегося на лугах⁹³.

Сохранению этой патерналистской модели общественного устройства Шишков посвящал всю свою последующую литературную и государственную деятельность. Его общественно-политический консерватизм проявлялся в отрицании необходимости реформ. Незнание «перемен», по его мнению, было залогом счастья и процветания русского народа⁹⁴.

Педагогическая и литературная деятельность Шишкова в 1788–1790 гг. прерывалась войной со Швецией. Впоследствии, этому периоду своей жизни

---

⁹⁰Шишков А. С. Указ. соч. С. 148.

⁹¹Там же. С. 148.

⁹²Там же. С. 152.

⁹³Там же. С. 144.

⁹⁴Там же.

он посвятил объемное сочинение «Военные действия российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах⁹⁵». А также «Оду на победу, одержанную над шведским флотом под Ревелем 2 мая 1790 г.»⁹⁶

Первое из этих произведений представляет собой немалую ценность для исследователей русско-шведского морского противостояния. В нем подробно рассматривались маневры Балтийского флота, донесения и распоряжения командиров кораблей и адмирала В. Я. Чичагова. Главными успехами кампании 1788–1789 гг. Шишков считал спасение русской эскадры, запертой шведами в Копенгагене, и недопущение доминирования неприятельского флота. Большую роль в благоприятном для России исходе первых лет войны он отводил адмиралу В. Я. Чичагову, который, по его словам, «больше помышлял о пользе отечества, нежели о своей собственной»⁹⁷.

23 мая 1790 г. в чине капитана второго ранга Шишков принял непосредственное участие в морском сражении у Красной Горки⁹⁸. Вверенному под его командование гребному фрегату «Св. Николай» предписывалось отбивать шведскую атаку. По словам Шишкова, за весь день сражения не произошло ничего особенного, кроме «обыкновенных следствий битвы, ничем еще не решенной»⁹⁹. На следующее утро бой возобновился. Получив известие о приближении Ревельской эскадры В. Я. Чичагова, неприятельский флот отступил. Вероятно, в этой двухдневной баталии «Св. Николай» не был на передовых позициях. Не случайно в книжных примечаниях к битве Шишков ничего не сообщал о потерях и успехах своего фрегата.

---

⁹⁵Шишков А. С. Военные действия российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах, почерпнутые из дневных записок и донесений главноначальствовавшего над оным адмирала Чичагова. СПб., 1826. 294 с. (далее – Военные действия российского флота против шведского...)

⁹⁶Шишков А. С. Ода на победу, одержанную над шведским флотом под Ревелем 2 мая 1790 г. // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Т. XIV. С. 155–160.

⁹⁷Шишков А. С. Военные действия российского флота против шведского... С. 116.

⁹⁸РГИА. Ф. 1673. Оп. 1, Д. 2. Л. 1 об.

⁹⁹Шишков А. С. Указ. соч. С. 160.

В дальнейшем он не был в гуще сражений. После соединения Кронштадтского и Ревельского флотов В. Я. Чичагов взял его «для особых поручений» на свой корабль¹⁰⁰. Там он пребывал до прорыва шведского флота из Выборгской бухты, произошедшего, по его мнению, из-за некомпетентности российского командования.

Накануне этой неудачи Чичагов направил его к императрице с докладом о военных победах России. Неприятные известия о поражении у Выборга застали его врасплох. Впрочем, он все же был представлен к награде и 23 июня 1790 г. кн. А. А. Безбородко вручил ему золотую шпагу с надписью «за храбрость», а также золотую, осыпанную бриллиантами табакерку и пятьсот червонцев. Золотую табакерку Шишков хранил всю свою жизнь, как величайшую ценность и предмет гордости, подаренный ему Екатериной II. Незадолго до своей смерти он передал табакерку своей племяннице П. Д. Ушаковой (рожденной Шишковой), от которой она перешла к князю А. М. Волконскому. Дальнейшая ее судьба не известна¹⁰¹.

После войны 1789–1790 гг. Шишков продолжил преподавание в Морском корпусе. Тогда же он женился на дочери отставного контр-адмирала А. Е. Шельтинга вдове Дарье Алексеевне. Она была на два года младше супруга. По словам И. В. Меркулова, этим браком Шишков повторил судьбу многих морских офицеров, которые часто женились на дочерях своих товарищей и начальников¹⁰².

Несмотря на то, что род Шельтингов укоренился в России с петровских времен, Дарья Алексеевна продолжала считаться голландкой и сохранять протестантскую веру. Впоследствии, когда Шишков станет, своего рода рупором русофильских идей, выбор им жены будет вызывать непонимание среди некоторых его сторонников. В конце 1808 г. молодой, националистически настроенный С. Т. Аксаков при первом знакомстве с

---

¹⁰⁰РГИА. Ф. 1673. Оп. 1, Д. 2. Л. 1 об.

¹⁰¹Меркулов И. В. Адмирал Александр Семенович Шишков. Личность в контексте эпохи // Корттик. № 4. 2005. С.19.

¹⁰²Там же. С.22.

семьей своего кумира смутился, узнав о том, что «ревнитель целостности языка и русской самобытности, твердый и смелый обличитель торжествующей новизны и почитатель благочестивой старины, этот открытый враг слепого подражания иностранному <...> православный Шишков» имел жену лютеранку¹⁰³.

С Дарьей Алексеевной Шишков проживет свыше тридцати лет, вплоть до ее кончины в 1825 г. В руках жены находилось все домашнее хозяйство. Супруг же «был совершенным дитя в житейском быту; жил самым невзыскательным гостем в собственном доме, предоставляя все управлению жене и, не обращая ни малейшего внимания на то, что вокруг него происходило»¹⁰⁴.

Дарья Шельтинг не испытывала притеснений со стороны мужа. Шишков был далек от патриархального диктата своей воли как главы семьи. Он избегал открытых ссор, являлся заботливым семьянином, с чрезвычайной серьезностью относился к любым просьбам жены. С помощью Дарьи Алексеевны Шишков поддерживал дружеские связи с домами М. М. Бакунина, М. С. Перекусихиной, Г. Р. Державина, И. И. Кушелева и Н. С. Мордвинова¹⁰⁵.

Супруги не имели детей¹⁰⁶. После смерти брата Шишкова Ардалиона, они воспитывали его сыновей, наняв для них французского гувернера. В присутствии главы семейства племянники, жена и гости говорили по-французски. С. Т. Аксаков отмечал, что Дарья Алексеевна очень плохо говорила по-французски, «за что и страдала впоследствии в большом свете, куда судьба неожиданно ее затащила»¹⁰⁷. Пройдет не так уж много времени, и Шишков сделает одним из объектов своей литературной критики французский язык. Однако, в домашнем быту он не мог повлиять на членов семьи с тем,

---

¹⁰³Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 191.

¹⁰⁴Там же.

¹⁰⁵Егерева Т. Е. Указ. соч. С. 108-109.

¹⁰⁶Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка... Т. 2. С. 184.

¹⁰⁷Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 191.

чтобы они отказались говорить на языке «безбожников». Всю его борьбу за «очищение» русского языка от «иностранины» Дарья Шельтинг считала «патриотическими бреднями»¹⁰⁸. Все это лишний раз доказывает устоявшееся в современной историографии мнение о вестернизированности русского дворянства, когда даже такие патриоты с националистическим окрасом, как Шишков, не могли ограничить западное влияние на своих родственников.

К концу екатерининского царствования он создал себе репутацию видного теоретика в области морского дела. И. Л. Голенищев-Кутузов привлекал его к изданию научных работ по флотской части. Занятие Шишкова морской литературой преследовали цель концентрации и систематизации имеющихся знаний¹⁰⁹. В 1793 г. он издал на базе корпусной типографии книгу Шарля Ромма «Морское искусство». Этот объемный труд в 900 страниц представлял собой важнейшее руководство по кораблестроению, навигации и морской тактике, популярное у моряков и сто лет спустя. Однако автор едва добился, чтобы его напечатали. В. Я. Чичагов, узнав, что директор Морского кадетского корпуса И. Л. Голенищев-Кутузов имел родство с Шишковым, воспротивился изданию книги. Тогда Григорий Григорьевич Кушелев убедил автора поднести «Морское искусство» Великому князю Павлу Петровичу. Эта работа очень понравилась будущему императору и снискала Шишкову его расположение.

В 1795 г. он выпустил еще один серьезный труд «Трехязычный морской словарь на английском, французском и немецком языках». Словарь тоже пользовался популярностью в профессиональной среде и вновь был издан с дополнениями в 1832–1840 гг. Ученым комитетом Главного морского

---

¹⁰⁸Там же. С. 192.

¹⁰⁹Боленко К. Г., Лямина Е. Э., А. С. Шишков и «Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего» (на пути к «Беседе любителей русского слова» и Российской Академии) // Россия и реформы. М., 1991. Вып. 3. С. 8.

штаба¹¹⁰. В нем основные морские термины были переведены на русский язык, что облегчало знакомство с флотской жизнью для гардемарин.

Необходимо ответить, что нацеленность на концентрацию и систематизацию имевшихся знаний, выражавшаяся в составлении словарей, была характерна для крупнейшего в то время центра изучения русского языка и словесности Российской императорской академии. В центре ее внимания находились работы над словарем славянских языков. Шишков стал членом научного учреждения 16 декабря 1796 г., что очевидно совпадало с его литературно-филологическими увлечениями, сформировавшимися в екатерининское царствование.

В тот же год он стал членом канцелярии командующего Черноморским флотом фаворита Екатерины II князя П. А. Зубова, впрочем, по-прежнему проживая в Петербурге. Служба Шишкова была сопряжена с постоянными интригами. Начальство было недовольно его дружбой с бывшим правителем канцелярии Н. С. Мордвиновым.

Таким образом, вторая половина екатерининского царствования стала для него началом карьерного роста. Из преподавателя тактики в Морском кадетском корпусе он превратился в видного флотского теоретика, имевшего практический и боевой опыта военной службы. Своими литературными и научными трудами Шишков обратил на себя внимание общественности и монарших особ. Тогда же произошло становление его консервативных взглядов, о чем свидетельствовали основные послы его раннего творчества: могущество и процветание России возможно лишь при отсутствии перемен, при самодержавной форме правления, образцом которого являлся просвещенный абсолютизм Екатерины II, а также при воспитании в русском народе добродетелей, кротости и смирения. Антитезой всему этому для Шишкова выступили ценности Великой французской революции, которая проложила путь к низвержению традиционных основ общества, христианской

---

¹¹⁰Шишков А. С. Морской словарь, содержащий объяснение всех названий, употребляемых в морском искусстве. СПб., 1832–1840. Ч. 1–5.

веры, власти аристократии и древних династий. Революция 1789 г. ключевым образом повлияла на неприятие им философии Просвещения.

§ 3. «Павловский эпизод» биографии А. С. Шишкова

Оценка, данная Шишковым павловскому царствованию, выстраивалась на контрасте с правлением Екатерины II. Смерть императрицы 6 ноября 1796 г. была для него сродни погасанию «Российского солнца», а въезд Павла I в Зимний дворец – «неприятельским нашествием», в результате которого «весь прежний блеск, вся величавость и важность двора исчезли. <...> Люди малых чинов, о которых, день тому назад, никто не помышлял, никто почти не знал их, – бегали, повелевали, учреждали. В один час все так переменилось, что, казалось, настал иной век, иная жизнь, иное бытие»¹¹¹.

Как следует из монументального труда Н. К. Шильдера «Император Павел Первый. Историко-биографический очерк», адмирал являлся одним из многих мемуаристов, для которых павловское царствование означало отказ от роскоши и пышности екатерининского двора, установление казарменных порядков под управлением гатчинских любимцев самодержца, армейской муштры, нелепых подражаний Пруссии, преобразований, проводимых из «ненависти к матери»¹¹². Шишков писал об этом следующее: «Все пошло на прусскую статью: мундиры, большие сапоги, длинные перчатки, высокие треугольные шляпы, усы, косы, пукли, ордононас-гаузы, экзерцир-гаузы, шлагбаумы (имена доселе неизвестные) и даже крашение как в Берлине пестрою краскою мостов, буток и проч. Сие уничижительное подражание пруссакам напоминало забытые времена Петра Третьего»¹¹³. Особенную неприязнь у него вызвала мелочная регламентация служебной формы: «По утру надобно было выходить на вахт-парад в маленьких сапогах, потом ехать

¹¹¹Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка... Т. 1. С. 9–10.

¹¹²Шильдер Н. К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 293-303.

¹¹³Шишков А. С. Указ. соч. С. 13.

верхом за государем в больших, и потом опять переобуваться в маленькие. И это всякий божий день»¹¹⁴!

В начале царствования Павла I Шишков беспокоился о том, что его переведут служить из Петербурга на Черноморский флот. Эти страхи усиливались воспоминаниями о неприятном для нового императора восхвалении его матери в пьесе «Невольничество» и увеличивающимися день ото дня арестами. Кроме того, он, как и все российское общество, не мог без содрогания наблюдать за церемонией погребения Екатерины II. Для этого события Павел I приказал вырыть из-под земли гроб ее мужа Петра III и везти его впереди своей нелюбимой матери.

Описание этих страниц русской истории Шишковым приводило в ужас исследователей его творчества и биографии. «Каким образом он мог удержаться при сумасбродствах того времени?» – недоумевал Н. Н. Булич¹¹⁵? По словам В. И. Меркулова, будущий адмирал «ощущал себя будто вблизи кипящего котла, готового всякую минуту взорваться и погубить его»¹¹⁶. Впрочем, некоторые современники из числа противников Шишкова полагали, что между ним и Павлом I еще в екатерининское правление установились доверительные отношения. Так, П. В. Чичагов в своих воспоминаниях указывал, что он тогда «втерся к наследнику престола и льстил ему, одобряя его неприязнь к матери»¹¹⁷. Пожалуй, в этих словах может быть доля правды, если принимать во внимание тот факт, что наставником престолонаследника по морской части был родственник Шишкова И. Л. Голенищев-Кутузов.

Для современной историографии характерно рассмотрение павловского сюжета мемуарных «Берлинских записок» адмирала как редкий по тенденциозности текст, в котором биография автора сознательно принесена в

---

¹¹⁴Там же. С. 37.

¹¹⁵Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1902. Т. I. С.124.

¹¹⁶Меркулов И. В. Указ. соч. С.30.

¹¹⁷Чичагов П. В. Архив адмирала П. В. Чичагова. СПб., 1885. Вып.1. С. 14.

жертву политической концепции¹¹⁸. Суть этой концепции состояла в солидарности российской элиты после царевубийства 11 марта 1801 г. по поводу тиранического правления жертвы. Исходя из этого, Шишкову как видному представителю верхов российского общества нужно было в черном цвете выставлять царствование свергнутого самодержца. Симпатии на его счет не добавляли политических дивидендов.

Между тем, у Шишкова критика Павла I была более умеренной, чем у некоторых современников. Так, например, историк Н. М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» оказался куда резче в оценках его правления. Историограф сравнивал Павла I с Иваном Грозным, приписывал ему казни безвинных, беззаконие, отношение к подданным как к рабам. По его словам, тот заставил ненавидеть злоупотребления самодержавия подобно тому, как якобинцы научили ненавидеть «республики»¹¹⁹. Шишков же не забывал говорить о тех благах, которые сделал для него покойный император. Его отправка на Черноморский флот так и не состоялась. После ходатайства давнего приятеля Шишкова Г. Г. Кушелева, он был повышен в звании, став капитаном первого ранга (т. е. полковником). На вахт-параде Павел I удостоил его своим вниманием и, дав поцеловать руку, любезно произнес: «Поди, поди домой. Я знаю, что ты болен. Береги здоровье: ты мне надобен»¹²⁰.

Кроме того, новый император сделал его помещиком средней руки. Во время своей коронации в Москве 5 апреля 1797 г. Павел I раздал в частные руки более 82000 душ крестьян¹²¹. За капитана первого ранга Шишкова ходатайствовали Г. Г. Кушелев и гр. А. А. Безбородко (последний был возведен в княжеское достоинство, получив около 16000 душ и 30000 десятин плодородной земли в Воронежской губернии). В результате, ему досталось

---

¹¹⁸Боленко К. Г. «А. С. Шишков и П. А. Зубов: к истории одного назначения» // "Цепь непрерывного предания...": сб. памяти А. Г. Тартаковского. М., 2004. С. 36.

¹¹⁹Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. 1991. С. 45.

¹²⁰Шишков А. С. Указ. соч. С. 11.

¹²¹Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 403.

250 душ в Тверской губернии¹²². До этого его доходы состояли в «одном только весьма небольшом жаловании»¹²³.

Дальнейшие действия Шишкова определялись желанием выслужиться перед Павлом I, что требовало умения угождать его переменчивому характеру. Это ему удавалось. Когда в 1797 г. в звании эскадр-майора Шишков сопровождал морской поход императора на фрегате «Эммануил» в Ревель, тот внимал его советам и удовлетворил его заступничество за адмирала А. И. Круза, посадившего корабль на мель. Во время морского похода он почти не отходил от Павла I, чутко улавливал его настроения и, очевидным образом, льстил и заискивал. Все это Шишков даже не пытался утаивать и в душе радовался своей угодливости: «Читатель! Ты назовешь меня льстецом. Виноват! Но прости меня за то, что я не скрыл от тебя моего греха»¹²⁴! Он с гордостью вспоминал, как на вопрос государя о том, когда перемениться ветер, отвечал, что это произойдет после того, как стихия налюбуется развивающимся императорским штандартом, невиданным в Балтийском море со времен Петра I. Сравнения с царем-реформатором нравились Павлу I. Однако, он не всегда мог выдерживать поток лести. Так, например, прочитав в подготовленном Шишковым по окончании незавершенного десятидневного путешествия «Журнале компании 1797 г.» строчку о том, что «краткое на флоте пребывание вашего императорского величества останется навсегда в памяти потомков», он смутился и отложил книгу в сторону¹²⁵.

Услужливость Шишкова сделала его «домашним» человеком Павла I и генерал-адъютантом¹²⁶. Поначалу этот чин был ему дорог. Однако, вскоре он столкнулся с трудностями. Для Шишкова не был предусмотрен штат помощников и все императорские распоряжения приходилось выполнять самому. Из всех привилегий нелюбивший верховой езды генерал-адъютант

---

¹²²РГИА. Ф. 1673. Оп. 1, Д. 7. Л. 1.

¹²³Шишков А. С. Указ. соч. С. 22.

¹²⁴Там же. С. 29–30.

¹²⁵Там же. 39.

¹²⁶РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об.

получил лишь право сопровождать императора в общих экипажах с императрицей и придворными дамами, что порой вызывало насмешки окружающих.

Ему приходилось выполнять бестактные, если не сказать унижительные для просвещенного дворянина, просьбы своенравного самодержца. В середине 1820-х гг. он пересказал родственнику своей второй жены Ю. О. Лобаржевской молодому О. А. Пржецлавскому весьма показательный в этом отношении случай из своей жизни. Это была история о сопровождении Шишковым Павла I на бале у князей Гагариных. Во время того бала один из знатных гостей сильно омрачил хорошее настроение императора, позволив себе явиться позже его: «Едва граф успел переступить порог, – рассказывал Пржецлавский, – как государь, обращаясь к Шишкову, говорит: «флигель-адъютант, ступай к графу К. и скажи ему, что он дурак». Александр Семенович говорил, что никогда в жизни не был в таком затруднительном положении, как в эту минуту, тем более, что тот, кому велено было сказать такую любезность, был знатная особа. Но делать было нечего. Он подходит к этой особе и с низким поклоном начинает: «Государь император приказать...» Государь, шедший вслед за ним, перебивает и вскрикивает: «Не так, говори как приказано и больше ничего!» После того молодой офицер, снова раскланявшись, во всеуслышание произнес: «Ваше сиятельство, вы дурак». – «Хорошо», похвалил государь и отошел. На другой день Шишков ездил к графу извиняться в невольной дерзости; это, кажется, было лишнее и только напомнило пациенту о вчерашней невзгоде»¹²⁷.

Подобные поручения отбивали у него желание посещать императорский дворец. Впрочем, он пользовался огромным доверием Павла I. В декабре 1797г. тот направил его в Вену с важным заданием: вербовать на русскую службу голландских офицеров и матросов, которые покинули свою родину после нашествия французов¹²⁸. Для выполнения поручения ему был

---

¹²⁷Пржецлавский О. А. Воспоминания // Русская старина. 1875. Т. 13. № 7. С. 389.

¹²⁸РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

предоставлен вексель на большую по тем временам сумму в восемьдесят тысяч рублей¹²⁹.

По провалу этой затеи Павел I дозволил Шишкову поправить здоровье в Карлсбаде. Вместе с тем ему вменялось доносить о «поведении и связях» находившихся там русских сановников А. К. Разумовского, П. А. Зубова и одного из убийц Петра III А. Г. Орлова-Чесменского¹³⁰. Как оказалось впоследствии, император ненапрасно опасался заговора в среде высшего дворянства.

Шишков тяготился этим эпизодом своей биографии, всячески подчеркивая свое нежелание быть доносчиком, а также связью с императорским любимцем И. П. Кутайсовым, сын которого П. И. Кутайсов путешествовал по Европе вместе с ним. В ходе девятимесячной командировки он вел привычную для себя светскую жизнь: играл в карты, посещал театры, балы, казино, галереи, достопримечательные места, дома российских дипломатов А. К. Разумовского, И. И. Местмахера, иностранных высокопоставленных лиц и даже саксонского герцога Фридриха Августа. В одном из Берлинских трактиров он имел возможность встретить деятеля французской революции аббата Сиейса: «Я не хотел его видеть, ибо не мог тогда терпеть сих революционных воронов, с такою жадностью пивших кровь человеческую»¹³¹.

Если верить позднему Шишкову, он докладывал Павлу I о том, что не приметил за А. Г. Орловым и П. А. Зубовым «ничего худого»¹³². Последний, в конечном итоге, стал одним из цареубийц. Впрочем, этот эпизод лишней раз характеризует желание Шишкова зафиксировать свою близость к партии противников свергнутого «тирана».

После возвращения из Европы он шел вверх по карьерной лестнице. Павел I в благодарность за сохранение им шестидесяти из восьмидесяти тысяч

---

¹²⁹Там же. Л. 2.

¹³⁰Там же. Л.30.

¹³¹*Шишков А. С.* Указ. соч. С. 60.

¹³²Там же. С. 61.

рублей, отпущенных на командировку, назначил его дежурным при дворе. Новая должность требовала от Шишкова вставать ранним утром, чтобы занять свое место во дворце и приветствовать проходящего мимо императора. Однажды он допустил оплошность, заснув на посту и незаметив, как тот прошел мимо него. Павел I отстранил его от придворных дел и перевел в члены адмиралтейств-коллегии, вице-президентом которой являлся Г. Г. Кушелев. Впрочем, 9 мая 1799 г. Шишков был произведен в вице-адмиралы, а 3 декабря того же года награжден орденом св. Анны первой степени¹³³.

По части морской службы он занимался историографией отечественного флота и изданием профессионально-тематической литературы. В начале 1799 г. он выпустил «Список кораблям и прочим судам всего российского флота от начала заведения оногo, с историческими вообще о действиях флотов и о каждом судне примечаниями». 22 ноября 1799 г. на заседании Адмиралтейств-коллегии Шишков предложил учредить «Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего». По его замыслам, Комитет должен был состоять из компетентных в морских делах офицеров, корабельного мастера, переводчика, членов Адмиралтейской коллегии, а также профессора Академии наук. Новому учреждению предстояло поставить морское дело на научную основу, систематизировать имеющиеся знания, ежегодно издавать по два тома морских сочинений, а также переводить иностранные книги¹³⁴.

Шишков стремился повысить эффективность работы Комитета. Он проявлял внимание к качеству сочинений и переводов, задумывал основать «частные комитеты» в Кронштадте, Ревеле и на Черном море со своими библиотеками. В его планы входило введение в «комитетах» чтения лекции профессорами математики, натуральной философии, права и земледелия. Отличившимся офицерам предполагалось выдавать аттестаты, которые

---

¹³³РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.

¹³⁴Боленко К. Г. Лямина Е. Э. А. С. Шишков и «Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего» (на пути к «Беседе любителей русского слова» и Российской Академии) // Россия и реформы. М., 1991. Вып. 3. С. 10.

должны были учитываться при произведении в морские чины. Все это должно было способствовать росту просвещения во флоте.

К концу павловского царствования детище Шишкова все больше сосредотачивалось вокруг филологических задач. Для редактирования сочинений морских офицеров он хотел сделать постоянными членам Комитета теперь уже двух профессоров русского языка и словесности. В работе над текстами они должны были соблюдать определенные стилистические нормы, отдавать предпочтение классическому литературному стилю. Сентименталистский жанр, впитавший в себя слова и речевые обороты, заимствованные из французского языка (так называемые «галлицизмы»), не приветствовался. По словам К. Г. Боленко и Е. Э. Ляминой, неприятие Шишковым французской революции уже тогда переросло в стойкое неприятие французской литературы и языка, что свидетельствовало о взаимопроникновении его политических и филологических взглядов¹³⁵.

После смерти Павла I основной акцент деятельности вице-адмирала сместится в русло филологии, а «Комитет» будет временно закрыт в связи с отставкой морского министра Н. С. Мордвинова и приходом на этот пост В. П. Чичагова. В 1805 г. учреждение возобновит свою деятельность под именем департамента. Однако, отношение Шишкова к нему станет более формальным. Морская типография департамента станет использоваться им для публикации филологических и художественных произведений.

Известие о смерти А. В. Суворова 6 мая 1800 г. стало для павловского окружения своеобразной проверкой на лояльность к действующему императору. За выражение скорби по случаю кончины полководца можно было попасть в опалу. «Все, или, по крайней мере, многие, не только к нему больному, но даже и к телу его, опасаясь царской немилости, появляться не смели», – вспоминал Шишков¹³⁶. Вице-адмирал на свой страх и риск посетил гроб с телом Суворова перед тем, как оно при большом стечении скорбящего

---

¹³⁵Там же. С. 14.

¹³⁶Шишков А. С. Указ. соч. С. 63.

народа отправилось в свой последний путь. Более того, Шишков посвятил покойному полководцу стихотворение, которое распространилось по всему Петербургу и могло дойти до императора¹³⁷. Таким образом, вице-адмирал к концу правления Павла I позволял себе действовать независимо.

Тем временем в Европе произошла перестановка сил. Англия из союзника России против Франции превратилась во врага. Поводом к этому послужило занятие англичанами Мальты, которую российский император, в качестве великого магистра ордена, хотел утвердить за мальтийскими рыцарями. Начались приготовления к войне с владычицей морей.

К тому моменту Шишков, из-за болезни Г. Г. Кушелева, приобрел большое влияние в Адмиралтейской коллегии. В его ведении находилось планирование операций по противодействию морскому могуществу Англии. В одном из разговоров с императором он ссылаясь на опыт войны со шведами и говорил о необходимости усилить оборону Архангельска, а также о ремонте находившихся там судов.

Военные приготовления были нарушены убийством Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Известие о смерти императора огорчило Шишкова. Он не забывал обо всех «благодетельствах», сделанных ему покойным самодержцем. В то же время он был доволен избавлением общества от «бепрестанного страха», в который оно погрузилось при «тиране»¹³⁸. Убийство Павла I он оправдывал тем же самым общественным благом, что и расправу над его отцом Петром III. По его словам, смерть императора хоть и была «преступлением ужасным, но до такой степени для всех вождеденным, что виновники оно не могли быть ни осуждаемы, ни обвиняемы»¹³⁹.

Говоря о всеобщем «вождедении» смерти императора, вице-адмирал, судя по всему, выражал мнение российского дворянства. Оно было

---

¹³⁷Шишков А. С. Стихи для начертания на гробнице А. В. Суворова // Собрание Сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. XIV. С. 160–164.

¹³⁸Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка... Т. 1. С.79.

¹³⁹Там же. С. 82.

недовольно наступлением Павла I на дворянские привилегии, закрепленные Екатериной II в «Жалованной грамоте» 1785 г.

При нем для представителей правящего сословия вновь вводились телесные наказания, за уголовные преступления стали наказывать кнутом с вырезанием ноздрей, клеймить и ссылат в «тяжкую работу»¹⁴⁰. Дворянское самоуправление попало под опеку администрации. Восстанавливался введенный Петром I и нарушенный при Екатерине Великой принудительно-обязательный характер дворянской службы¹⁴¹. Частым явлением было исключение из военной службы по маловажным проступкам. По словам С. А. Корфа, такое наказание фактически «выключало» дворян из общественной жизни и означало запрет на участие в сословном, государственном и гражданском управлении¹⁴². Ко всему этому следует добавить репрессии против российских верхов, осуществлявшиеся Тайной экспедицией, а также наступление на свободу слову.

Самовластие Павла I вошло в противоречие с принципами взаимного доверия, уважения и добровольного сотрудничества между монархом и правящим сословием, которые лежали в основании просвещенного абсолютизма Екатерины II. Для, безусловно, просвещенного дворянина Шишкова, знавшего иностранные языки, современную литературу, не раз бывавшего в Европе, предпочитавшего беспрекословному подчинению приказам начальства теоретическую и филологическую деятельность, было неприятно выполнять бестактные, унижительные поручения самодержца, в лицо называть равных себе дураками, доносить, одеваться в неудобную прусскую одежду, выполнять его мелкие прихоти. Впрочем, все это не помешало Шишкову сделать карьеру, обзавестись поместьем и стать вице-адмиралом флота, что, в общем-то, и насыщает его оценки павловского царствования некоторой тенденциозностью.

---

¹⁴⁰Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 326.

¹⁴¹Костыря Л. П. Указ. соч. С. 131.

¹⁴²Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906. С. 225–240.

Глава 2. Формирование и развитие патриотической программы А. С. Шишкова в первую половину царствования Александра I

§ 1. Опала. Общественно-политическая суть спора «о старом и новом слоге русского языка»

Воцарение Александра I Шишков сравнивал с «поворотом от хладной зимы к ясным и теплым дням весны». Он ожидал от него уничтожения «худо введенных» Павлом I «новизн» и возвращения к екатерининским порядкам¹. В написанных по этому случаю стихах, вице-адмирал вменял ему быть «великой душой» Екатерины II и продолжателем дел Петра I². Император подпитывал эти надежды торжественным обещанием править «по законам и по сердцу» своей «бабки»³.

В марте-апреле 1801 г. он издал ряд указов, вызвавших восторг у подавленного пресом павловского самовластия русского общества. Снимались запреты на вывоз и ввоз в Россию разных продуктов и товаров, даровалось прощение скрывавшимся за границей беглецам, восстанавливались положения Жалованной грамоты дворянству (включая отмену телесных наказаний) и грамоты, данной городам, освобождались заключенные, каторжники, ссыльные, осужденные Тайной экспедицией, а сама она упразднялась, прощались казенные взыскания и облегчалась участь преступников⁴.

---

¹Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 1. С.81-82. (далее – Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка...)

²Шишков А. С. Стихи, сочиненные при восшествии на престол Александра I // Собрание сочинений и переводов. СПб., 1832. Т. XIV. С. 177.

³Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1905. Т. 2. С. 6.

⁴Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 26. № 19783, 19784, 19786, 19790, 19791, 19803, 19807, 19810, 19811, 19812, 19813. 19814. (далее ПСЗ – I.).

Восстановление Александром I положений Жалованной грамоты дворянству не соответствовало его личным взглядам. Император отрицательно относился к исключительному положению в государстве дворянского сословия⁵. Планы создания в России Конституции, народного представительства и отмены крепостного права принесли ему историографическую славу первого либерала на русском престоле⁶.

Современникам в александровском либерализме слышались отзвуки французской революции 1789 г. Созданный императором в целях подготовки реформ «Негласный комитет» выводил их на ассоциации с карательно-репрессивным органом якобинской диктатуры «Комитетом общественной безопасности». Последний, по словам мемуариста Н. А. Саблукова, «заставлял дрожать на престолах почти всех монархов Европы и потрясал старинные учреждения в самых их основаниях»⁷.

Шишков с неприязнью относился к реформаторскому духу александровского царствования. Он характеризовал императора чуть ли не врагом русского народа, православной веры, обычаев и традиций, слепым подражателем всему заграничному, погоней за «новизнами» подобным своему отцу. Похожим образом Шишков отзывался об его окружении, состоявшем из П. А. Строганова, А. Е. Чарторыйского, Н. Н. Новосильцева и В. П. Кочубея. По глубокому убеждению вице-адмирала, эти «молодые наперсники Александра» порицали российские порядки, прежние постановления, законы и обряды, называли их «устарелыми и невежественными», «твердили» государю «имена вольности и равенства, приемлемые в превратном и уродливом смысле»⁸.

Шишков много сожалел о том, что екатерининские сановники не смогли вовремя взять контроль над молодым и неопытным императором, окружить

---

⁵Пытин А. Н. Общественное движение в России при Александре I // Исследования и статьи по эпохе Александра I. Петроград, 1918. Т. 3. С. 96.

⁶Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 35.

⁷Саблуков Н. А. Воспоминания о дворе и временах императора Павла Первого до эпохи его кончины // Русский архив. М., 1869. Стб. 1882.

⁸Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка... Т. 1. С. 82.

его своим вниманием и постоянно твердить ему о трагической судьбе Петра III и Павла I. В результате, вице-адмирал и прочие почитатели старых порядков «должны были умолкнуть и уступить новому образу мыслей, новым понятиям, возникшим из хаоса чудовищной французской революции»⁹.

Таким образом, события 1789 г. предопределили внутривластительский дискурс в России первой четверти XIX в. Они положили начало размежеванию идеологических доктрин. Либеральную идеологию олицетворяли реформаторы из александровского окружения, консервативную – А. С. Шишков, Г. Р. Державин и прочие сторонники сохранения сословно-крепостнического строя.

В начале александровского царствования вице-адмирал фрондировал, что удивляло некоторых мемуаристов, привыкших видеть в нем строгого «охранителя»: «Кто подумает, – вспоминал Н. И. Греч, – что Александр Семенович Шишков, которого мы привыкли считать аристократом, и отнюдь не фрондером или либералом, в 1801 или 1802 году написал стихи на тогдашних министров в виде послания к Александру Семеновичу Хвостову. Они начинались следующими словами: «Реши, Хвостов, задачу. Я шел гулять на дачу»»¹⁰.

Стихи, о которых говорил Греч, полностью приведены на страницах исследования М. Г. Альтшуллера «Беседа любителей русского слова»¹¹. В них Шишков самыми резкими чертами описал тогдашних министров и царедворцев. Благодаря Н. И. Гречу, известно, что одним из карикатурных персонажей под именем «Monsieur Vobo» был А. Е. Чарторыйский. Ему посвящалась следующая строфа:

Реши, Хвостов, задачу:

---

⁹Там же. С. 84.

¹⁰Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 127.

¹¹Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 13–15. (далее – Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова...)

Я шел гулять на дачу.
 Туда ж мусью Бобо
 С большим идет жабо,
 С лорнетом при зенице,
 Массю д'Эркюль в деснице,
 Одет а л'инкроябль,
 Причесан а л'адьябль,
 Боченится, кривится,
 Зовет меня с собой:
 Не лучше ль воротиться
 Отселе мне домой.

Имена других царедворцев скрывающихся под обобщающими масками Ханжина, Глупона и Кащея неизвестны. В стихотворном персонаже по прозвищу Стихоплет М. Г. Альтшуллер угадывал пародию на главного литературного противника Шишкова Н. М. Карамзина, а в фигуре Мироправа он видел Александра I, реформаторские затеи которого вице-адмирал уподоблял «мечтам» о «перестановке» местами «Этны и Кавказа»¹².

Учреждение 8 сентября 1802 г. министерств нанесло удар по коллегиальному способу принятия решений и, по словам С. М. Середонина, способствовало «введению в России единоличного управления»¹³. Вице-адмирал возмущался тем, что при занятии должностей главную роль играла близость к Александру I, а не выслуга лет. Шишков с неприязнью наблюдал за быстрым ростом влияния в морском ведомстве приближенного к императору сына адмирала В. Я. Чичагова П. В. Чичагова. Сначала тот получил «странное право» лично делать доклады государю, а затем последовало удаление с занимаемых постов Н. С. Мордвинова и Г. Г. Кушелева и назначение Чичагова

¹²Там же. С. 15–17.

¹³*Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902). СПб. 1902. Т. 1. С. 4.

31 декабря 1802 г. морским министром. Новый министр отличался симпатиями к английским порядкам и неприятием крепостного права. Шишков характеризовал его, как и других александровских либералов, самым нелестным образом: «Нравом и свойствами с отцом своим различный, надменный мнимыми своими достоинствами, дерзкий на язык и ненавидящий свое отечество – Россию»¹⁴.

Кадровые перестановки привели Шихкова в опалу. Сначала он был лишен права участвовать в баллотировке морских офицеров. Причиной тому явилось его несогласие с новым принципом определения в офицерское звание: одного негативного мнения стало достаточно, чтобы воспрепятствовать соискателю в повышении по службе. После того, как его перестали приглашать в эрмитажный театр, он удалился от двора: «С того времени отстал я от двора; уклонился от всех его козней; не видался более ни с Чичаговым, ни с кем из окружающих государя, и предался любимым моим упражнением в словесности и науках», – вспоминал Шишков¹⁵.

Литературно-филологический круг занятий опального вице-адмирала был связан с деятельностью Российской императорской академии, которая была основана в 1783 г. Екатериной II в качестве ведущего центра изучения русского языка и словесности. Научные цели учреждения определялись составлением словарей, переводами иностранных сочинений, работой над древними рукописями и грамматическими нормами русского языка, исследованиями в области истории, лексикографии и славистики. Все это отражало набиравший силу процесс формирования национального самосознания и национальной культуры¹⁶.

Свои филологические, литературные и общественно-политические взгляды вице-адмирал изложил в ряде программных сочинений: «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803), «Прибавление к сему

---

¹⁴Шишков А. С. Указ. соч. С. 66.

¹⁵Там же. С. 93.

¹⁶Файнштейн М. III. «И славу Франции в России превзойти...» : Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М. ; СПб., 2002. С. 13.

сочинению или собрание критик, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные», «Ответ на письмо господина Луки Говорова» (1807), «Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями на оные» (1808), «Рассуждение о красноречии Священного писания» (1810), «Рассуждение о любви к Отечеству» (1812).

В первом из этих сочинений Шишков критиковал ориентированное на французский язык творчество писателей-сентименталистов, подражавших Н. М. Карамзину, а также показывал красоты отечественной словесности на примерах выписок из духовных книг и произведений писателей-классицистов. Оно вызвало большой общественный резонанс и положило начало размежеванию литературных лагерей. О разногласиях в писательской среде Н. И. Греч вспоминал следующее: «Карамзин и слог его были тогда предметом удивления и подражания (большею частью неудачного) почти всех молодых писателей. Вдруг вышла книга Шишкова <...> и разделила армию Русской Словесности на два враждебные стана: один под знаменем Карамзина, другой под флагом Шишкова. Приверженцы первого громогласно защищали Карамзина и галлицизмами насмехались над славянщиною; последователи Шишкова предавали проклятию новый слог, грамматику и коротенькие фразы и только в длинных периодах Ломоносова, в тяжелых оборотах Елагина искали спасения русскому слову. Первая партия называлась Московскою, последняя Петербургскою, но это не значило, чтоб только в Москве и в Петербурге были последователи той и другой. Вся молодежь, все дамы, в обеих столицах, ратовали за Карамзина»¹⁷.

Вице-адмирал и его литературный оппонент относятся к консервативному лагерю российской элиты¹⁸. Однако, в начале александровского царствования общность их политических взглядов еще не проявлялась отчетливо. По словам В. Я. Стоюнина, Шишков испытывал неприязнь к историографу за то, что тот оправдывал в своем журнале

¹⁷Греч Н. И. Указ. соч. С. 156–157.

¹⁸Мейлах Б. С. Пушкин и русский романтизм. М. ; Л., 1937. С. 84.

«Вестник Европы» «некоторые новые распоряжения администрации»¹⁹. Биографу вице-адмирала вторил литературовед Н. Н. Булич: «Карамзин, который в своем журнале приветствовал, по-видимому, с искренним чувством, некоторые меры и реформы нового царствования, казался им («шишковистам» – А. Г.) чуть не врагом отечества»²⁰.

Разногласия между литературными оппонентами восходили к подозрениям Екатерины II о масонстве Карамзина. Близкий к Шишкову П. И. Голенищев-Кутузов при Павле I составил на историографа донос, который лишь благодаря заступничеству Ф. В. Ростопчина не привел к тяжелым последствиям. Н. М. Шатров, А. С. Хвостов, кн. Д. И. Горчаков и другие современники обличали в творчестве Карамзина «безнравственность», «материализм», «безбожничество», «якобинство»²¹.

Пафосом причастности «карамзинистов» к вехам французской революции 1789 г. была наполнена критика Шишкова. Их сентименталистский «новый слог» он насмешливо называл «французским в штيله элгансу»²². Его появление вице-адмирал ставил в прямую связь с кровавыми событиями во Франции: «Когда чудовищная французская революция, поправ все, что основано было на правилах веры, чести и разума, произвела у них новый язык, далеко отличный от языка Фенелонов и Рассинов, тогда и наша словесность, по образу их новой и немецкой, искаженной французскими названиями словесности, стала делаться непохожею на русский язык»²³.

¹⁹Стоюнин В. Я. А. С. Шишков // Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч. 1. С. 84.

²⁰Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. СПб., 1902. Т. I. С. 120.

²¹Там же. С. 119-121.

²²Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. II. С. 28–29. (далее – *Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка...*)

²³Шишков А. С. Перевод двух статей из Лагарпа, с примечаниями переводчик // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1824. Ч. III. С. 259. (далее – *Шишков А. С. Перевод двух статей из Лагарпа...*)

Шишков возмущался распространением в России сентименталистских слов, французских романов и забвением национальных источников словесности: «Возможно ли *трогательную* Заиру, *занимательного* Кандида, *милую* Орлеанскую девку, променять на скучный Пролог, на непонятный Несторов Летописец»? – риторически вопрошал он в «Рассуждении о старом и новом слоге»²⁴. Там же он говорил о французской литературе как об источнике безнравственности: «Молодому человеку, наподобие управляющего кораблем кормчего, надлежит с великой осторожностью вдаваться в чтение французских книг, дабы чистоту нравов своих, в сем преисполненном опасностью море, не преткнуть о камень»²⁵.

Понятие нравственности Шишков зачастую ставил в политическую плоскость, ибо ее порчу возводил к укоренению в России революционных идей, почерпнутых из философии Просвещения. Так, например, в ходе полемики он говорил, что «новейшие философы» «обучили род человеческий» «развратным нравам», а их «пагубные плоды, после толикого пролияния крови, и поныне еще во Франции гнездятся»²⁶. Таким образом, общественно-политические взгляды вице-адмирала заключались в осуждении революции и всего, что ей сопутствовало в области культуры.

В своих сочинениях вице-адмирал выступал с идеей очищения отечественной словесности от иностранных слов, таких как: *моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, акция, энтузиазм, катастрофа, серьезно, меланхолия, мифология, религия, рецензия, героизм, фельдмаршал, форштадт, бандит, фурман, визитация, деструктивный, лакей, геометрия, физика, астрономия, центр, перпендикуляр, пистолет, экипантон, навигация, горизонт, аттитюд, аллея*. Он также осуждал использование неологизмов: *переворот, развитие, сосредоточить, трогательно, занимательно, влияние*.

²⁴Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 23.

²⁵Там же. С. 10.

²⁶Шишков А. С. Прибавление к сочинению называемому «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» или собрании критик изданных на сию книгу // Собрание сочинений и переводов адмирала Шихова. СПб., 1824. Ч. II. С. 423. (далее – Шишков А. С. Прибавление к сочинению...)

Языковые новшества Шишков предлагал, по возможности, заменять русскими эквивалентами, например, *сцену* – *явлением*, *акт* – *действием*, *меланхолию* – *унынием*, *мифологию* – *баснословием*, *рецензию* – *рассматриванием книг*, *героизм* – *добледушием*. Если же в отечественном лексиконе не было подходящих аналогов для «иностранщины», то вице-адмирал считал необходимым «изобрести» их из русских корней, вместо геометрии писать *землемерие*, вместо физики – *естествословие*, вместо астрономии – *звездочетство*²⁷. Еще один способ ухода от иноязычных заимствований Шишкова видел в использование устаревшей лексики: «Вольно ли нам вместо: *плясать в лад*, говорить – *танцовать в такту*. Вольно нам оставить краткое слово *зане*, и вместо онаго употреблять три слова: *для того что*. Вольно нам пренебрегать словом *гонец*, и вместо онаго говорить *курьер*. Вольно нам *книгохранительницу* называть *библиотекою*, *бойницу* – *батарею*, *бойца* или *единоборца* – *гладиатором*, *писателя* – *автором*, *поверье* – *модю*»²⁸.

«Пуристские» лингвистические идеи Шишкова обуславливались его работой в качестве члена, а с 1813 г. в качестве президента Российской академии над словарем русского языка. Как показывала М. В. Сарапас, при подготовке предшествующего «Словаря Академии Российской» 1794 г. уже делались попытки заменить иностранные слова русскими эквивалентами, например, *арифметику* – *числословием*, *астрономию* – *зведословием*, *аудиторию* – *слушалищем*, *ботаника* – *травоведцем*. В словарь не были включены многие укоренившиеся в отечественном языке чужеземные слова: *абажур*, *автор*, *аккорд*, *ария*, *актриса*, *арка*, *астра*. Вопреки принятым нормам иноязычным словам не давалось объяснений²⁹. Ровно теми же соображениями руководствовался Шишков при подготовке второго издания академического

²⁷Там же. С. 403.

²⁸Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 228–229.

²⁹Сарапас М. В. А. С. Шишков и развитие русского литературного языка в первые десятилетия XIX в. : диссертация ... кандидата филологических наук. М., 1993. С. 65.

словаря, шесть частей которого вышли в свет в 1806–1822 гг. Он предлагал следующее: «Все иностранные слова следует исключить из Словаря»³⁰.

Как показывал М. И. Сухомлинов, филологические взгляды вице-адмирала развивались в русле «механических» или «руссоистских» идей о происхождении языка, как результата условного соглашения, договора между людьми. В ученой среде считалось, что использование того или иного слова для обозначения какой-либо вещи зависело от согласия общества. Отсюда следовало, что из языка без всяких последствий можно было свободно исключать иностранные слова, заменять их придуманными или изыскивать им замены в древних книгах³¹.

Вице-адмирал заключал в понятии языка «корни» слов и произошедшие от них «ветви»³². По Шишкову, если в различных языках было много общих корней или «коренных слов», то это уже не языки, а что-то вроде диалектов. В этом смысле весьма характерным выглядят его представление о современных славянских языках как о «наречиях», якобы еще существующего общего славянского языка: «Славенским языком говорят многие народы, вне России по лицу земли рассеянные: иллирийцы, моравцы, сербы, поляки, богемцы, краинцы, венды, и прочие. Хотя наречия их различны с нашим, но язык у нас один»³³. Более того, этот язык, по Шишкову, является «древнейшим и первейшим», ибо в нем заключаются корни всех иностранных языков³⁴.

«Корни» же для него были тождественны звукам. Он считал, что *древо*, *дерево* и *трава* это «одно и тоже слово», поскольку образовано от корня *дрв* путем изменения его звучания³⁵. Из *КР*, *ГР*, *ХР* Шишков выводил тысячи

---

³⁰Шишков А. С. Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Ч. V. С. 11.

³¹Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования России в царствование императора Александра I ; А. Н. Радищев // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 74–75.

³²Галахов А. Д. История русской словесности, древней и новой. СПб., 1868. Т. II. С. 69.

³³Шишков А. С. Указ. соч. С. 4.

³⁴Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка... Т. 2. С. 392.

³⁵Там же. С. 386.

ветвей, якобы, однокоренных слов, наполняя ими свои академические труды. Нередко, его «корнесловные» поиски были ошибочными. Так, в наречиях *далеко, близко, низко, глубоко, широко, высоко* вице-адмиралу виделся общий корень *око*, то есть зрение. По его понятиям, древние люди образовывали слова, наблюдая за явлениями природы и подражая ее звукам: «Надлежало ли назвать какую-либо невидимую вещь: ум примечал действие и звук ее, или раздробляющийся по воздуху, или, вдруг, потрясающий оный, или с великим стремлением святающийся. Тогда ухо тотчас давало имена: *гром, треск, вихрь*»³⁶.

Несмотря на большой интерес к лингвистике, академик не выявил в талантливой подделке чешского филолога В. Ганки «Краледворской рукописи» фальсификацию³⁷. Впрочем, подделки Ганки долгое время считались чешскими патриотами подлинным источником их героической истории, а сомневающиеся в этом объявлялись врагами.

Внимание Шишкова и других интеллектуалов того времени к родному языку отражало национально-патриотические чаяния европейцев. Языковая общность в девятнадцатом столетии выступила решающим фактором в объединении немецкого и итальянского народов, а также в борьбе за независимость славян и греков. Она же являлась источником создания национальных культур. По словам Е. Е. Земсковой, язык в то время был составной частью культурного измерения единства нации³⁸. В националистических представлениях язык был неотделим от народного сознания. По словам А. Мартина, «романтики» видели в нем «зашифрованный

---

³⁶Шишков А. С. Рассуждение о красноречии Священного Писания, и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка, и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно // Полное собрание сочинений и переводов адмирала А. С. Шишкова, Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена. СПб., 1825. Ч. IV. С. 23. (далее – Шишков А. С. Рассуждение о красноречии Священного Писания...)

³⁷Ягич И. В. Энциклопедия славянской филологии. СПб. 1910. Вып.1. С. 174.

³⁸Земскова Е. Е. О роли языка в построении национальной утопии: «Онемечивание» Кампе и «Корнесловие» Шишкова // Философский век: альманах. СПб., 2000. Вып. 12. С. 86.

уникальный процесс мышления» народа³⁹. В понимании Шишкова, русский язык заключал в себе народный «дух» и «разум»⁴⁰.

Его лингвистический пуризм, основанный на идее «очищения» отечественной словесности от иностранных слов, был общеевропейским явлением. Б. А. Успенский отмечал, что в Германии пуристический протест против галломании наблюдался с конца XVII в.⁴¹ Шишков, не любивший французов за создание в Европе очага революции, все же отдавал им должное за трепетное отношении к собственному языку: «Французские писатели, попечением об языке своем, вычистили, обогатили оный»⁴². Ф. Вольтер, пополнивший французскую словесность латинской лексикой, был для Шишкова подтверждением того, что и в русском языке не худо использовать славянские слова⁴³. Без них он, в общем-то, не представлял отечественную словесность. «Запрети нам писать *конь, всадник, возница, вертоград, храм, молниеносный, быстропарящий* и все подобные сим слова, имеющие корень свой в словенском языке, словесность наша не лучше будет камчадальской», – отвечал Шишков на критику, прозвучавшую в «Московском Меркурии» П. И. Макарова⁴⁴.

«Чистоту» русского языка он считал вопросом национальной безопасности. В «Ответе господину Луке Говорову» (1807) Шишков утверждал: «Европа <...> прежде нежели оружием французским побеждена уже была языком их»⁴⁵. Чтобы не быть голословным, он ссылаясь на «Тайную историю нового Французского Двора». В книге описывались французские

---

³⁹Martin A. Romantics, reformers, reactionaries: Russian conservative thought and politics in the reign of Alexander I. Northern Illinois University Press, 1997. p. 18.

⁴⁰Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 28.

⁴¹Успенский Б. А. Краткий очерк истории литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994. С. 161.

⁴²Шишков А. С. Прибавление к сочинению... С. 423.

⁴³Там же. С. 440.

⁴⁴Там же. С. 421.

⁴⁵Шишков А. С. Ответ на письмо Господина Луки Говорова, напечатанное в Вестнике Европы Апреля 1807 № 8, под заглавием: Письмо из города N. N. в столицу // Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1828. Ч. XII. С. 241. (далее – Шишков А. С. Ответ на письмо господина Луки Говорова...)

планы по «духовному» порабощению Англии, от которого было недалеко до политического подчинения Туманного Альбиона: «Прежде всего, старайтесь в государствах истребить язык народный, а потом уже и сам народ. Пусть молодые англичане тотчас будут посланы во Францию, и обучены одному французскому языку. Чтоб они не говорили иначе как по-французски дома и в обществе, в семействе своем и в гостях. Чтоб все указы, донесения, решения, договоры и условия были писаны на французском языке. Чтоб нигде не смели заикнуться на своем природном. – И тогда Англия будет нашею рабою»⁴⁶.

Неприятие Шишковым французского языка лежало в основе его «галофобной» критики просвещенческого проекта, чреватого революциями и низвержением традиционных основ европейских государств. Отчасти вину за расползание по Старому свету революционной «заразы» вице-адмирал возлагал на европейских монархов, предпочитавших говорить по-французски: «Если б Фридрихи Вторые не презирали собственного языка своего, ежели б всякая держава сохраняла свою народную гордость, то Французская революция была бы только в углу своем страшна. Мнимые их философы не вскружили бы столько голов. Они бы вредны были токмо для своего правительства и народа, а не для всей Европы»⁴⁷.

Шишков был убежден в том, что российская элита через общее употребление французского языка попала в интеллектуальную зависимость от французов. В результате своеобразной лингвистической глобализации Россия, как и другие европейские государства, стала восприимчива к революционным процессам, шедшим во Франции: «Когда Франция колеблется, когда в ней развращенные умы лживыми мнениями своими потрясают основы законов, добродетели, веры, нравов, – и все окрестные земли вместе с нею колеблются, словно они как бы составляли один с нею народ и одно царство»⁴⁸.

---

⁴⁶Там же. С. 241–242.

⁴⁷Там же. С. 242.

⁴⁸Там же.

Стремлением отгородиться от французского глобального проекта и сохранить российскую уникальность были пронизаны лингвистические по форме и политические по своей сути трактаты Шишкова. Учитывая особую роль русского языка в его общественно-политических взглядах, нельзя не согласиться с А. Ю. Минаковым в том, что вице-адмиралу был присущ лингвистический национализм, граничивший с изоляционизмом⁴⁹.

Суть лингвистического национализма талантливо описал русский беллетрист П. П. Сухонин: «Каждое историческое явление, которое коснулось в народе нравственного и физического быта его, непременно отражается в его языке: таким образом, народ в языке своем, видит последовательное развитие своей жизни. Каждое слово его изображает какую-нибудь сторону мысли: посему язык народа составляет как бы часть его самого. И для каждого лица отдельно народный язык есть нечто заветное. Родные звуки языка окружают нас воспоминанием всего, что нам дорого: они напоминают и первую мечту юности, и первый трепет сердца, и первую молитву, которую произнесли мы, повторяя слова матери... На своем языке мы научились уважать и любить славу наших предков, сочувствовать их доблести, любви их к родине. Следовательно, язык, отражая в себе политическую и частную жизнь народа, как прошлую, так и современную, составляет основу народности»⁵⁰.

То о чем говорил Сухонин: об отражении в языке нравственного, духовного, политического и исторического опыта народа, – эклектично присутствовало в «рассуждениях» Шишкова. По ним можно составить представление о характерных чертах его мировоззрения. Необходимо учитывать, что вице-адмирал благоговел перед русской стариной и на ее фоне критиковал современность как своего рода упадок русской культуры и словесности.

---

⁴⁹Минаков А. Ю. А. С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма // Научные ведомости. Бел.ГУ. 2009. №7 (62). С. 145.

⁵⁰Сухонин П. П. Александр Семенович Шишков, в его литературной деятельности // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1851. Ч. 69. Отд. 5. С. 1-2.

В самом начале своего «Рассуждения о старом и новом слоге» Шишков высказал мысль о высоком уровне развития славянского языка до принятия христианства и благотворном влиянии на него греческого языка: «Древний славенский язык, отец многих наречий, есть корень и начало Российского языка, который сам собою изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотами, заимствованными от сродного ему эллинского, на коем витийствовали Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины и многие другие христианские проповедники»⁵¹.

Прямых доказательств процветания отечественного языка в дохристианский период развития страны у Шихкова не было. Он лишь предполагал, что тогда могли существовать не дошедшие до нас славянские сочинения, которые погибли в результате нашествия татар, пожаров, разорений и нетерпимости христианской веры к языческим писаниям. Принятие православия, с его точки зрения, подняло отечественную словесность на недостигаемую для западных народов высоту: «Славенский язык <...> во втором-надесять веке уже столько процветал, сколько французский язык стал процветать во времена Людовика XIV, то есть в седьмом надесять веке»⁵².

Успехи «языка» служили Шишкову доказательством достижения русским народом в те далекие времена «глубокомыслия» и учености: «По красоте, с какою предки наши переводили славных греческих проповедников, и по высоте слов и мыслей, каковыми повсюду в переводах своих гремят они и блистают, достоверно заключить можно, колико уже и тогда был учен, глубокомыслен народ славенский»⁵³.

В ходе полемики вице-адмирал отмечал, что словесность «всегда и у всех народов была мерилom образа мыслей и нравов их»⁵⁴. Опираясь на содержание славянских духовных книг, он приукрашивал нравы русских

---

⁵¹ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 2.

⁵² Там же. С. 251.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Шишков А. С. Перевод двух статей из Лагарпа... С. 257.

предков. Церковная литература, согласно его взглядам, воспитала в них добродетельность, скромность, смиренномудрие, неприятие пороков, богатств и тщеславия⁵⁵.

Суммируя все вышесказанное можно утверждать, что Шишков рассматривал отечественную речь в широком контексте, фактически приравнивая ее к национальной культуре и народному самосознанию.

В рамках Российской академии вице-адмирал занимался переводом на современный язык выдающегося памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве». Не без его патриотического усердия до нас дошел список этого произведения. Оригинал же погиб в огне московского пожара 1812 г. Причины, побудившие Шишкова к разбору «Слова о полку Игореве» были тесно связаны с его историко-литературными интересами: «Сочинение сие, как по древности, так и по красоте своей показалось мне достойным того, чтоб вникнуть и разобрать оное подробнее», – писал он к своему коллеге по Академии, поэту М. М. Хераскову⁵⁶.

Комментарии Шишкова к этому произведению позволяют составить некоторые представления о его взглядах на отечественную историю. С самого начала своего перевода вице-адмиралом владело желание проникнуть в потаенные страницы славянского прошлого. Он был убежден, что прошлое славян имеет куда более глубокие корни, чем о том известно ученым. Шишков отмечал, что у них мог быть свой Гомер, поскольку «Слово о полку Игореве» начиналось с упоминания о «гремящих» рассказах Бояна «Велесова внука»⁵⁷. Отзвуки дохристианской истории русских предков слышались ему в старинных песнях, пословицах и сказках. Она представлялась вице-адмиралу примером русской храбрости, героизма, бескорыстного служения Родине и нестяжания материальных благ. Свои мысли Шишков подкреплял летописными сведениями об осаде язычником Святославом Игоревичем

⁵⁵ Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 82.

⁵⁶ ОР РНБ ф. 862. Д. 3. Л. 9.

⁵⁷ Шишков А. С. Слово о походе Игоря, сына Святославова, внука Ольгова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1826. Ч. VII. С. 30.

Константинополя, когда тот предпочел греческим драгоценностям военные орудия.

Христианская история русского народа, согласно комментариям вице-адмирала на «Слово о полку Игореве», являлась расцветом культуры. Он высоко оценивал правление киевского князя Владимира Святославича за просвещение русской земли святым крещением. Особую роль Шишков отводил деятельности его сына Ярослава Мудрого за укоренение на Руси православия, распространение грамотности, переводы греческих книг и создание русских сочинений. По его словам, «тридцатипятилетнее государственование Ярослава I надолго осталось в памяти россиян»⁵⁸.

Момент идеализации отечественного прошлого заканчивался у Шишкова на том месте «Слова о полку Игореве», где звучала тема княжеских усобиц, заставлявших его сожалеть о «бедствиях России»⁵⁹. Все дальнейшие литературно-патриотические рассуждения вице-адмирала были пронизаны пафосом недопущения в России братоубийственных войн и смут, укреплением народного единства на современном этапе истории.

В ходе литературных споров александровского царствования вице-адмирал наметил идеологические основания для сплочения российских подданных. Они заключали в себе следующее: патриотизм, почитание отечественной истории, русского языка и древних законов, преданность православной вере и самодержавной власти. Утверждению этих принципов в общественно-политической жизни России были подчинены подчеркнута благоговейные отзывы вице-адмирала о русской старине: «Мы видим в предках наших примеры многих добродетелей: они любили отечество свое, тверды были в вере, почитали царей и законы: свидетельствуют в том Гермогены, Филареты, Пожарские, Трубецкие, Палицыны, Минины, Долгорукие, и множество других. Храбрость, твердость духа, терпеливое повиновение законной власти, любовь к ближнему, родственная связь,

---

⁵⁸Там же. С. 3.

⁵⁹Там же. С. 78.

бескорыстие, верность, гостеприимство, и иные многие достоинства их украшали»⁶⁰.

Древняя история русского народа, запечатленная «сильным» и «красноречивым» славянским языком в священных книгах и летописях, служила Шишкову источником упреков современного общества, вставшего на путь вестернизации и усвоения чужеродных идей через иностранную словесность. «Вместо изображения мыслей своих по принятым издревле правилам и понятиям, многие веки возраставшим и укоренившимся в умах наших, изображаем их по правилам и понятиям чуждого народа (французов – А. Г.)», – указывал он в своем «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка»⁶¹.

Разрыв с русским прошлым Шишков связывал с «отмиранием» в современной литературе церковно-славянской традиции: «Славенский древний, коренной, важный, великолепный язык наш, на котором переданы нам нравы, дела и законы наших предков, на котором основана церковная служба, вера и проповедование слова Божьего, сей язык оставлен, презрен. Никто на нем не упражняется, и даже само духовенство»⁶².

Таким образом, церковно-славянский язык Шишков считал коренным. Он видел в нем «высокий слог» русского языка, и, в сущности, отождествлял оба этих языка. Это мнение уже тогда подвергалось критике. Начиная с М. В. Ломоносова и заканчивая членом шишковской Академии А. Х. Востоковым, в ученых кругах утверждалось представление о южнославянских языковых источниках церковно-славянской письменности. Ее укоренение в Киевской Руси обуславливалось религиозно-просветительской деятельностью проповедников с Балканского полуострова. Выполненные ими переводы богослужебных книг оказывали влияние на формирование русской словесности, привнеся в нее южнославянские и греческие языковые

---

⁶⁰Шишков А. С. Прибавление к сочинению... С. 458.

⁶¹Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 14.

⁶²Шишков А. С. Ответ на письмо Господина Луки Говорова... С. 249.

элементы. В свете этих обстоятельств к филологическим взглядам Шишкова нужно относиться скептически.

Как литератор, вице-адмирал был прав в ощущении огромного влияния языка духовных книг на формирование российской словесности. По справедливому замечанию А. Ю. Минакова, «пафос критики Шишкова определялся его общей установкой, восходящей к Ломоносову, согласно которой современный ему русский язык должен формироваться прежде всего на собственной традиционной церковнославянской основе»⁶³. В. С. Парсамов видел в отождествлении Шишковым церковнославянского и русского языков попытку «удревнить историю русской культуры и тем самым сконструировать длительную непрерывность национальных традиций»⁶⁴.

Для вице-адмирала церковно-славянская письменность была выражением русской национальности, поскольку вместе с православной верой она долгое время являлась объединяющим русский народ началом. В «Рассуждении о любви к Отечеству» он писал: «Народ российский всегда крепок был языком и верою. Язык делал его единомысленным, вера – единодушным. Двести лет стонал он под игом татар, но в языке и вере пребыл неприменен»⁶⁵.

Мысль Шишкова о неизменности основ русского народа и, особенно, языка была главным объектом нападков со стороны литературных противников. «Вы смешны! Вы без всякой *модификации* глупый господин! Вы не имеете никакой *моральности*. Мысли ваши как у молодого ребенка совсем не развиты. Вас надобно снова воспитать! Какая идея защищать *аще* и *бяще*! Ха, ха, ха! Вы бы еще побольше привели примеров из прологов и часовников! Ха, ха, ха! Это, право, хороший образчик вашего ума! Ха, ха, ха!» – высмеивал

---

⁶³Минаков А. Ю. Указ. соч. С. 145.

⁶⁴Парсамов В. С. Александр Семенович Шишков [вступ. ст.] // Шишков А. С. Избранные труды. М., 2010. С. 28.

⁶⁵Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству // Собрание Сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Т. IV. С. 161. (далее – Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству...)

литературно-филологические взгляды вице-адмирала в «Московском Меркурии» П. И. Макаров⁶⁶.

На деле же Шишков отвергал крайности употребления церковнославянизмов в современном языке. Он лишь говорил о приоритете отечественных источников красноречия над иностранными: «Мнение, что славенский язык различен с российским и что ныне слог сей неупотребителен, не может меня опровергнуть. Я не то утверждаю, что должно писать точно славенским слогом, но говорю, что славенский язык есть корень и основание российского языка, что он сообщает ему богатство, разум, силу, красоту. Из него должно почерпать искусство красноречия, а не из Боннетов, Вольтеров, Юнгов, Томсонов и других иностранных писателей»⁶⁷. Он призывал образованное общество «читать славянские книги», чтобы «лучше узнать язык свой»⁶⁸.

Ему были присущи националистические представления о превосходстве «богатой» отечественной словесности над «скудной» французской. К такому мнению Шишков приходил после сличения русского и французского переводов Библии: «Прочитаем со вниманием тот и другой перевод, и ежели мы, хотя несколько искусны в красноречии и силе слога, то почувствуем тотчас превосходство российского перевода над французским»⁶⁹.

Можно согласиться с Н. Н. Мазуром в том, что лингвистические взгляды вице-адмирала проистекали из осознания им цивилизационных различий между Россией и Западом. По словам ученого, русский язык и русский «дух» у Шишкова оказались напрямую связаны с источником цивилизации – Древней Грецией, в то время как европейские державы, и, прежде всего, Франция, наследовали преемнику Греции – Риму⁷⁰. В связи с этим церковно-

---

⁶⁶Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 342.

⁶⁷Там же. С. 2.

⁶⁸ОР РНБ. Ф. 862. Д. 3. Л. 47.

⁶⁹Шишков А. С. Указ. соч. С. 176.

⁷⁰Мазур Н. Н. Из истории формирования русской национальной идеологии (первая треть XIX века) // Цепь непрерывного предания. Сборник статей А. Г. Тартаковского. М., 2004. С. 200.

славянский язык приобретал особое значение, поскольку являлся языком богослужения Восточной церкви – оплота истинной веры.

В целом же «корнесловные» «поиски» вице-адмирала (выявление общих корней слов и производных от них, составление лингвистического словаря, увлечение фольклором), согласно исследованию А. Мартина, идейно роднили его с националистами того времени: «Романтические националисты в областях, в которых культурно преобладали племена славян, норвежцев, греков, немцев, кельтов, исследовали их историю, стандартизировали их национальные языки и составляли словари, собирали народные сказки и средневековые эпосы»⁷¹.

В «Рассуждении между двумя лицами Аз и Буки», составленном из бесед с С. Т. Аксаковым, Шишков выступил первопроходцем в области изучения устного народного творчества. Он создал продуманную классификацию основных поэтических средств русского фольклора, которая включала в себя частые повторения (Ты дуброва моя дубровушка, ты дуброва моя зеленая), уменьшительные имена (спинка, шейка, уздечка, попонка), частые эпитеты (красное солнышко, светлый месяц, синее море, белая лебедь), инверсии (столы дубовые, скатерти бранные, двери железные, гридни широкие), краткие формы прилагательных (садился на добра коня, мать сыра земля, чужа дальняя сторона)⁷². Красоты народной словесности использовались Шишковым полемически, дабы на их фоне показать нелепость «кудрявых» сентиментально-манерных речей карамзинистов, ориентированных на элитарное светское общество⁷³. Защита народного языка у вице-адмирала приобретала характер оберегания искренности, ясности и глубины чувств простых русских людей, противоположностью которым выступали сентименталистские лирические герои с их наигранной страстностью.

⁷¹Martin A. Указ. соч. С. 16.

⁷²Сарапас М. В. Указ. соч. С. 107-109. ; Тетеркина С. В. Языковое выражение философских взглядов А.С. Шишкова и его последователей («Беседа любителей русского слова») : когнитивно-ментальный аспект : диссертация ... кандидата филологических наук. Липецк, 2013. С. 49.

⁷³Карпец В. И. Муж отечестволюбивый. М. 1987. С. 37.

Среди заслуг вице-адмирала филологи выделяют: защиту русского языка «от неумеренных и часто неоправданных заимствований», справедливость борьбы с «щегольскими» словами бесталанных подражателей Карамзина, а также актуальность его замечаний по поводу художественной выразительности «славянизмов»⁷⁴.

Общественно-политический пафос литературно-лингвистических взглядов Шишкова заключался в желании пробудить в русском народе чувство национальной гордости, показать богатство и уникальности собственного культурного наследия. Русскому языку в этом процессе вице-адмирал отводил решающую роль. С осознания красот родной речи, по его мысли, должно начаться возрождение «духа честолюбия», свержение «ига подражания», превращение русских в образец для других народов⁷⁵. Кроме того, это означало восстановление культурно-языкового единства нации⁷⁶. Ситуация, при которой верхи общества отделились от низов знанием французского языка и построенной по его подобию русской речи, представлялась Шишкову опасной.

Таким образом, идеи вице-адмирала, которые в среде литературоведов принято называть «архаическими»⁷⁷, содержали в себе прогрессивные черты, обусловленные развитием русской национальности. Актуализацией отечественных литературных памятников, их языка и старинных слов Шишков выстраивал преемственность отечественного исторического процесса. Согласно его взглядам, все громкие победы предков, их доблесть и героизм, запечатленные в книгах, являлись достоянием современных русских людей и образцом для подражания. Именно об этом он писал своим критикам: «Древность языка и чтение старинных книг есть тоже для меня, что поучительная беседа с умащенным сединою славным воином. Тело его слабо,

---

⁷⁴Сарапас М. В. Указ. соч. С. 75.

⁷⁵Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 29.

⁷⁶Мазур Н. Н. Указ. соч. С. 200.

⁷⁷Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Пушкин в мировой литературе. Сборник статей. Л., 1926. С. 215–286.

но душа его сильна. Он <...> научит меня владеть мечем <...> достойными внимания рассказами о храбрых воинских делах и подвигах воспламенит сердце мое и вложит в грудь мою дух честолюбия, дух мужества»⁷⁸.

Противником русского национального возрождения, с точки зрения вице-адмирала, было по-французски воспитанное отечественное дворянство. По его наблюдениям, оно презирало и стыдилось родного языка, православной веры, простого народа, обычаев «предков» и своего отечества. По Шишкову, галломания развивала в русских комплекс национальной неполноценности: «Народ, который все перенимает у другого народа, его воспитанию, его одежде, его обычаям последует; такой народ уничтожает себя и теряет собственное свое достоинство; он не смеет быть господином, он рабствует, он носит оковы его, и оковы тем крепчайшие, что не гнушается ими, но почитает их своим украшением»⁷⁹.

Началом преклонения российского общества перед Западом вице-адмирал считал «времена Петра Великого, или паче Елисаветины»⁸⁰. По его словам, «во времена Елизаветы склонность к подражанию иностранцам, а более французам, мало по малу, стала вливаться в воспитание наше, и под видом просвещения отводить от всего отечественного»⁸¹.

Весь предшествующий период российской истории казался ему преисполненным русской «духовностью»: «Мы оставались еще до времен Ломоносова и современников его при прежних наших духовных песнях, при священных книгах, при размышлениях о величестве Божьем, при умствованиях о наших христианских должностях и о вере, научающей человека кроткому и мирному житию»⁸². В сущности, Шишков предвосхищал последующие поколения славянофилов с их идейной ориентацией на допетровскую Русь.

---

⁷⁸Шишков А. С. Прибавление к сочинению... С. 422.

⁷⁹Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 226.

⁸⁰Шишков А. С. Прибавление к сочинению... С. 423.

⁸¹Шишков А. С. Перевод двух статей из Лагарпа... С. 257.

⁸²Шишков А. С. Прибавление к сочинению... С. 423.

Одним из объектов его критики были французские воспитатели. В их числе Шишков выделял политически неблагонадежных людей, которые, «поссорясь с парижской полицией, пришли заражать северные страны», беглецов, «промотавшихся распутных людей» и множество «такого же рода» женщин, а также представителей «третьего сословия»: кучеров и парикмахеров⁸³.

Все они, по словам вице-адмирала, учили «презирать благочестивые нравы предков наших и насмехаться над всеми их мнениями и делами»⁸⁴. Для националистически мыслящего Шишкова принадлежность иностранных воспитателей к французской нации, организовавшей революцию 1789 г., было достаточным основанием для неприязни: «Если б, веря чудесам, и положить, что из приезжающих сюда французов, обирающих нас и после ругающих в книгах своих, все без изъятия суть люди добропорядочные и разумные, то и тогда не желал бы я, чтоб тот народ, в котором тоlikое растление нравов и разрушение всех добродетелей оказалось, был воспитателем и наставником нашим»⁸⁵.

Процесс иностранного воспитания, по Шишкову, касался даже бытовых мелочей: «Они учат нас всему: как одеваться, как ходить, как стоять, как петь, как говорить, как кланяться, и даже как сморкать и кашлять. Мы без знания языка их почитаем себя невеждами и дураками. Пишем друг к другу по-французски. Благородные девицы наши стыдятся спеть русскую песню»⁸⁶. Вице-адмирал рисовал неприглядную картину тотальной зависимости правящего сословия от выходцев с Запада: «Воспитывают и всему обучают нас иностранцы. Дома наши, храмы, здания строят они же. Убирают и украшают их внутри они же. Обувает и одевают нас, жен наших, дочерей и сыновей они же. Без них не умели бы мы ни занавесок развесить, ни стульев расставить, ни чепчика, ни кафтана, ни сапогов на себя надеть. Кареты,

---

⁸³Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 253.

⁸⁴Там же.

⁸⁵Шишков А. С. Прибавление к сочинению... С. 457.

⁸⁶Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 252.

коляски, комоды, кресла и все домашние для нас приборы делают они же, руками русских. Детей наших стоять прямо, кланяться, танцевать, верхом ездить, смотреть на лорнет, и проч., и проч., обучают они же. Оркестрами и театрами увеселяют нас они же. По крайней мере, кушанья на кухнях наших готовят нам русские повара? Нет, и то делают они же»⁸⁷!

Таким образом, процесс вестернизации России, по мнению Шишкова, зашел очень далеко. Прежде всего, это касалось жителей столиц. В «Рассуждении о старом и новом слоге» вице-адмирал с горечью констатировал отрыв горожан от традиций патриархального воспитания: «Как ныне смешон и странен покажется тот приезжий, разве из глухой деревни отец, который с неосторожностью молвит: *у меня детей моих грамоте обучает Русской Поп, а воспитываю их я сам*»⁸⁸!

Будучи поборником церковно-славянской традиции в литературе, Шишков и в вопросе воспитания на первое место ставил укоренение духовно-патриотических начал. Воспитание, по его мнению, должно обеспечивать «*полезный отечеству дух нежели легкое телодвижение*»⁸⁹. В области словесности это означало культивирование «высоких жанров», героического эпоса, од, а также неприятие «легкости» сентименталистских «слезливых» романов и прочих книг, ориентированных на «слабые умы, которым в сочинениях нужно только согласие звуков, а не основание мыслей»⁹⁰. Воспитание, согласно взглядам Шишкова, должно поощрять русский патриотизм и следование религиозным традициям «предков».

Результатом всего этого, по вице-адмиралу, должна была стать своего рода «русификация» вестернезированного дворянства, его обращение к традиционным ценностям и добродетелям. Идеал дворянина для Шишкова заключался в следующем: «Он остался при добрых правилах, почитает веру, наблюдает закон, любит свое отечество, способен быть полезным сыном

⁸⁷Шишков А. С. Ответ на письмо Господина Луки Говорова... С. 253.

⁸⁸Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 225.

⁸⁹Там же.

⁹⁰ОР РНБ. Ф. 862. Д. 3. Л. 17.

оного, женился, имеет детей и живет как должно благовоспитанному дворянину и доброму отцу семейства»⁹¹.

Общая идейная установка Шишкова на воспроизводство по средствам национального воспитания традиционных русских ценностей требовала от наставников особых профессиональных качеств. Они виделись вице-адмиралу кем-то вроде священников или родных отцов дворянских отпрысков. Он считал, что учителя, прежде всего, должны «созидать <...> душу и нрав» детей, и лишь потом заниматься «обогащением ума нашего науками»⁹². В сущности, Шишков придерживался популярных педагогических идей Просвещения о приоритете воспитания нравственных начал перед рациональными. По его словам, «лучше простой человек с здравым рассудком и добрыми нравами, нежели ученый с развращенными мыслями и худым сердцем»⁹³.

Трагизм сложившейся ситуация для Шишкова заключался в том, что «батюшками» русских детей были проникнутые духом богоборческой философии французы. «Осьмилетнее дитя читает у нас, как сам Лакен, стихи Вольтеровы, и не умеет, не только наизусть, ниже по книге прочитать *блажен муж* или *отче наш*», – возмущался вице-адмирал в своем переводе «лагарповых» статей⁹⁴.

Высказанные Шишковым в ходе литературной полемики мысли объективно были направлены на ликвидацию сложившейся практики французского воспитания в России. Он ощущал, что это вызывало ропот в образованном обществе: «В тысячу голосов возопиют на меня: сумасшедший! Что ты бредишь? Да есть ли у нас такие учителя, которым бы воспитание детей поручить можно было?» – говорилось в «Рассуждении о старом и новом слоге»⁹⁵.

---

⁹¹Шишков А. С. Ответ на письмо Господина Луки Говорова... С. 247.

⁹²Шишков А. С. Прибавление к сочинению... С. 401.

⁹³Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству... С. 183.

⁹⁴Шишков А. С. Перевод двух статей из Лагарпа... С. 330.

⁹⁵Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 225.

Таким образом, поднятый вице-адмиралом вопрос о необходимости исключить из отечественной сферы просвещения иностранные начала составлял один из аспектов присущего ему антизападничества. Нужно отметить, что оно не было у Шишкова огульным. Он уверял, что «любил иностранцев, почитал их таланты и достоинства», был «согласен перенимать у них доброе», «желал, чтоб все племена и народы были нашими друзьями»⁹⁶. Вице-адмирал с уважением относился к тем европейским народам, которые не покорились культурной и идеологической экспансии революционной Франции: «Англичанин не гоняется за французским воспитанием и за языком их, не нанимает кучеров их учить себя, но он англичанин: делами искусен, словами красноречив, нравом добр и светским обращением приятен по своему»⁹⁷.

Впрочем, и за французским народом вице-адмирал признавал достижения в «науках» и «художествах», выступая лишь против русского «обезьянничества» перед ними: «Вместо занятия от них единых токмо полезных наук и художеств, стали перенимать мелочные их обычаи, наружные виды, телесные украшения, час от часу более делаться совершенными их обезьянами»⁹⁸.

Для уяснения отношения Шишкова к Западу обратимся к его оценкам деятельности Петра I, который, как известно, прорубил для России «окно» в Европу. В своем «Прибавлении к Рассуждению о старом и новом слоге» вице-адмирал делал из царя-реформатора защитника русской самобытности: «Петр Великий желал науки переселить в Россию, но не желал из Россиян сделать Голландцев, Немцов, или Французов; не желал Русских сделать не Русскими»⁹⁹. Приглашение Петром I иностранцев в Россию, по мнению вице-адмирала, не таило угроз русским обычаям, поскольку «тогда вызывались

---

⁹⁶Шишков А. С. Ответ на письмо Господина Луки Говорова... С. 237-238.

⁹⁷Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 225-226.

⁹⁸Там же. С. 251-252.

⁹⁹Шишков А. С. Прибавление к сочинению... С. 462.

корабельные мастера, хлебопашцы, художники, а не учителя для воспитания наших детей»¹⁰⁰.

Таким образом, положительно оценивая Петра I, Шишков признавал необходимость модернизации страны в опоре на западные научные и культурные достижения. Однако, преобразование России, согласно его взглядам, не должно превращать русских в подобие других народов. По сути, фигура царя-реформатора являлась для вице-адмирала компромиссной, с точки зрения, усвоения западных достижений и сохранения национальной самобытности.

Впрочем, у вице-адмирала нарастала непримиримость к петровской вестернизации. В письме к вдовствующей императрице Марии Федоровне от 25 мая 1816 г. Шишков отозвался на ее планы формирования национальных кадров преподавателей как на попытку исправить ошибки Петра I: «Он ввел науки и просвещение, но не взял осторожности не допустить вместе с ними войти духу уничижения. Отселе есть у нас науки, но нет их корня; есть просвещение, но не собственное свое, а потому не позволяющее быть нам самими нами; мы почитаем себя как бы творением рук чуждых народов. Отселе начало нравственного нашего рабства, от которого мы, при всей силе и торжестве оружия, освободиться не можем; ибо от сего не силой оружия освобождаются, но духом честолюбия и народной гордости, тогда только рождающейся в душах наших, когда воспитывают нас собственные наши отцы, матери и наставники»¹⁰¹.

В ходе своей литературно-лингвистической деятельности вице-адмирал высказывал мысли напрямую относящиеся к общественному строю России. Во-первых, он критиковал либеральные эмансипационные идеи. В частности, Шишков утверждал: «Вольность <...> в том состоит, чтоб не считать ничего священным, неповиноваться ничему, кроме страстей своих»¹⁰². Во-вторых, его

---

¹⁰⁰Там же. С. 457.

¹⁰¹РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д.1. Л. 7.

¹⁰²Шишков А. С. Ответ на письмо Господина Луки Говорова... С. 243.

взгляды на воспитание и просвещение определялись защитой сословного строя. По мнению вице-адмирала, истинное просвещение должно нацеливать каждое российское сословие на овладение соответствующими профессиональными навыками, чтобы «земледелец умел пахать, судья судить, купец торговать, сапожник шить сапоги»¹⁰³. В-третьих, выдвинутый Н. М. Карамзиным принцип «писать, как говорят», он увязывал с идеей уравниения сословий, которой не сочувствовал: «Желание некоторых новых писателей сравнивать книжный язык с разговорным, то есть сделать его одинаким для всякого рода писаний, не похоже ли на желание тех новых мудрецов, которые помышляли все состояния людей сделать равными»¹⁰⁴? В этом смысле «коренной» церковнославянский язык виделся вице-адмиралу источником незыблемости российских порядков.

В «Рассуждении о любви к Отечеству» он критиковал идею верховенства закона, лежащую в основании либеральной идеологии. Согласно взглядам Шишкова, сами по себе законы не делают общество справедливым, ибо они грозны для уличенных преступников, а «тайные злодеи», «жестокосердные богачи» остаются на свободе¹⁰⁵. Главным же регулятором общественной жизни вице-адмирал считал веру, с помощью которой только и можно искоренять человеческие пороки.

Таким образом, западные эмансипационные веяния Шишков отвергал. Он показывал, что путь России иной и в его основе лежала православная вера: «Благодаря Святой Вере, научающей нас воздавать Божие Богови и Кесарево Кесареви, благодаря наследственным нам от предков наших благим нравам, Россия еще не такова»¹⁰⁶.

Несмотря на консерватизм, присущий вице-адмиралу в вопросе существования сословного неравенства, его полемика содержала сильный заряд демократизма. «Напудренных» дворян, ездивших в каретах,

---

¹⁰³Там же.

¹⁰⁴Шишков А. С. Рассуждение о красноречии Св. Писания... С. 74.

¹⁰⁵Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству... С. 177.

¹⁰⁶Шишков А. С. Ответ на письмо Господина Луки Говорова... С. 243.

научившихся с петровских времен брить бороды, носить «короткие немецкие платья», танцевать минуэты и петь итальянские арии, он обвинял в ненависти к простым русским мужикам, которые по-прежнему ходили с бородами, одевались в «долгие зипуны», танцевали «сельские пляски», пели «подблюдные песни», передвигались на «телегах»¹⁰⁷.

Простые люди, по мысли Шишкова, сохранили добрые русские нравы, обычаи и традиции, непонятные европеизированным верхам. Кроме того, патриархальная жизнь низов выступала для вице-адмирала неким отголоском той социальной гармонии, которая якобы царила в прошлом России¹⁰⁸. Она же являлась центральным элементом конструируемой вице-адмиралом идеологической схемы «воссоздания былого национального единства»¹⁰⁹.

Для значительной части просвещенной элиты пиетет Шишкова к народным обычаям воспринимался через призму отказа от исторического прогресса и возвращения общества на путь невежественной, загрубелой старины. Сам же вице-адмирал отвергал подобные крайности: «Возвращаться к прародительским обычаям нет никакой нужды, однако ненавидеть их не должно. Всякое время и всякое состояние людей имеет свои обычаи: прежде на охоту езжали с соколами, а ныне ездят с собаками; купец ходит в длинном кафтане, а дворянин в коротком; купецкая жена любит баню, а знатная госпожа ванну. Пускай всякой делает по своему, но не должно презирать ни дворянину купецких обычаев, ни купцу дворянских»¹¹⁰.

Обращенность Шишкова к обычаям «предков», хранимых простым народом, и к славянскому языку закрепило за ним своеобразный имидж противника идеи развития¹¹¹ или сторонника «медленного органичного

---

¹⁰⁷Шишков А. С. Прибавление к сочинению... С. 458–459.

¹⁰⁸Минаков А. Ю. Указ. соч. С. 146.

¹⁰⁹Полежаева Т. В. Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX века) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 98.

¹¹⁰Шишков А. С. Указ. соч. С. 461.

¹¹¹Альтиуллер М. Г. А. С. Шишков о французской революции // Русская литература. 1991. № 1. С. 148.

развития»¹¹². Однако, многие полемические высказывания вице-адмирала звучали вполне современно, прогрессивно и демократично. Вот что он говорил во время переписки с редактором «Русского вестника» С. Н. Глинкой: «Обратитесь к нему (к народу – А. Г.), согрейте его лучами вашего внимания, не требуйте, чтоб что б он вдруг и во мгновение ока представил взорам вашим рощи Африканских и Американских древес. Потерпите <...> вы увидите, что он со временем раскинется и будет великолепен. Народ тоже, что сад. Не отвращай взора от его произведений. Полюби сперва несовершенство их. Предпочти свое чужому, посели в него честолюбие, возроди ревность, возбуди в нем уважение к самому себе. Тогда природное дарование найдет себе пищу, начнет расти, возвышаться, отчасу делаться искуснее, и, наконец, достигнет до совершенства»¹¹³.

Из письма Шишкова к жене от 12 января 1798 г. следовало, что он был заботливым помещиком и стремился производить на своих крепостных благоприятное впечатление: «Ты пишешь, что мужики к тебе пришли и принесли оброк. Очень хорошо, только так ли ты с ними поступила, чтоб они пошли от тебя довольны, и дома бы рассказали, как ты их приняла и угостила. Ежели так, то очень изрядно»¹¹⁴.

О Шишкове-помещике рассказывал близкий к нему в конце первого десятилетия XIX в. С. Т. Аксаков. Мемуарист отмечал, что владея крепостными более десяти лет, вице-адмирал «не брал с них ни копейки оброка»¹¹⁵. Однажды в неурожайный год Аксаков был свидетелем посещения крестьянами дома Шишкова на Форштадтской улице. По словам рассказчика, они говорили, что по милости вице-адмирала живут не бедно, и просили его возложить по тысячи рублей оброка «за прежние льготные годы»¹¹⁶. Встреча

¹¹²Парсамов В. С. Указ. соч. С. 31.

¹¹³Шишков А. С. Ответ на письмо Господина Луки Говорова... С. 255.

¹¹⁴Киселева Л. Н. Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.) // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 1994. Ч. 1. С. 227.

¹¹⁵Аксаков С. Т. Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Собрание сочинений. М., 1909. Т. 2. С. 208.

¹¹⁶Там же. С. 209.

проходила в теплой домашней обстановке. Вице-адмирал запретил крепостным кланяться перед собой «в ноги», накормил «по горло», что-то подарил. Речи крестьян напомнили ему язык старинных грамот и он просил их повторить сказанное перед своим племянником А. И. Казначеевым и С. Т. Аксаковым, а на другой день – перед Н. С. Мордвиновым и П. А. Кикиным. На третий день Шишков отказался от возложения на крепостных денег, чем восхитил Аксакова и Казначеева и вызвал неодобрение жены и Мордвинова. Последний убеждал вице-адмирала, что отсутствие повинностей произведет ропот между соседними крестьянами. В итоге, с помощью этого же аргумента крестьяне упростили Шишкова положить на них оброк, который был небольшим и использовался на собственные нужды крепостных.

Разумеется, принимать на веру воспоминания близкого товарища вице-адмирала не стоит. Хозяйственными делами в доме Шишкова занималась жена. Она и решала вопрос о повинностях, пока почтенный патриот на примерах крестьянских речей увлекал гостей красотами русского языка. Впоследствии, вице-адмирал являлся наиболее активным защитником крепостного права в Государственном совете, что лишний раз доказывает его классовую солидарность с другими помещиками, которые не затруднялись налагать повинности на простолюдины. Можно согласиться с Т. А. Егеревой в том, что Аксаков «слишком идеализировал своего героя»¹¹⁷.

Между тем, следование образу «доброего» помещика являлось составной частью конструируемой им идеологии народного единства. Исходя из собственных идиллических представлений о социальной гармонии, он переносил всю глубину «раскола» между низами и верхами общества с классовой в национально-культурную плоскость. От правящего сословия Шишков добивался уважения к народным обычаям. Роль блюстителей русских традиций он возлагал на самодержцев. Эталонной выразительницей русских начал, хранимых простолюдином, по Шишкову, была Екатерина II:

---

¹¹⁷Егерев Т. А. Семейная жизнь русских консерваторов в начале XIX века // Преподаватель. XXI век. 2010. № 3. С. 184.

«Великая Екатерина мудростью правления своего распространила, возвеличила, прославила Россию; но мудрость не отторгала ее от отечества: она любила Русскую землю, Русской народ, Русской язык, Русские обычаи. Сама ходила в Русском платье. Сама сочиняла великолепные зрелища, представляющие древние Русские обыкновения. Сама в известные времена в чертогах своих учреждала Русские игры, не столько для собственного увеселения своего, сколько для показания народу своему, что она любя его, любит и все, даже и самые простые, забавы его и обряды»¹¹⁸.

Так представлял себе Шишков роль монарха в поддержании национального единения. Вице-адмирал возлагал надежды на семейную модель социума, при которой единство создается равной заботой царя-отца о своих подданных¹¹⁹. Ту же роль заботливых родителей, по его понятиям, должны были играть помещики для своих крепостных. Эта модель консервировала сословное устройство общества, сохраняла правовое неравенство между категориями подданных.

Положительное восприятие допетровской Руси и традиционной народной культуры, попытки развивать русский язык на основе церковнославянского литературного наследия, апелляция к чувству национальной гордости русского народа и присущее Шишкову антизападничество – это те принципы, которые поставили его в оппозицию «властителям дум» того времени.

Главным оппонентом вице-адмирал небезосновательно считал Н. М. Карамзина. В молодости историограф отличался крайней приверженностью к Западу, что нашло отражение в его «Письмах русского путешественника». Он полагал, что Петру I в российской истории не было равных, что «иностранцы были умнее русских», что старинные русские обычаи грубы и невежественны, и что России нужно идти по проторенному просвещенными нациями пути вплоть до отказа от собственной славянской уникальности: «Немцы,

---

¹¹⁸Шишков А. С. Ответ на письмо Господина Луки Говорова... С. 252.

¹¹⁹Мазур Н. Н. Указ. соч. С. 201.

Французы, Англичане были впереди русских, по крайней мере, шестью веками: Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их. Все жалкие Иеремиады об изменении Русского характера, о потери русской нравственной физиогномии, или не что иное как шутка, или происходят от недостатка в основательном размышлении. Мы не таковы как брадатые предки наши: тем лучше! Грубость наружная и внутренняя, невежество, праздность, скука были их долею в самом высшем состоянии: для нас открыты все пути к утончению разума и к благородным душевным удовольствиям. Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских»¹²⁰.

Как видно, ранний Карамзин был убежден в культурном превосходстве Запада перед Россией, отмечал прогрессивную роль Петра I в отечественной истории. По определению И. В. Ягича, он стал первым русским западником¹²¹. Его языковая программа заключалась в организации русской словесности по модели западноевропейской, что включало в себя борьбу со «славянизмами», ориентацию на разговорную речь и заимствования из французского языка, как средство приобщения к европейской цивилизации¹²². В связи с этим, обращение Шишкова к церковнославянскому языку отечественной книжности приобретало антизападнический характер.

На критику вице-адмирала Карамзин не отвечал¹²³. К тому же она больше касалась не самого историографа, а его бездарных подражателей. По словам Я. К. Грота, из сочинений самого Карамзина Шишков не приводил ничего, кроме нескольких иностранных слов, «ничего такого, что бы действительно доказывало недостатки нового слога»¹²⁴.

---

¹²⁰Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. Л., 1984. С. 254.

¹²¹Ягич И. В. Указ. соч. С. 158.

¹²²Успенский Б. А. Указ. соч. С. 154.

¹²³Галахов А. Д. Указ. соч. С. 78.

¹²⁴Грот Я. К. Труды Я. К. Грота. СПб., 1899. Т. 2. С. 74.

За основоположника сентиментализма в литературе вступились противники традиционализма¹²⁵. На страницах «Северного Вестника» И. И. Мартынов осуждалось антизападничество Шишкова, а сам он представал в роли почитателя российской «отсталости»: «Как можно <...> заставлять нас идти по стопам предков наших с бородами и хотеть, чтобы просвещенные нации не имели никакого над нами влияния? <...> Вы этак захотите обусть нас в онучи и одеть в зипуны»¹²⁶. Вице-адмиралу приписывалась идея обратить отечественное общество в невежество и запретить читать отечественные и иностранные книги¹²⁷.

«Московский Меркурий» П. И. Макарова утверждал, что современные русские сильно отделились от своих «предков» и должны идти в ногу с западными народами: «В отношении к обычаям и понятиям мы теперь совсем не тот народ, который составляли наши предки; следственно хотим сочинять фразы и производить слова по своим понятиям, нынешним, умствуя как французы, как немцы, как все нынешние просвещенные народы. Неужели сочинитель для удобнейшего восстановления старинного языка хочет возвратить нас и к обычаям и к понятиям старинным»¹²⁸.

Похожие мысли высказывал К. Н. Батюшков в 1809 г. в письме к Н. И. Гнедичу: «Любить отечество должно. Кто не любит его, тот изверг. Но можно ли любить невежество? Можно ли любить нравы, обычаи, от которых мы отдалены веками, и что еще более, целым веком просвещения? Зачем же эти усердные маратели восхваляют все старое»¹²⁹?

В целом, Шишков и его оппоненты не добились примирения на протяжении всего литературного спора, который с меньшей интенсивностью продолжался и после войны 1812 г. Разве что Н. М. Карамзин впоследствии

---

¹²⁵Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века : монография. Воронеж, 2011. С. 365.

¹²⁶Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... С. 343.

¹²⁷Шишков А. С. Прибавление к сочинению... С. 361.

¹²⁸Галахов А. Д. Указ. соч. С. 60.

¹²⁹Цит. по: Комаров А. И. Журналистика и критика 1800 –1810-х годов // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. I. Л. 1950. С. 158.

сблизился с вице-адмиралом и в 1818 г. стал почетным членом его Российской академии. Критику в свой адрес он положительно воспринял при написании «Истории Государства Российского», за что удостоился наград Академии и похвалы Шишкова. По словам Б. С. Мейлаха, Карамзин в этом труде значительно «сдал» «архаистам» свои позиции в вопросах «слога»¹³⁰. Впрочем, историограф по-прежнему считал, что слова не изобретаются академиями и «ученое законодательство» не уместно¹³¹.

Невозможность прийти к общественному согласию была связана с изначально диаметрально противоположными политическими позициями оппонентов. Условные «западники» того времени, очевидно, были сторонниками встраивания России во французский просвещенческий проект и приветствовали либеральные реформы Александра I. «Московский Меркурий», с которым полемизировал Шишков, по словам исследователей, «вызывающе резко отстаивал идеи единства европейской культуры, пропагандировал стирание черт местного своеобразия, оправдывал все новое и иронизировал над стариной»¹³². Вице-адмирал же защищал идеи русского национальной самобытности, с неприязнью говорил о французских модах. Несмотря на внешне благожелательное отношение к западным научным достижениям, он выстраивал изоляционистские императивы развития страны, основанные на сохранении прежних порядков и отечественных традиций. Отстаивая русские начала, сохранившиеся в «простом народе», вице-адмирал, нисколько не симпатизировал эмансипационным идеям верховной власти.

Литературная полемика начала XIX столетия закрепила за ним ряд полемических прозвищ и карикатурных образов, связанных с его церковнославянскими «штудиями». «И вот бледнеющий над Святцами Шишков», – намекая на его бледный цвет лица и серые волосы, писал в своей

¹³⁰Мейлах Б. С. Указ. соч. С. 88.

¹³¹Стоюнин В. Я. Указ. соч. С. 240.

¹³²Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 472.

желчной эпиграмме молодой Д. Н. Блудов¹³³. На подобные колкости вице-адмирал отвечал тем, что его оппоненты «не читав ничего, кроме переводимых по два тома романов в неделю и не бывав сроду ни у заутрени ни у обедни, не хотели верить, что *благодатный, неискусобрачная, тлетворный, злокозненный, багрянородный* – суть русские слова, и утверждали это тем, что они ни в *Лизе* ни в *Анюте* их не читали»¹³⁴.

Шишкова также обзывали старовером, раскольников, старословом, Дедом Седым, Беседы царем, балдусом, Лагарпом. Наиболее популярным тогда прозвищем вице-адмирала стало слово «славянофил». По замечанию Ф. Ф. Вигеля, он «имел славу быть первым у нас славянофилом»¹³⁵, «главой славянофилов или варягороссов, как их тогда называть начали»¹³⁶.

В середине девятнадцатого столетия это слово использовалось «западниками» как обидное прозвище для своих оппонентов. Сочувствующие «славянофилам» современники считали некорректным сравнивать идеи А. С. Хомякова, И. С. и К. С. Аксаковых, И. В. и П. В. Киреевских, Ю. Ф. Самарина, А. И. Кошелева со взглядами Шишкова. По словам П. А. Вяземского, «славянофильство Шишкова было своего рода славянофильство кабинетное, литературное, а еще более голословное, корнесловное, буквальное. Он в мир исторический, гражданский и политический не заглядывал»¹³⁷. А. Н. Пыпин полагал следующее: «Славянофилов нельзя серьезно сравнивать с Шишковым и его приверженцами, как это делал Белинский в разгаре полемики. Они любят старину не таким наивно-грубым образом, и многое в их понятиях было бы для Шишкова китайскою грамотой»¹³⁸. Сами же представители этого направления, устами А. С. Хомякова, почтительно отзывались о своем

---

¹³³Вигель Ф. Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Издание «Русского архива» (дополненное с подлинной рукописи). М., 1892. Ч. 2. С. 56.

¹³⁴Шишков А. С. Перевод двух статей из Лагарпа... С. 316.

¹³⁵Вигель Ф. Ф. Указ. соч. Ч. 2. С. 55.

¹³⁶Там же. Ч. 3. С. 150.

¹³⁷Вяземский П. А. Старая записная книжка // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского. СПб., 1883. Т. 8. С. 483.

¹³⁸Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Исторические очерки. СПб., 1873. С. 235.

номинальном предшественнике: «...мы не стыдимся Шишкова и его славянофильства. Как ни тесны были еще его понятия, как ни тесен круг его требований, он много принес пользы и много бросил добрых семян. Правда, почти вся литература той эпохи, все двигатели ее были на стороне Карамзина, но не забудьте, что Грибоедов считал себя учеником Шишкова, что Гоголь и Пушкин ценили его заслуги, что сам Карамзин отдал ему впоследствии справедливость»¹³⁹.

В отечественной исторической литературе сложилась устойчивая традиция рассматривать некоторые идеи вице-адмирала как предшествующие «славянофильским». На славянофильские взгляды Шишкова указывал А. Г. Лушников (1913)¹⁴⁰. По мнению Ю. З. Янковского, «кое-какие декларации славянофилов, несомненно, могут быть связаны с идеями Шишкова»¹⁴¹. А. Ю. Минаков указывал, что вице-адмирал задолго до славянофилов увидел в русском крестьянстве источник нравственных ценностей и традиций, уже недоступным «испорченным» высшим классам¹⁴². М. Г. Альтшуллер, за идеализацию Шишковым допетровской Руси, называл его «предтечей, первым идеологом русского славянофильства»¹⁴³. С. В. Тетеркина выделяла общие для вице-адмирала и славянофилов установки, среди которых значились: «Представление о народности как основе культуры, о народном гении, раскрывшем себя в древности, о космополитической цивилизации, которая стирает черты самобытности, оплодотворяющие культуру, и о связи языка с духом народа»¹⁴⁴.

---

¹³⁹Хомяков А. С. Разговор в Подмосковной // Полное собрание сочинений. М., 1900. Т. 3. С. 207.

¹⁴⁰Лушников А. Г. Историко-литературная почва первого славянофильства: (К вопросу о происхождении и сущности так называемого славянофильства). Казань. 1913. С. 23–25.

¹⁴¹Янковский Ю. З. Патриархально-дворянская утопия: Страница русской общественно-литературной мысли 1840–1850-х годов. М., 1981. С. 31–32.

¹⁴²Минаков А. Ю. А. С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма // Научные ведомости. Бел.ГУ. 2009. №7 (62). С. 146.

¹⁴³Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова... С. 43.

¹⁴⁴Тетеркина С. В. Указ. соч. С. 80.

Н. И. Цимбаев доказывал, что вице-адмирал идейно не являлся прямым предшественником «славянофилов» 1840–1850-х гг. представителей либерального направления общественной мысли¹⁴⁵. Однако, признавал за этим термином многозначность, несводимую лишь к общественно-культурному явлению середины XIX в.¹⁴⁶

Таким образом, Шишков стал первым из российских общественных деятелей к кому неоднократно применялось прозвище «славянофил». При всей разнице в конкретно-исторических обстоятельствах использования этого термина, одно остается неизменным: «Славянофильство было и есть не что иное, как русское направление»¹⁴⁷.

Идеи, высказанные вице-адмиралом в ходе литературной полемики, составили основу его консервативной политической программы. Она включала в себя необходимость национального воспитания, опору на собственные языковые, политические, бытовые (например, в одежде, еде, повседневных поведенческих стереотипах) традиции, патриотизм, культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии¹⁴⁸.

Шишков предвосхитил теорию «официальной народности» С. С. Уварова: православие, самодержавие, народность. С той лишь разницей, что последний элемент триады для него был язык – основа русского национального самосознания. По словам С. В. Тетеркиной, «народность сохранялась в языке, и древняя словесность раскрывала ее основы с полнотой, недоступной литературе современной»¹⁴⁹. По мнению Е. Е. Земсковой, лингвистические искания вице-адмирала в преддверии войны 1812 г. оказались актуальными. Они были нацелены на создание «нового языка,

---

¹⁴⁵Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 76.

¹⁴⁶Там же. С. 54–55.

¹⁴⁷Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 182.

¹⁴⁸Минаков А. Ю. Указ. соч. С. 146.

¹⁴⁹Тетеркина С. В. Указ. соч. С. 39.

пригодного для описания национального сообщества, ведущего войну нового типа, названную впоследствии в России «отечественной»¹⁵⁰.

§ 2. Консолидация патриотических сил. Создание литературного общества «Беседа любителей русского слова»

Военные поражения России от французской армии в 1805–1807 гг. оказали огромное воздействие на русское общество. Тильзитский мир, заключенный с Францией в 1807 г., воспринимался многими современниками как крайне позорный. Под влиянием ненависти к французам даже поклонники европейского просвещения превращались в отъявленных консерваторов и убежденных националистов¹⁵¹.

Негодование Шишкова вызывало пребывание в Петербурге французского посланника А. Коленкура. По мнению вице-адмирала, тот вел себя надменно и «возносчиво», считал себя равным Александру I, отказывал императрице в танце, а однажды накричал на русского полицейского как «на самого последнего из своих подчиненных»¹⁵².

Ощущения принижения русских французами и нарастание ненависти к ним овладевали отечественным обществом: «Тяжкое время прожили мы от Тильзитского мира до разрыва 1812 года! – Вспоминал Н. И. Греч. – Россия не была покорена врагом, не повиновалась ему формально, но и союз с властолюбивым завоевателем был уже некоторого рода порабощением. Земля наша была свободна, но отяжелел воздух; мы ходили на воле, но не могли дышать. Ненависть к французам возрастала по часам. А должно сказать, что послы Наполеона, Коленкур и Лористон, усердно содействовали ее

---

¹⁵⁰*Земскова Е. Е.* Русский патриотизм в немецком переводе: А. С. Шишков в воспоминаниях Э. М. Арндта. // Труды РАШ. 2004. Т. 2. С. 89.

¹⁵¹*Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века : монография. Воронеж, 2011. С. 109.

¹⁵²*Шишков А. С.* Записки, мнения, и переписка... Т. 1. С. 117.

распространению своею гордостью, дерзостью, тем, что называется по-французски *arrogance*»¹⁵³.

Союз Александра I и Наполеона был ненавистен Шишкову и он открыто фрондировал. За распространение стихов антиправительственного содержания вице-адмирал стал участником судебных разбирательств. В них высмеивалось вручение георгиевских крестов после заключения Тильзитского мира. Шишков получил стихи от художника и писателя гр. Ксавье де Местра, а во время обеда у сенатора А. А. Саблукова имел неосторожность передать их близкому к императору Р. А. Кошелеву, впоследствии деятельному масону. Вице-адмирала стали подозревать в авторстве. К нему на квартиру с расспросами приходил полицейский, а петербургский градоначальник С. К. Вязмитинов вызывал к себе для дачи объяснений и грозил донести о нем императору. Вскоре гр. Местр без затруднений объявил лицо, передавшее ему стихи, и поблагодарил Шишкова за «снисходительное умолчание» о своей персоне¹⁵⁴.

В конце первого десятилетия XIX в. у него ухудшились и без того непростые отношения с морским министром П. В. Чичаговым. Шишков вступился перед ним за флотских офицеров Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова, которые были осуждены за вооруженный рейд на о. Сахалин. Вице-адмирал был убежден, что моряки действовали не своевольно, а по приказу своего начальника Н. П. Резанова, который к тому моменту умер и потому не мог прояснить ситуацию в суде. Героизм, проявленный Хвостовым и Давыдовым во время русско-шведской войны 1809 г., обратил на их сторону патриотическую общественность. Хотя Шишков уже не присутствовал в адмиралтейской коллегии, он на повышенных тонах ходатайствовал за моряков перед П. В. Чичаговым, угрожая написать сто списков с возражениями по данному делу и раздать их всем, кого встретит. В итоге с них были сняты все обвинения. Вице-адмирал же полагал, что морской министр не

---

¹⁵³Греч Н. И. Указ. соч. С. 179.

¹⁵⁴Шишков А. С. Указ. соч. С. 98.

в лучшем свете доносил о его участии в защите Хвостова и Давыдова Александру I: «Без сомнения, заступа моя за сих офицеров не могла быть приятна Чичагову. И хотя не переменил он довольно приятного по наружности обращения своего со мною, однако ж, вероятно, во внутренности души своей, был недоволен моими поступками. И, может быть, часто не в хорошем виде изображал меня государю, который, как думать должно, и без того, за найденные у меня после Тильзитского мира французские стишки и за письмо, написанное мною к летавшему на воздушном шаре Львову, был на меня в негодовании»¹⁵⁵. Неприязнь к себе Александра I Шишков видел в том, что он не стал членом, созданного в 1810 г. по проекту М. М. Сперанского, Государственного совета.

На волне общественного недовольства «Тильзитом» консерваторы шишковского круга перешли к формированию своего рода «русской партии», объединявшей защитников русских национальных интересов и патриотов¹⁵⁶. Формой такого объединения еще с 1803 г. служили так называемые «литературные вечера»: «Мы четверо, а именно: Державин, Муравьев, Хвостов и я, устраивали для чтения вечера, и, в назначенные дни, съезжались для чтения друг к другу. Некоторые другие любители русского языка присоединились к нашему обществу»¹⁵⁷.

С 1807 г. Шишкову принадлежала решающая роль в деле консолидации литераторов патриотического толка. Об этом свидетельствовал постоянный участник собраний «шишковистов» С. П. Жихарев: «Он долго трактовал о пользе, какую бы принесли русской словесности собрания, в которые бы допускались и приглашались молодые литераторы для чтения своих произведений. И предлагал Гаврилу Романовичу [Державину] назначить вместе с ним попеременно, хотя бы по одному разу в неделю, литературные вечера, обещая склонить к тому же Александра Семеновича Хвостова и

---

¹⁵⁵Там же. С. 114.

¹⁵⁶Минаков А. Ю. Указ. соч. С. 111.

¹⁵⁷Шишков А. С. Указ. соч. С. 93.

сенатора Ивана Семеновича Захарова, которых дома и образ жизни представляли наиболее к тому удобств. Бог весть, как обрадовался этой идее добрый Гаврила Романович и просил Шишкова... устроить как можно скорее это дело»¹⁵⁸.

Со 2 февраля 1807 г. литературные вечера проходили каждую субботу поочередно в домах Г. Р. Державина, И. С. Захарова, А. С. Хвостова и А. С. Шишкова. На них присутствовало порядка двадцати человек: «Гаврила Романович, И. С. Захаров, А. С. Хвостов, П. М. Карабанов, кн. Шихматов, И. А. Крылов, кн. Д. П. Горчаков, флигель-адъютант Кикин, <...> полковник Писарев, А. Ф. Лабзин, В. Ф. Тимковский, П. Ю. Львов, М. С. Щулепников, молодой Корсаков, Н. И. Язвицкий, сочинитель букваря, Я. И. Галиновский, автор какой-то книги для прекрасного пола под заглавием «Утренник»... и наконец я», – отмечал вышеупомянутый современник¹⁵⁹.

Кроме перечисленных лиц посетителями собраний являлись Н. И. Гнедич, С. Н. Марин, А. А. Шаховской, А. П. Бунина, А. Н. Оленин и Е. И. Станевич. Помимо поэтов, писателей и драматургов присутствовали сенаторы, обер-прокуроры, камергеры, петербургский главнокомандующий и военный министр С. К. Вязмитинов, министр просвещения граф П. В. Завадовский.

Пестрый состав участников «вечеров» предполагал постановку вопросов выходящих за рамки литературы. Обсуждались проблемы международной политики, военные баталии русской и французской армий. Опальные политики надеялись вернуться к активной государственной деятельности. Молодежь, в массе своей, не разделяла их «охранительных» взглядов и почти не посещала литературных собраний «шишковистов». По сути, под эгидой вице-адмирала складывался ведущий центр приверженцев национально-консервативной идеологии, который должен был стать опорой самодержавия

---

¹⁵⁸Жихарев С. П. Дневник чиновника // Записки современника. Т. 2. М. ; Л., 1955. С. 317.

¹⁵⁹Там же. С. 348.

при смене политического вектора. Он пользовался негласной поддержкой императрицы-матери Марии Федоровны.

Участники собраний читали свои литературные произведения и труды европейских авторов Ж. Лафонтена, Ф. Фенелона, Н. Буало. Предпочтение отдавалось патриотическим сочинениям. Стоит упомянуть перевод седьмой и восьмой песен «Илиады», рассказ о грозных битвах Троян и ахейцев, громогласно прочитанный Н. И. Гнедичем, а также поэму в трех песнях любимого ученика Шишкова князя С. А. Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген или Спасенная Россия». «Спасенная Россия», по словам Т. В. Полежаевой, заключала идеи созвучные взглядам вице-адмирала о том, что «победа в борьбе с иностранным засильем, ставившим под угрозу национальное бытие России, может быть достигнута только в условиях единения всех сословий – дворянства, народа и церкви»¹⁶⁰. По свидетельству С. П. Жихарева сочинение Шихматова вдохновляло главу «архаистов»: «Шишков читал творение своего любимца внятно, правильно и с необыкновенным одушевлением. Я от души любовался седовласым старцем, который так живо сочувствовал красоте стихов и передавал их с такою увлекательностью: судя по бледному лицу и серьезной его физиономии, нельзя было предполагать в нем такого сочувствия к поэзии»¹⁶¹.

К произведениям своих литературных противников «шишковисты» относились в целом прохладно. Жихарев сетовал на их «обидное равнодушие» к «московским» поэтам А. Ф. Мерзлякову, В. А. Жуковскому, В. Л. Пушкину. По его словам, лишь И. И. Дмитриев был у них «в почете», «и то разве потому, что он сенатор и кавалер», Н. М. Карамзиным же восхищался только Г. Р. Державин, остальные «про него или молчали или говорили, что пишет изряднехонько прозою»¹⁶².

---

¹⁶⁰Полежаева Т. В. Указ. соч. С. 99.

¹⁶¹Жихарев С. П. Указ. соч. С. 359.

¹⁶²Там же. С. 438.

О ревностном отношении литераторов шишковского круга к успехам оппонентов говорил известный мемуарист Ф. Ф. Вигель. По его словам, они предполагали, что в карамзинской «Истории Государства Российского» «должны были встречаться все одни *милые* Святополки и *нежные* Мстиславы», а в назначении близкого друга историографа И. И. Дмитриева министром юстиции в январе 1810 г. сторонники Шишкова увидели опасность для своего «всемогущества»¹⁶³.

Вице-адмирал не был безучастен к росту влияния карамзинистов при дворе, усиливая собственные позиции в среде отечественной элиты. Шишков пополнял своими сторонниками Российскую академию, а в октябре 1810 г. объявил о создании «Беседы любителей русского слова», регулярно действующего литературного сообщества со своим печатным органом.

Инициатором создания «Беседы», по словам вице-адмирала, был приехавший из Москвы князь Б. В. Голицын, «разумевший больше по-французски, нежели по-русски, но любивший однако ж и свой язык»¹⁶⁴. Он предложил превратить домашние собрания в общественные и приглашать на них всех любителей словесности. Первоначально предполагалось назвать литературное объединение «Афинеум», то есть храмом Афины. Однако, остроумный князь Д. П. Горчаков предвидел, что злые языки будут насмешливо коверкать это слово и говорить «ахиня». Тогда Шишков предложил назвать сообщество «Беседой любителей русского слова», что и было сделано.

Патриотические настроения, охватившие русское общество в преддверии грозы 1812 г., чрезвычайно способствовали созданию «Беседы»: «Мудрено объяснить состояние умов тогда в России и ее столицах, – вспоминал Ф. Ф. Вигель. – По вкоренившейся привычке не переставали почитать Запад наставником, образцом и кумиром своим; но на нем тихо и явственно собиралась страшная буря, грозящая нам истреблением или

¹⁶³Вигель Ф. Ф. Указ. соч. Ч. 3. С. 150.

¹⁶⁴Шишков А. С. Указ. соч. С. 115.

порабощением. <...> Пристрастие к Европе приметно начало слабеть и готово было превратиться в нечто враждебное. <...> Воспрянувшее в разных состояниях чувство патриотизма подействовало наконец на высшее общество: знатные барыни на французском языке начали восхвалять русский, изъявлять желание выучиться ему или притворно показывать, будто его знают. Им и придворным людям натолковали, что он искажен, заражен, начинен словами и оборотами, заимствованными у иностранных языков, и что «Беседа» составила единственно с целью возвратить и сохранить ему его чистоту и непорочность; и они все взялись быть главными ее поборницами»¹⁶⁵.

Поворот к русскому языку светских дам, доселе бывших главными ценительницами французских мод и языка, знаменовал собой обращение общества к русским началам, чего и добивался Шишков. Александр I, уронивший свой авторитет непопулярной «тильзитской» политикой, должен был идти навстречу патриотическим настроениям, первым выразителем которых становился вице-адмирал.

Делал он это неохотно. Император не торопился утверждать шишковскую «Беседу», открытие которой ожидалось еще в ноябре 1810 г. Не без его ведома над «беседчиками» подтрунивали при дворе. Оппоненты доводили до гротеска идею Шишкова заменить иностранные слова-паразиты русскими эквивалентами. Ему глумливо приписывали фразу: «Хорошилище грядет по топталищу на позорище в мокроступах» (то есть франт идет по тротуару в театр в галошах)¹⁶⁶.

17 февраля 1811 г. Александр I одобрил проект общества, хотя по-прежнему избегал «беседчиков». Несмотря на самые настойчивые приглашения, он так ни разу не появился на заседаниях «Беседы» ни до войны 1812 года, ни после ее завершения.

---

¹⁶⁵Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 151.

¹⁶⁶Альтшуллер М. Г. Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 56.

Официальное открытие литературной организации «шишковистов» состоялось 14 марта 1811 г. С того времени заседания проходили регулярно один раз в месяц и очень тщательно готовились. Местом их проведения был роскошный особняк Г. Р. Державина на Фонтанке. Большой и прекрасно освещенный зал с колоннами из желтого мрамора подчеркивал высокую общественно-политическую значимость организации Шишкова. Ее посетители были уверены, что «совершают великий патриотический подвиг»¹⁶⁷. По словам К. С. Сербиновича, они «приезжали по чувству патриотизма, если и не по убеждениям литературным»¹⁶⁸.

Вице-адмирал хотел придать «Беседе любителей русского слова» вид правительственного учреждения. Попасть на ее заседания можно было только по пригласительному билету. Всюду царили парадность и элитарность: дамы приходили в бальных нарядах, вельможи и генералы – в мундирах с лентами и звездами. Высокопоставленные сановники располагались в середине зала, все остальные занимали места вдоль стен. По примеру Государственного совета, состоявшего из четырех департаментов, «Беседа» разделялась на четыре разряда. Каждый из них имел своего председателя и попечителя, а также по несколько действительных членов и членов-сотрудников, составлявших своего рода канцелярию организации. По словам Ф. Ф. Вигеля, «Беседа» «имела более вид казенного места, чем ученого сословия, и даже в распределении мест держались более табели о рангах, чем о талантах»¹⁶⁹.

Бюрократическому характеру литературного общества соответствовал его состав. Попечителями «Беседы» были председатели департаментов Государственного совета П. В. Завадовский и Н. С. Мордвинов, министр просвещения А. К. Разумовский и министр юстиции И. И. Дмитриев. Председателями разрядов являлись: сенатор И. С. Захаров, тайный советник и управляющий Государственным заемным банком А. С. Хвостов, а также А. С.

---

¹⁶⁷Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 152.

¹⁶⁸Сербинович К. С. Воспоминания // Русская старина. 1896. Т. 87. № 9. С. 574.

¹⁶⁹Вигель Ф. Ф. Указ. соч. С. 152.

Шишков, Г. Р. Державин. Почетными членами «Беседы» являлись: первый военный министр Российской империи С. К. Вязмитинов, будущий московский градоначальник писатель-патриот Ф. В. Ростопчин, министр внутренних дел О. П. Козодавлев, действительный статский советник, сенатор, попечитель Московского университета П. И. Голенищев-Кутузов, обер-прокурор Св. Синода А. Н. Голицын, государственный секретарь М. М. Сперанский.

Членство в возглавляемом Шишковым литературном обществе открывало двери карьерного роста для людей, желающих принести пользу Отечеству. Впоследствии, некоторые действительные члены «Беседы» стали видными чиновниками Российской империи. Среди них можно упомянуть будущего сенатора И. М. Муравьева-Апостола, государственного секретаря (1814–1827) и действительного тайного советника А. Н. Оленина, директора Общей канцелярии Министерства полиции, ярославского губернатора, сенатора и тайного советника Г. Г. Политковского.

Кроме того, в рядах «Беседы» оказались литературные противники Шишкова: будущий «арзамасец» С. С. Уваров и Н. М. Карамзин. Пестрый состав общества свидетельствовал о намерении его организаторов сплотить накануне войны 1812 г. широкие общественные силы. Этой же цели отвечало привлечение к деятельности «Беседы» духовных особ: санкт-петербургского митрополита Амвросия (Подобедова) и архиепископа вологодского Евгения Болховитинова. По словам А. Ю. Минакова, общество пользовалось демонстративной поддержкой высшей иерархии православной церкви¹⁷⁰. Покровительствовала литературной организации вдовствующая императрица Мария Федоровна¹⁷¹.

Основные интеллектуальные силы «Беседы» составляли те же поэты, писатели и драматурги, которые участвовали с 1807 г. в литературных «вечерах». По меткому замечанию М. Г. Альтшуллера, «самый беглый взгляд

¹⁷⁰Минаков А. Ю. Указ. соч. С. 134.

¹⁷¹Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова... С. 168.

на список членов «Беседы» не позволяет рассматривать общество как собрание бездарностей и тупых реакционеров»¹⁷². Лицо организации определялось наличием в нем таких первоклассных писателей как И. А. Крылов, Г. Р. Державин, талантливой поэтессы А. П. Буниной. Вопреки распространенному мнению современников о «беседчике» Д. И. Хвостове, как о скудоумном несчастном графомане, его басни имели внутреннюю логику, опиравшуюся на намеренное использование литературных нелепостей¹⁷³.

Для первого заседания «Беседы» композитор Д. С. Бортнянский, по предложению Г. Р. Державина, написал поздравительную кантату «Сретение Орфеем солнца», которая была исполнена по намеченной программе певчими из Придворной капеллы¹⁷⁴. Затем с программной «Речью» выступил вице-адмирал. На примерах из античности он подчеркивал решающую роль литературы в сохранении исторической памяти народа: «Где древние Вавилоны, Трои, Афины, Спарты? Где мраморные столпотворения их? Где огромные великолепные здания? Лежат повержены в прах, и око путешественника смотря на оные, не видит ничего кроме мшистых камней и зеленого злака. Но между тем как рука времени все в них истребила, красноречивое перо тверже мраморов и меди, сохранило красоту их в воображении нашем. Каким образом по сие время гремят у нас имена и подвиги Агамемноновы, Ахиллов, Аяксов? Стихотворство сделало их бессмертными»¹⁷⁵. По мысли вице-адмирала, укоренение народа в истории невозможно без создания литературы на национальном языке. Русский язык, по его понятиям, обладал для этого всем необходимым: был «древнейшим, ученейшим, <...> праотцем многим другим», «он не уступает ни греческому, ни латинскому; не меньше их краток, не меньше силен, не меньше богат»¹⁷⁶.

---

¹⁷²Там же. С. 57.

¹⁷³Тетеркина С. В. Указ. соч. С. 48.

¹⁷⁴Минаков А. Ю. А. С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма // Научные ведомости. Бел.ГУ. 2009. №7 (62). С. 147.

¹⁷⁵Шишков А. С. Речь при открытии «Беседы любителей русского слова» // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1825. Т. IV. С.114.

¹⁷⁶Там же. С. 136.

Речь Шишкова имела успех. Присутствующие слушали ее с большим вниманием и при полной тишине. Затем И. А. Крылов порадовал собравшихся своими баснями. По окончании заседания сардинский посланник «пламенный реакционер», вдохновитель «русского католицизма» Жозеф де Местр, выразил Шишкову удивление тем, что в высшем обществе впервые на его памяти читали по-русски¹⁷⁷.

Вдохновленный положительным восприятием патриотических идей, вице-адмирал решился озвучить свою общественно-политическую программу на заседании «Беседы любителей русского слова» 15 декабря 1811 г. Прежде он заручился поддержкой других «беседчиков», ибо понимал, что его позиция имела немало противников в верхах¹⁷⁸.

Шишков эмоционально прочитал перед присутствующими «Рассуждение о любви к Отечеству». По авторитетному мнению мало симпатизировавшего ему литературоведа А. Д. Галахова, «Рассуждение» было «лучшим из всех его сочинений по языку и по горячему чувству»¹⁷⁹. В сочинении осуждалась галломания и космополитизм образованного общества. Оно, по словам Шишкова, имело «наклонность к безверию, к своевольству, к повсеместному гражданству, к новой и пагубной философии»¹⁸⁰. «Граждане света», согласно сочинению, не признавали ни Родины, ни отцов, ни матери, и были хуже животных, которым свойственно любить место своего рождения. Шишков популярно объяснял смысл существования государств: «Люди без сих обществ были бы столько же злополучны, как без семейств и родства. Не было бы у них ни веры, обуздывающей страсти, исправляющей нрав и сердце; ни воспитания, просвещающего разум; ни общежития, услаждающего жизнь; ни могущества, величия и безопасности, проистекающих от совокупления во едино всех частных воль и сил»¹⁸¹.

---

¹⁷⁷Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка... Т. I. С. 116.

¹⁷⁸Стоюнин В. Я. Указ. соч. С. 129.

¹⁷⁹Галахов А. Д. Указ. соч. С. 76.

¹⁸⁰Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству... С. 182.

¹⁸¹Там же. С. 148.

Таким образом, государство он уподоблял семье. В семье же главную роль играет кровнородственная, духовная и эмоциональная привязанность ее членов. Материальные же эгоистические интересы отдельных индивидов отступают на второй план. Шишков предлагал, выстраивать отношения в обществе на основе доверия, скрепленного традициями и общими корнями, не искать недостатков в своей стране, способных разрушить любовь к Отечеству, а также быть готовыми к жертвам во имя Родины, ибо Россия – это «страна, где мы родились; колыбель, в которой мы возлеяны; воздух, которым дышали; земля, где лежат кости отцов наших, и куда мы сами ляжем»¹⁸².

Жертвенность во имя свободы и независимости Отечества Шишков считал главной добродетелью человечества. Эту мысль он доказывал на примерах античных героев Спарты, Афин и Рима. В российской же истории он вдохновлялся подвигами К. Минина, Д. Пожарского, патриарха Гермогена, символизировавших сплочение в «единое тело и единую душу» основных сословий России: простого народа, дворянства и духовенства.

Апелляция к Смутному времени обуславливалась приближением двухсотлетнего юбилея воцарения Романовых и схожим внешнеполитическим раскладом. Как и в те далекие годы, Польша была враждебна России. Обещаниями расширить ее границы Наполеон приобрел себе союзников в лице поляков. Кроме того, напоминание российскому обществу о разорениях страны во время Смуты должно было служить предостережением об опасности внутренней нестабильности для государства.

Исходя из цели сплочения русского народа, Шишков озвучивал основные источники такого объединения. Первым из них было почитание православной веры. Религия противопоставлялась им отвлеченным конституционалистским идеям западного Просвещения, готовившим для России, согласно «Рассуждению» вице-адмирала, цепи рабства. По его словам, вера – «единственный человеческого благополучия источник, из которого народоправитель почерпывает мудрость, закон, силу, судья правду,

---

¹⁸²Там же. С. 149.

полководец мужество, земледелец трудолюбие, воин храбрость и бесстрашие»¹⁸³.

Она же, по мнению Шишкова, должна быть основанием отечественного воспитания, русского патриотизма, национальной самобытности и вторым источником народного единства – самодержавной формы правления. По его словам, молодых людей следовало воспитывать «в страхе Господнем, в наполнении сердец их любовью к вере, откуда проистекает любовь к Государю, к сему поставленному от Бога отцу и главе народной; любовь к отечеству, к сему телу великому, но не крепкому без соединения с главою своею; и, наконец, любовь к ближнему, под которою разумеются сперва сограждане, а потом и весь род человеческий»¹⁸⁴.

Как видно из этих слов, Шишков считал, что власть монарха произошла от Бога. Такое мнение противоречило распространенным в интеллектуальной среде договорным теориям взаимоотношений между обществом и властью. Связывая воедино православную веру, российское самодержавие и русский патриотизм, вице-адмирал, по справедливому замечанию Ф. Ш. Файнштейна, не воспринимал никакого реформирования внутреннего порядка по западным образцам¹⁸⁵.

Наконец, третьим источником национального единения Шишков называл русский язык. В языке вице-адмирал угадывал «душу народа», «зеркало нравов»: «Благонравен народ, благонравен и язык. Никогда безбожник не может говорить языком Давида: слава небес не открывается ползающему в земле червю. Никогда развратный не может говорить языком Соломона: свет мудрости не озаряет утопающего в страстях и пороках. Писания зловредных умов не проникнут никогда в храм славы: дар красноречия не спасает от презрения глаголы злочестивых. Где нет в сердце веры, там нет в языке благочестия. Где нет любви к отечеству, там язык не

---

¹⁸³Там же. С. 174.

¹⁸⁴Там же. С. 180.

¹⁸⁵*Файнштейн М. Ш.* «И славу Франции в России превзойти...» : Российская Академия (1783-1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М. ; СПб., 2002. С. 45.

изъявляет чувств отечественных. Где учение основано на мраке лжеумствований, там в языке не воссияет истина; там в наглых и невежественных писаниях господствует один только разврат и ложь»¹⁸⁶.

Таким образом, Шишков обрисовал контуры национальной идеологии, сконцентрировав ее на трех источниках: православной вере, самодержавии, русском языке. В сущности, эта триада предвосхитила концепцию «официальной народности», которая получила теоретическое оформление в царствование Николая I. «Рассуждение о любви к Отечеству» стало своего рода политическим манифестом консервативной части российской элиты, отождествляемой с именем Шишкова. Патриотическая риторика сделала его одним из наиболее «адекватных ситуации русских идеологов»¹⁸⁷. Литературная деятельности его «Беседы» способствовала сплочению русского общества в условиях приближавшейся войны с Наполеоном: «Покровительство и уважение, оказываемые в столице отечественной словесности правительством и высшими сословиями, имели благотворное действие на провинции и некоторым образом способствовали сближению разных состояний и согласию между ними, столь необходимых в эту памятную эпоху», – вспоминал Ф. Ф. Вигель¹⁸⁸.

22 марта 1812 года Александра I вызвал к себе Шишкова и, несмотря на опасения последнего, похвалил его «Рассуждение о любви к Отечеству» и поручил составить манифест о рекрутском наборе ввиду неотвратимости войны¹⁸⁹.

Вице-адмирал окончательно вышел из политического забвения. Во многом этому способствовала его многолетняя оппозиция либеральному режиму. Когда большая война с французами стала очевидной, правительство не нашло другого видного общественного деятеля, который столь же долго и

¹⁸⁶Шишков А. С. Указ. соч. С. 184.

¹⁸⁷Земскова Е. Е. Русский патриотизм в немецком переводе: А. С. Шишков в воспоминаниях Э. М. Арндта. // Труды РАШ. 2004. Т. 2. С. 91.

¹⁸⁸Вигель Ф. Ф. Указ. соч. Ч. 3. С. 152-153.

¹⁸⁹Там же. С. 121.

последовательно критиковал приверженность российского общества ценностям и культуре геополитического противника, как это делал Шишков. Отчасти его популярности способствовал сформированный им перед современниками политический образ убежденного патриота, «руссофила» до мозга и костей, не заискивавшего перед верховной властью, обязанного своей карьерой только себе, не взимающего оброк с крестьян и жившего на одно жалованье, прославлявшего отечественный язык и любившего русский народ. По словам Т. В. Полежаевой, Шишков претендовал на роль национального героя – того самого «старца», который возбуждал своими речами «народный дух»¹⁹⁰.

§ 3. Патриотическая пропаганда А. С. Шишкова во время войны с французами в 1812–1814 гг.

17 марта 1812 г. Петербург и все российское общество были изумлены внезапным известием о высылке государственного секретаря М. М. Сперанского в Нижний Новгород¹⁹¹. 9 апреля 1812 г. Александр I назначил на его место Шишкова. Этим своим шагом император, по словам А. Л. Зорина, выразил готовность опереться на те общественные группы и круг идей, которые на протяжении целого десятилетия представлял вице-адмирал¹⁹².

Патриотические круги России с восторгом восприняли утверждение Шишкова в должности государственного секретаря императора. «В Москве, и в других внутренних губерниях России <...> все были обрадованы назначением Шишкова», – вспоминал С. Т. Аксаков¹⁹³.

Вице-адмиралу было определено высокое по тем временам годовое жалование в двенадцать тысяч рублей. В обязанности ему вменялось

¹⁹⁰Полежаева Т. В. «Сей старец дорог нам...»: к вопросу о политическом поведении А. С. Шишкова // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 3 (29). С. 120.

¹⁹¹Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. С. 72.

¹⁹²Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2000. С. 242.

¹⁹³Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 220.

сопровождение императора во время всех передвижений ставки и составление для него манифестов, рескриптов и воззваний к войскам и российским сословиям. По сути, ему предстояло стать главным пропагандистом Отечественной войны 1812 г. и последующих событий, связанных с разгромом наполеоновской Франции.

Между тем, новое назначение Шишкова было триумфом его литературных идей и отражало потребность российской бюрократии в принципиально новых способах обращения к подданным. По словам Ю. М. Лотмана, «от правительственной бюрократии требовалось перевести официальные декреты на чуждый для нее («не свой») язык, отмеченный не изяществом и чистотой, ясностью и терминологической гибкостью, которые ценились в бумагах дельцами александровской формации, а народностью, силой и торжественностью, пусть даже купленными ценой темноты и грубости слога»¹⁹⁴. Впоследствии, торжественно-патриотический стиль манифестов Шишкова воспроизводился самодержавной властью вплоть до 1917 г.¹⁹⁵

Накануне своего назначения вице-адмирал жаловался Александру I на отсутствие навыков в верховой езде. В его распоряжение была предоставлена коляска с лошадьми и, вслед за императором, он 12 апреля 1812 года отправился в Вильно. Шишков переезжал с одного места на другое, работал с бумагами в условиях далеких от комфортных. Однажды ему пришлось писать донесение в грязной корчме с земляным полом, в которую то и дело ломались солдаты. Сверху на разложенные листы падали тараканы, которых он, «пиша, с торопливостью каждый раз должен был отщелкивать»¹⁹⁶.

В начале наполеоновского вторжения Шишков трудился над бумагами в обстановке распространившихся слухов о «пугачевщине» и готовящемся государственном перевороте. По словам Д. А. Жаринова, вице-адмирал

¹⁹⁴Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Указ. соч. С. 460.

¹⁹⁵Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография. Воронеж, 2011. С. 451.

¹⁹⁶Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка... Т. 1. С. 129.

разделял недоверие императора к элите дворянского общества и в то же время у него было мало надежды на народ¹⁹⁷. Соответственно, главный посыл его манифестов заключался в сплочении российских сословий перед лицом неприятеля. Этой цели как нельзя лучше служили идеологические схемы, разрабатываемые им и его единомышленниками с 1807 г.: концепция жертвенности ради спасения Отечества, исторические ассоциации с событиями Смутного времени¹⁹⁸.

Идеологическая конструкция народного единства, подкрепляемая параллелями со Смутным временем, в полной мере прозвучала в манифесте от 6 июля 1812 г. «О созыве земского ополчения»: «Да встретит он (неприятель – А. Г.) в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ Русской! Храброе потомство храбрых Славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: с крестом в сердце и оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют»¹⁹⁹. Значение этого манифеста и вышедшего в тот же день воззвания к «Первопрестольной столице нашей Москве», по словам Н. К. Шильдера, заключалось в том, что отныне «борьба с Наполеоном получила значение народной и священной войны»²⁰⁰.

Патриотическая риторика Шишкова благоприятствовала правительственным целям. Смоленские дворяне говорили ему, что они всех

---

¹⁹⁷Жаринов Д. А. Первые впечатления войны. Манифесты // Отечественная война 1812 года и русское общество. М., 1911. Т. III. С. 172.

¹⁹⁸Зорин А. Л. Указ. соч. С. 159–186.

¹⁹⁹Шишков А. С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти государе императоре Александре I в бывшую с французами в 1812 и последующих годах войну. СПб., 1831. С.31. (далее – Шишков А. С. Краткие записки...).

²⁰⁰Шильдер Н. К. Указ. соч. Т.3. С. 88.

своих крестьян вооружат, и сами пойдут с ними навстречу врагам²⁰¹. Московские дворяне и купцы приступили к организации ополчения и сбору средств. При этом купечество, по свидетельству московского главы Ф. В. Ростопчина, во время речи Шишкова в Слободском дворце 15 июля 1812 г. в высшей степени возгорело патриотизмом: «Во второй галерее, где собрались купцы, я был поражен тем впечатлением, которое произвело чтение манифеста. Сначала обнаружился гнев; но когда Шишков дошел до того места, где говорится, что враг идет с лестью на устах, но с цепями в руках, тогда негодование прорвалось наружу и достигло своего апогея. Присутствующие ударили себя по голове, рвали на себе волосы, ломали руки; видно было, как слезы ярости текли по этим лицам, напоминающим лица древних. Я видел человека, скрежетавшего зубами. За шумом не слышно было, что говорили, но то были угрозы, крики ярости, стоны. Это было единственное в своем роде зрелище, потому что русский человек выражал свои чувства свободно и, забывая, что он раб, приходил в негодование, когда ему угрожали цепями, которые готовил чужеземец, и предпочитал смерть позору быть побежденным»²⁰².

Задача преодоления недоверия части общества к Александру I решалась Шишковым по средством формирования образа «народного царя», ответственным за судьбу Отечества и готового до полной победы вести борьбу с неприятелем. Эти идеи пронизывали июньский рескрипт 1812 г., написанный вице-адмиралом по случаю вторжения Наполеона в Россию. В уста самодержца он вложил следующие слова: «Не остается мне иного, как поднять оружие и употребить все врученные мне Провидением способы к отражению силы силой. Я надеюсь на усердие моего народа и храбрость войск моих. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их со свойственной им твердостью и мужеством. Провидение благословит

---

²⁰¹Палицын Н. А. Манифесты, написанные Шишковым в Отечественную войну, и патриотическое их значение // Русская старина. 1912. № 6. С. 481.

²⁰²Ростопчин Ф. В. Записки о 1812 годе // Мысли вслух на Красном крыльце. М., 2014. С. 235.

праведное наше дело. Оборона отечества, сохранение независимости и чести народной принудило нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем».²⁰³ Торжественное обещание императора не заключать мир с французами имело решающее значение для всей военной компании. Оно сдерживало сторонников примирения с Наполеоном после оставления русскими войсками Москвы.

Впрочем, образ Александр I как сильного лидера, возложившего на себя всю ответственность за итоги войны, имел для Шишкова скорее пропагандистское значение. Реальная же фигура императора представлялась вице-адмиралу источником разного рода неурядиц, беспорядков и интриг, царивших в ставке. Чтобы избежать возможных негативных последствий присутствия Александра I при армии, Шишков, А. Б. Балашев и А. А. Аракчеев 30 июня 1812 г. просили его переехать внутрь страны, дабы не попасть в плен, не погибнуть, и, тем самым, не вызвать смуту в стране²⁰⁴.

6 июля 1812 г. император выехал в Москву, а оттуда в Петербург. Вице-адмирал считал его отъезд поворотным моментом в ходе войны. Если бы Александр I находился при армии, вспоминал Шишков, то последствия могли быть катастрофическими: поражении русских войск при Дриссе, неназначение М. И. Кутузова главнокомандующим, захват Наполеоном Петербурга, потеря всего русского войска и поражении России²⁰⁵.

Неудачи военной компании усиливали патриотический пафос Шишкова. На занятие французами Москвы он откликнулся ободряющими русский народ строчками: «Не в ту страну зашел он (Наполеон – А. Г.), где один смелый шаг поражает всех ужасом и преклоняет к стопам его войски и народ. Россия не привыкла покорствоваться, не потерпит порабощения...»²⁰⁶. Уверенность вице-адмирала в победе и умение поднять боевой дух народа по достоинству

²⁰³Шишков А. С. Краткие записки... С.10.

²⁰⁴РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 32–36 об.

²⁰⁵Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка... Т. 1. С. 148–150.

²⁰⁶Шишков А. С. Краткие записки... С. 42.

оценил его биограф: «Надо отдать справедливость Шишкову, что вера в силы русского народа у него была непоколебима. Она проявлялась у него в те моменты, когда нужен был человек с такою верою, чтоб поддерживать унывающих и падающих духом»²⁰⁷.

Идейно-политический пафос манифестов вице-адмирала определялся консервативным неприятием революционной идеологии и ее носителей «безбожных» французов. Риторика «Священной войны» требовала от Шишкова строгих оценок французской армии, французского народа и его политического руководства, а также противопоставления им русских традиционных ценностей и порядков. Разницу в изображении вице-адмиралом противоборствующих сторон, их идеологическую чуждость друг другу красочно описал А. Ю. Минаков: «Буквально с первых же дней, не в последнюю очередь благодаря формулировкам в официальных документах А. С. Шишкова, война начинает восприниматься как столкновение двух миров с диаметрально противоположными приоритетами. <...> В манифестах Шишкова французы и Наполеон изображались как порождение дьявольского начала, как средоточие мирового зла, а революция как вселенская катастрофа. Противостояли этим явлениям те ценности, которые были дороги Шишкову и его единомышленникам: самодержавная монархия, православие, русский патриотизм»²⁰⁸.

Ярким образчиком антифранцузской риторики стало писанное государственным секретарем «Известие из Москвы от 17 октября». Это пропагандистское сочинение повествовало об ужасах иностранной оккупации. Шишков обвинял французов в сожжении Москвы, в зверствах, грабежах и поругании святынь: «Во многих местах лежали обруганные, изувеченные и мертвые женщины. Инде могилы разрыты и гробы растворены для похищения корыстей с усопших тел. Но и сих всех мерзостей и неистовств еще не

---

²⁰⁷Стоюнин В. Я. Указ. соч. С. 158–159.

²⁰⁸Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века : монография. Воронеж, 2011. С. 180.

довольно: двери у храмов Божьих отбиты, иконы обнажены от окладов, ризы разорваны, иконостасы поломаны и разбросаны по полу»²⁰⁹.

Историк русской церкви П. В. Знаменский подтверждал такого рода оценки вандализма французов в культовых сооружениях: «Храмы Божии и монастыри сделались добычей пожара или подверглись опустошению и поруганию безрелигиозных сынов французской революции. Многие из них были обращены в казармы, конюшни и бойни для скота; их золотые и серебряные вещи сливались в слитки; оклады икон и драгоценные камни с облачений сдирались и расхищались; святые мощи выкидывались из их раков и валялись в кучах разного хлама»²¹⁰.

Ненависть французов к православию и к религии вообще, по мысли Шишкова, превратила их в дикарей: «Мы в просвещенные нынешние времена, от народа, славившегося некогда приятностью общежития, и который всегда пользовался в земле нашей гостеприимством и дружбою, видим примеры лютой и злобы, каких в бытописаниях самых грубейших Африканских и Американских обитателей тщетно будем искать»²¹¹. Таковым было видение вице-адмирала итогов «цивилизаторской» миссии французов в России.

Вину за злодеяния на русской земле он возлагал на весь французский народ: «Мог ли бы он (Наполеон – А. Г.) дух ярости и злочестия своего вдохнуть в миллионы сердец, если бы сердца сии сами собою не были развращены и не дышали злонравием? Хотя, конечно, во всяком и благочестивом народе могут быть изверги; однако же, когда сих извергов, грабителей, зажигателей, убийц невинности, оскорбителей человечества, поругателей и оскорбителей самой Святыни, появится в целом воинстве почти всяк и каждый, то невозможно, чтоб в народе такой державы были благие нравы»²¹².

---

²⁰⁹Шишков А. С. Краткие записки... С. 50.

²¹⁰Знаменский П. В. Чтения из истории русской церкви за время царствования императора Александра I. Казань, 1885. С. 21.

²¹¹Шишков А. С. Указ. соч. С. 48.

²¹²Там же. С. 52.

Мысль Шишкова о коллективной ответственности французов нашла отражение в одной из его бумаг, написанных по случаю занятия союзными армиями неприятельской территории. Эта рукопись не была предана огласке, поскольку содержала неприкрытую ненависть к французам, к их просвещению и революции 1789 г.: «Истребление вас всех с лица земли не удовлетворит достаточно правосудию. Тщетно во всех сих лютостях станете вы обвинять одного Наполеона. Нет! Вы прежде его показали, до какой степени разврата и свирепства безверие довело нравы ваши; оно, издавна посеянное, росло, распространялось и созревало; оно, одержав над вами силу, из глубины ада изрыгало к вам воспитанников и любимцев своих Маратов, Робеспьеров и, наконец, послало Наполеона. Вы для того избрали их владыками над собой, что видели в них ум самый зловреднейший, сердце самое жестокое»²¹³.

В целом, французы изображалась Шишковым как нация «злочестивых писателей», жестоких революционеров, цареубийц, богоборцев. Острота момента, когда пепел сгоревшей Москвы заслонил собой свет прежних русско-французских связей, позволила вице-адмиралу откровенно высказаться и о французах, и о, подражавших, им русских дворянах. В «Известиях из Москвы» он писал следующее: «Взглянем на адские, изрыгнутые в книгах их лжемудрствования, на распутство жизни, на ужасы революции, на кровь, пролитую ими в своей и чужих землях... Где человечество? Где признаки добрых нравов? Вот с каким народом имеем мы дело? И посему должны рассуждать, может ли прекращена быть вражда между безбожием и благочестием, между пороком и добродетелью? Долго мы заблуждались, почитая народ сей достойным нашей приязни, содружества и даже подражания. Мы любовались и прижимали к груди нашей змею, которая, терзая собственную утробу свою, проливала к нам яд свой, и, наконец, нас же за нашу к ней привязанность и любовь всезлобным жалом своим уязвляет. Не

---

²¹³Там же. С. 234.

постыдимся признаться в нашей слабости. <...> Опаснее для нас дружба и соблазны развратного народа, чем вражда их и оружие»²¹⁴.

Горькие упреки Шишкова, обращенные к дворянству, Александр I во время разговора с ним принял на свой счет. Вице-адмирал, не отрицая этого, напомнил ему о западничестве Петра I, «поколебавшего коренные обычаи и нравы»²¹⁵. В сущности, Шишков пропагандировал необходимость обращения к допетровским обычаям, призывая общество «возвратиться к чистоте и непорочности наших нравов, и быть именем и душою храбрыми и православными»²¹⁶. При этом он идеализировал русский народ. Воспевал его миролюбие, благочестивость, храбрость и добронравие, не говоря ни слова о предателях, трусах и грабителях. В манифесте от 3 ноября 1812 г. среди всех сословий России простой народ удостоился наибольшей похвалы: «Верный народ, мещанство и крестьяне показали такие опыты верности и любви к отечеству, какие одному только Русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно в ополчения, в самом скором времени собранные, явили в себе мужество и крепость приученных к браням воинов. Твердая грудь их и смелая рука с такою же неустрашимостью расторгала полки неприятеля, с какою, за несколько перед тем недель, раздвигала плугом поля»²¹⁷.

Успешная деятельность Шишкова на ниве патриотической пропаганды была оценена верховной властью. 25 декабря 1812 г. он получил одну из высших наград России – орден Александра Невского, с лестным для него изречением: «за примерную любовь к Отечеству»²¹⁸. С этим орденом он изображен на известном портрете работы Джорджа Доу.

Освобождение России от неприятельских войск стало триумфом выстраиваемой Шишковым идеологии народного единства: «Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народ, словом все

---

²¹⁴Там же. С.53.

²¹⁵Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка... Т. 1. С. 160.

²¹⁶Шишков А. С. Краткие записки... С.53.

²¹⁷Там же. С. 60.

²¹⁸РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

государственные чины и состояния, не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью к отечеству, колико любовью к Богу», – отмечалось в манифесте от 25 декабря 1812 г.²¹⁹

Благоприятный ход войны омрачался для вице-адмирала осознанием того, что российское общество не собиралось отказываться от приверженности к французской культуре. В этом он убеждался, дискутируя с М. И. Кутузовым о целесообразности сохранения французского театра в Петербурге. Желание полководца не мешать функционированию очагов западного просвещения в России приводили Шишкова в гнев, заставляли припоминать «пепел сожженной Москвы» и испытывать душевные муки²²⁰.

Зато по вопросу о продолжении боевых действий в Европе, после изгнания французов из России, вице-адмирал встречал некоторую поддержку со стороны Кутузова. Шишков был противником преследования Наполеона и его армии за Неманом, а будущее Франции желал возложить на плечи европейцев. Он не хотел, чтобы русская армия несла дополнительные людские потери, а плодами победы воспользовалась Англия. Трезвый политический расчет на недопущение гегемонии Туманного Альбиона в послевоенной Европе у вице-адмирала преобладал над желанием погасить революционный французский «очаг». По меткому замечанию А. Ю. Минакова, Шишков намеревался предоставить судьбу «зачумленной» Франции самой себе²²¹. После «битвы народов» под Лейпцигом в октябре 1813 г. он написал манифест, в котором поспешил объявить Европу освобожденной, а 6 ноября 1813 г. – убеждал императора не переходить Рейн²²².

В 1813–1814 гг. пропагандистская деятельность Шишкова переориентировалась на внешнеполитические цели, прежде всего, на

²¹⁹Шишков А. С. Указ. соч. С.70.

²²⁰Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка... Т. 1. С. 177–178.

²²¹Минаков А. Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX века в России // Вестник российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 13.

²²²Шишков А. С. Краткие записки... С.191–201.

восстановление свергнутых Наполеоном монархий и прежних порядков. Глубоко неприязненных ему французов вице-адмирал намеревался вернуть в европейскую семью народов. Условием этого возвращения было их отречения от революционного прошлого и восстановление «законной» власти. В основание международной политики закладывалась консервативная доктрина неприятия революций, верность древним королевским родам и династиям. Идеологическим основанием послевоенного мироустройства и внутренней стабильности России становилась христианская вера как барьер на пути распространения рационалистических и атеистических идей Просвещения, которые, в конечном итоге, привели к насильственной ломке феодальных порядков. Пролитая на алтарь победы кровь русского народа должна была стать грозным предостережением от дальнейшего усвоения западных ценностей.

Православная вера в манифестах Шишкова выступала основанием благих нравов русского народа, источником его патриотизма и побед над врагами: «Где Бог и вера в сердцах народных, там, хотя бы вражеские силы подобны были волнам Океяна, но все оне о крепость их, как о твердую непоколебимую гору, рассыплются и сокрушатся: из всей ярости и свирепства их останется один только стон и шум погибели», – говорилось в «Приказе войскам нашим» от 5 февраля 1813 г.²²³.

Такую черту русского характера, как проявление великодушия к побежденным врагам, вице-адмирал также увязывал с православной верой: «Сему научает нас святопочитаемая в душах наших православная вера; она божественными устами вещает нам: Любите враги ваша, и ненавидящим вас творите добро», – указывалось в декабрьском «Приказе российским войскам» 1813 г.²²⁴ В этом манифесте Шишков хотел написать о том, что православная вера «никогда» «не изгладится» в душах русских людей, но после спора с

---

²²³ Там же. С. 79.

²²⁴ Собрание Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 152 (далее – Собрание Высочайших Манифестов...).

Александром I он остановился на словосочетании «святопочитаемая» вера. В сущности, император уже тогда рассматривал конфессиональные различия как препятствие на пути единения христианских церквей в рамках складывавшегося Священного союза европейских монархов. Для Шишкова же незыблемость православной веры выступала источником особого пути России.

В феврале 1814 г., пребывая в Германии, он имел возможность познакомиться с европейскими мистиками, которые оказывали воздействие на формирование экуменических взглядов Александра I: «Познакомился я с баронессой Крюденер, известной своими особыми о вере умствованиями и делами, – вспоминал Шишков. – Также подобный ей некто господин Штиллинг, человек уже в преклонных летах, посетил меня, и, хотя мне сказали, что государь в проезд свой неоднократно принимал его и охотно с ним беседовал, однако ж, вид его и некоторая открывающаяся иногда странность в мыслях не понравились мне, так что сухим моим приемом отнял я у него всякую охоту впредь посещать меня»²²⁵.

20 декабря 1815 г. из-под пера вице-адмирала вышел указ Правительствующему Сенату о высылке из Петербурга монахов-иезуитов. Причиной изгнания стало нарушение данного правительству обещания не «совращать» в католическую веру православных²²⁶. В указе, между прочим, говорилось, что православие – «твердый и непоколебимый камень», на котором «почивает тишина и благоденствие тьмочисленного под Скипетром Нашим народа»²²⁷. Деятельность иноверцев рассматривалась в манифесте как способ поколебать стабильность страны, нарушить духовные связи между русскими, вызвать между ними раздоры и вражду.

Красной нитью через все официальные бумаги Шишкова проходила мысль о незыблемости самодержавной власти в России. Верность к престолу являлась для него одной из русских добродетелей. Враги не смогли ее

²²⁵ Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка... Т. 1. С. 281.

²²⁶ Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб. Т. 5. 1871. С. 127.

²²⁷ Собрание Высочайших Манифестов... С. 179.

поколебать «даже хитрыми и ложными обольщениями»²²⁸. Русский народ, согласно манифестам, самим Богом был «ввернен на попечение» императору. Последний должен был подавать пример уважения к православным традициям, молиться о благословении России, «преклонять верноподданных к чувствам скромности и смирения духа»²²⁹. По сути, самодержец представал в манифестах Шишкова своего рода духовным лидером русского народа, покровителем господствующей религии.

Сакрализация вице-адмиралом самодержавной власти не всегда находила понимание у светски воспитанного Александра I. Хотя вице-адмиралу в июне 1814 г. удалось убедить его принять от российских сословий титул «Благословенный», император «по скромности мыслей... и чувств» отказался от установления себе памятника²³⁰.

Замирение Европы вновь актуализировало сословные противоречия в России. Манифест Шишкова от 30 августа 1814 г. объявлял о сохранении крепостного права. Готовя эту бумагу и оценивая вклад сословий в победу, вице-адмирал хотел поставить дворянство выше воинства. Однако, Александр I с ним не согласился, после чего иерархическая пирамида приняла следующий вид: духовенство, воинство, дворянство, купечество, мещанство и крестьянство. Будто забывая свои прежние инвективы против западничества правящего сословия, Шишков достаивал его весьма лестных слов: «Верная и крепкая ограда престола, ум и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничем ненарушимую преданность и любовь к Царю и Отечеству»²³¹. Дворянству вменялось «увеличить заботу и попечение» за крепостными, по-отечески их «любить» как своих «домочадцев»²³².

---

²²⁸Шишков А. С. Краткие записки... С. 58.

²²⁹Собрание Высочайших Манифестов... С. 157–158.

²³⁰Шишков А. С. Краткие записки... С. 296.

²³¹Собрание Высочайших Манифестов... С. 168.

²³²Там же. С. 169.

Восхваление вице-адмиралом крепостнических отношений не нравилось Александру I. Он настоял на исключении из манифеста слов об «обоюдной пользе» для крестьян и помещиков крепостного права. Вместо этого крепостнические отношения представляли в манифесте как «старая традиция»²³³. Идеи помещичьего патернализма вице-адмирала имеют негативные историографические оценки. По ироническому замечанию крупного исследователя крестьянского вопроса в России В. И. Семевского, «Шишкову хотелось даже с высоты самого трона заявить, что крепостное право полезно для самих крестьян»²³⁴.

Патриотическая пропаганда государственного секретаря положительно воспринималась современниками. С. Т. Аксаков вспоминал, что «...писанные им манифесты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей»²³⁵. А. С. Пушкин во «Втором послании к цензору» (конец 1824 г.) изобразил Шишкова своего рода символом Отечественной войны:

Сей старец дорог нам: он блещет среди народа
Священной памятью Двенадцатого года²³⁶.

Исследователь манифестов Шишкова Н. А. Палицын отмечал, что его слова «проникали в глубочайшие тайники народного духа и, вызывая в народе сильный патриотизм, всю Русь, как единого человека, поднимал на защиту отечества»²³⁷. Самодержавие оценило работу вице-адмирала на nive

²³³Шильдер Н. К. Указ. соч. Т.3. С. 256.

²³⁴Семевский В. И. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая // Русская мысль, 1884. № 6. С. 184.

²³⁵Аксаков С. Т. Указ. соч. С. 220.

²³⁶Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т., Т. 13. М. ; Л., 1937. С. 136.

²³⁷Палицын Н. А. Указ. соч. С. 479.

государственной пропаганды вручением ему ордена Св. Владимира первой степени²³⁸.

Идеи, изложенные Шишковым в правительственных бумагах, составили веху в истории русского консерватизма. Своим неприятием революционного насилия, защитой прежних порядков, признанием пользы общественного неравенства он, по сути, заложил основы консервативной идеологии в России.

---

²³⁸РГИА. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

Глава 3. Деятельность А. С. Шишкова в Государственном совете и Комитете министров

§ 1. Споры вокруг проекта Гражданского уложения и позиция А. С. Шишкова

30 августа 1814 г. за ревностную службу в войну с Наполеоном Шишков был назначен членом Государственного совета¹. В то время это был высший законосовещательный орган Российской империи. Кроме того, вице-адмирал стал первой частной особой, допущенной на заседания Комитета министров, учрежденного в 1802 г. для рассмотрения дел «особой важности»². Прежде такое право имели только министры, в их отсутствии – товарищи министров, а в особо важных случаях – главы департаментов. Высокий чиновный статус Шишкова подчеркивала «великолепная казенная квартира против дворца» в Петербурге, в которую он переехал из своего «скромного домика на Форштатской улице»³.

История учрежденного 1 января 1810 г. Государственного совета восходила к реформаторским замыслам императора Александра I. Новый орган власти был продолжателем «Непременного» совета, созданного в 1801 г. в целях упорядочивания системы управления, указов и регламентов, по которым действовали отдельные учреждения, а также для разграничения ведомственных полномочий и организации государственной жизни на «твердых основаниях закона»⁴.

Государственный совет сразу занял ключевое место в системе управления, потеснив Сенат. Последний, по словам И. Д. Белева, сделался его

---

¹Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной Его Величества канцелярии. СПб., 1891. Вып. IV. С. 78.

²*Середонин С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902). СПб. 1902. Т. 1. С. 5.

³*Аксаков С. Т.* Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Собрание сочинений. М., 1909. Т. 2. С. 220.

⁴Государственный совет 1801–1901. СПб., 1901. С. 4.

исполнительным органом по законодательной части, а также высшей судебной инстанцией⁵. Государственный совет получил право предварительного обсуждения важнейших для страны мер: объявление войны и заключение мира, рассмотрение законов, ежегодных смет государственных доходов и расходов, отчетов министерств⁶. Решающее слово оставалось за императором. Утверждение тех или иных мер с его стороны сопровождалось подписью: «вняв мнению совета».

Переложение императором части своей ответственности на новый государственный орган было немыслимо для почитателей неограниченной самодержавной власти. Либерал А. Н. Пыпин усматривал в новом учреждении сходства с представительными органами власти конституционных государств⁷.

Организационная структура Совета выстраивалась по характерному для александровского царствования принципу централизации управления. Дела поступали в него через канцелярию на имя, возглавлявшего ее, государственного секретаря. Тот направлял их в соответствующие отделения канцелярии, откуда они переходили на обсуждение в департаменты, после чего выносились на общее собрание Государственного совета. Решение принималось большинством голосов, но император мог утвердить мнение меньшинства. Кроме того, в структуру нового учреждения входили постоянные и временные комиссии, различные особые совещания, комитеты и присутствия.

Шишков был членом Департамента законов, присутствовал в общем собрании Совета. Все рассматриваемые там дела, так или иначе, были связаны с его именем. Для данного же исследования наибольшую ценность представляет позиция вице-адмирала по ключевым российским проблемам: по вопросам о сохранении сословного строя и крепостного права. Именно они

---

⁵Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М. 1888. С. 520.

⁶Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. Ч. 2. СПб. 1861. С. 116.

⁷Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I // Исследования и статьи по эпохе Александра I. Петроград, 1918. Т. 3. С. 150.

определяли политический консерватизм Шишкова, его оппозиционность либеральным замыслам реформаторов. В первую очередь речь пойдет о попытке создания единого свода законов, которая привела к обсуждению всей сложившейся в России социально-политической конструкции.

Начиная с Петра I, российские императоры создавали различные комиссии для упорядочения архаичного законодательства страны. Их дело продолжил Александр I, утвердив 28 февраля 1804 г. доклад министра юстиции П. В. Лопухина о преобразовании Комиссии составления законов. Это была уже десятая по счету комиссия, которая должна была привести доселе разрозненные и противоречивые правовые акты в стройную единообразную систему. Ей предписывалось действовать в соответствии с «Наказом» Уложенной Комиссии Екатерины II, который представлял собой переработку и компиляцию нескольких произведений просветительской литературы (прежде всего, это – «О духе законов» Ш. Монтескье и «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа). Кроме того, от учреждения требовалось руководствоваться российскими традициями, «духом Правления, характером народным, политическим и естественным положением Государства»⁸.

Поскольку в основу кодификационной деятельности новой Комиссии закладывались принципы, изложенные в екатерининском «Наказе», то непременно должен был встать вопрос об их трактовке. По авторитетному мнению ученого-правоведа В. А. Томсинова, этот документ завершал начатое Петром I юридическое и идеологическое оформление «бюрократической монархии» в России, при которой самодержавие было неограниченным, сословия – политически несамостоятельными, а принцип законности не

---

⁸Высочайше утвержденный доклад министра юстиции о преобразовании Комиссии составления законов 28 февраля 1804 года // Труды Комиссии составления законов. СПб. 1822. Т. 1. С. 22.

сочетался с признанием субъективных прав граждан, выступая инструментом обеспечения исключительно государственных или общественных интересов⁹.

Между тем, просветительская фразеология о равенстве всех перед законом, о дозволении делать все, что не запрещено законом, о воспрещении богатым угнетать бедных, о справедливом судопроизводстве и соразмерности наказания совершенному преступлению характеризовала «Наказ» как образчик идей Нового времени с его признанием естественных прав человека и недопустимости всякого произвола. Как показывала Л. П. Костыря, русские консерваторы зачастую трактовали эти идеи «не для обоснования суверенитета народа (в духе Ж. Ж. Руссо), а для обеспечения политических прав дворянства»¹⁰. Классовая сущность такого подхода проявлялась в стремлении правящего сословия упрочить свои привилегии.

Выходец из народных низов, сын священнослужителя М. М. Сперанский, став в 1809 г. во главе Комиссии составления законов, повел кодификационную деятельность в неприемлемом для консервативного дворянства ключе. По словам его биографа М. А. Корфа, «напитанный наполеоновскими идеями, он не давал никакой цены отечественному законодательству, называл его варварским и находил совершенно бесполезным и лишним обращаться к его пособию»¹¹.

Перед разбором прений о проекте русского уложения и позиции Шишкова, обратимся к взглядам его автора и реакции общественности на его деятельность. У Сперанского был план преобразования России, который основывался на принципах разделении властей и народного суверенитета¹².

---

⁹Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: очерк жизни и творчества. М., 2007. Т. 1. С. 71–73.

¹⁰Костыря Л. П. Консерватизм в России на рубеже XVIII–XIX веков : диссертация ... кандидата исторических наук. Челябинск, 2000. С. 49.

¹¹Корф М. А. Указ. соч. С. 154–155.

¹²Сперанский М. М. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.): С прил. : «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к императору Александру». М., 1905. С. 4.

Реформатор заявлял себя противником неограниченной власти, деспотии, бесправия и любых проявлений рабства. Он выступал за создание законодательной, избираемой народом каждые три года, Думы. Перед ней Сперанский хотел установить ответственность министров, а право утверждать принятые законы оставить императору. Кроме того, по замыслу реформатора, самодержец должен был разделить свою власть с выборными судьями, главенство над которым вверялось Сенату. Предполагалось, что координировать работу Думы, министерств и Сената станет Государственный совет. В итоге, из всего задуманного воплотилась в жизнь лишь идея Государственного совета с законосовещательными функциями.

Сперанский замыслил предоставить личные и имущественные права помещичьим крестьянам, которых их владельцы рассматривали как свою собственность. Крепостные в то время составляли большинство сельского населения России¹³. Реформатор хотел лишить помещиков права наказывать их без суда, отдавать в рекруты без очереди, законодательно определить их повинности, учредить крестьянские суды, а также сделать собственниками движимого и недвижимого имущества. Он отказывал разбогатевшим помещичьим крестьянам в праве приобретать подобных себе людей, но в целом стоял за сохранение крепостнической системы. «Оседлость» народа, согласно планам Сперанского, наилучшим образом обеспечивала потребности армии и развития земледелия, которое в условиях обширности и малонаселенности России не могло осуществляться на условиях свободного найма работников. Кроме того, он считал безнравственным путь безземельного освобождения крестьян, ибо положение «бобылей», «каковы суть все рабочие люди в Англии, во Франции и в Соединенных штатах», хуже, чем «участь крестьянина, отправляющего повинности по закону и имеющего в возмездие свой участок земли»¹⁴.

---

¹³Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1959. С. 34.

¹⁴Сперанский М. М. Указ. соч. С. 59.

За дворянством Сперанский планировал сохранить основные права и привилегии: занимать руководящие должности, приобретать населенные имения, заниматься промыслами и переходить в купечество, не теряя сословного статуса, быть свободным от «очередной» службы, но обязываться вступать на государственную службу по гражданской или по военной части. Лица «свободных состояний» (купцы, мещане, однодворцы и свободные поселяне, имевшие недвижимую собственность) могли приобретать личное дворянство службою. Всех их реформатор планировал наделить политическим правом участия в выборах в Думу, при условии наличия недвижимой собственности и капиталов. Помещичьим крестьянам, домашним слугам, ремесленникам, поденщикам он в этом праве отказывал, но им разрешался переход в другие сословия по «приобретении недвижимой собственности в известном количестве» и исполнении прежних сословных повинностей.

Если так можно выразиться, радикализм, в чем-то умеренного плана, Сперанского заключался в попытке сформировать в России «третье сословие», новый класс свободных собственников и включить его в политическую жизнь страны. Во Франции «третье сословие» вызревало веками и добилось власти путем кровавой революции, поборов сопротивление аристократии. В России с ее слабостью капиталистических отношений, как это не раз бывало, затевалась своего рода «революция сверху», при которой ломка прежних порядков и насаждение новых осуществляется верховной властью при опоре на бюрократию. Существует также мнение, что идеи парламентаризма, разделявшиеся Сперанским, были связаны со стремлением «буржуазии – банкиров и промышленников – к мировому господству»¹⁵.

С именем реформатора связаны непопулярные в обществе указы от 3 апреля и 6 августа 1809 г.. Первый из них обязывал камергеров и камерюнкеров вступать в действительную службу, второй – предписывал лицам, искавшим чины коллежского асессора и статского советника, обучаться в

---

¹⁵Карпец В. И. Муж отечестволюбивый. М., 1987. С. 66.

университетах или сдавать экзамены¹⁶. А. Н. Пыпин усматривал в этих мерах давнюю неприязнь Александра I к «ленивой аристократии», попытку ограничить рост численности дворянского сословия¹⁷. По словам М. И. Богдановича, император неблагосклонно относился к придворным чинам, служившим на балах и церемониалах, называл их полотерами¹⁸. По мнению М. А. Корфа, самодержец хотел вернуться к смыслу петровской Табели о рангах 1722 г., в соответствии с которой чины определялись занимаемыми должностями, а не выслугой лет и особенными заслугами¹⁹. После упомянутых указов российская аристократия стала смотреть на Сперанского как на «человека опасного, стремящегося к уравниванию всех состояний, к демократии и, отсюда, к ниспровержению всех основ империи»²⁰.

Своим указом об образовании Государственного совета 1 января 1810 г. Александр I вменял ему рассмотрение и корректировку проекта Гражданского уложения²¹. Впоследствии предполагалось издать уложения Уголовное, Торговое и другие. С 1810 г. по 1813 гг. в Государственном совете обсуждались первая, вторая и третья части Гражданского уложения. Советники неоднократно требовали разъяснений смысла гражданских и политических прав. 18 января 1810 г. Департамент законов предложил уточнить, что мера гражданских прав определялась принадлежностью людей к «состояниям», то есть к сословиям²². Советники также выступили против второй статьи Уложения, где указывалось: *«Права гражданские в действии своем суть независимы от прав политических, принадлежащих особенным*

¹⁶ПСЗ – I. Т. 30. № 23559, 23771.

¹⁷Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 73.

¹⁸Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб. Т. 3. 1869. С. 17.

¹⁹Корф М. А. Указ. соч. С. 174.

²⁰Там же.

²¹ПСЗ – I. Т. 31. № 24064.

²²Архив Государственного совета. Т. 4. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента законов. СПб., 1874. Ч. 1. Стб. 4. (далее – Архив Государственного совета. Т. 4.).

*состояниям»*²³. Они изменили ее таким образом: *«Права гражданские сами по себе никому не сообщают прав политических, присвоенных особенным состояниям»*²⁴.

Свое мнение о реформе законодательства изложил Н. М. Карамзин в «Записке о древней и новой России». Сочинение было прочитано в тверском салоне сестры императора Екатерины Павловны в феврале 1811 г. Из него следовало, что проект Уложения носил умозрительный характер, не отражал особенностей России, являлся «переводом Наполеонова Кодекса» и направлял Россию не по тому пути, который ей предназначал Петр I: «Петр Великий любил иностранное, однако же, не велел без всяких дальних околичностей взять, например, шведские законы и назвать их русскими, ибо ведал, что законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств»²⁵.

Карамзин отмечал, что в России не существовало общих для всех гражданских прав. Крепостные и казенные крестьяне не пользовались правами собственности, наследования и завещания. С дворянами, купцами и мещанами их объединяло только «название русских». Историограф доказывал, что из Кодекса Наполеона проект уложения позаимствовал не только пафос всеобщего равноправия, но и неудачно переведенные на русский язык фразы. Так, например, во французском источнике о человеке, лишенном гражданских прав, Карамзин читал следующее: *«Он может выступать в суде, как ответчиком, так и истцом, лишь под именем и через посредство специального попечителя, которые ему назначается трибуналом, в котором предъявлен иск»*. Проект Сперанского «обрезал» эту цитату до слов: *«Он не может быть в суде ни истцом, ни ответчиком»*. «Следовательно, прибьет

---

²³Проект гражданского уложения Российской империи, составленный в Комиссии законов. - Санкт-Петербург : Сенат. тип., Ч. 1. 1809. С. 1.

²⁴Труды комиссии составления законов. СПб. 1822. Т. 1. С. 1.

²⁵Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях., М. 1991. С. 90–91.

вас, ограбит – и за то не отвечает?» – иронизировал Карамзин²⁶. Спустя несколько лет на ту же фразу откликнулся Шишков в Государственном совете. По его словам, независимо от наличия гражданских прав, человек будет истцом в суде – если его обворуют хотя бы на пять копеек, и ответчиком – если на него возведут обвинение²⁷.

Вместо французского источника русского уложения Карамзин обращал взор к указам и постановлениям, изданным в период от Алексея Михайловича Романова до Александра I, а также на византийский Кодекс Юстиниана I. Он выступал за систематизацию уже существовавших правовых актов. Как отмечал Ф. Л. Севастьянов, «предлагавшаяся Карамзиным схема кодификации весьма походила на его работу над «Историей Государства Российского»: сначала собирать старые законы, затем сводить их, а уже после – исправлять»²⁸.

В своей критике либеральных поползновений Сперанского историограф исходил из принципиально иного взгляда на будущее России. Вместо ограничения самодержавной власти он предлагал всемерно ее укреплять. Согласно его «Записке», пятьдесят честных, добросовестных губернаторов, наделенных широкими полномочиями, принесли бы стране больше пользы, нежели министерства, Государственный совет и Сенат вместе взятые. Роль самодержца он видел в пристальном надзоре за деятельностью судей, в непримиримой борьбе с чиновниками-коррупционерами на всех уровнях власти. Надежной опорой самодержавия Карамзин считал потомственное дворянство. Преимущества назначения на высшие государственные должности аристократов он связывал с небольшими растратами казны на их содержание, ибо они изначально имели достаток, наличием у них необходимого воспитания и знаний, а также униженностью для дворян

---

²⁶Там же. С. 91.

²⁷Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 2. С. 65. (далее – Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка...).

²⁸Севастьянов Ф. Л. Консервативная альтернатива кодификации русского права в первой трети XIX в. // Консерватизм в России и мире. Ч. I. ВГУ. 2004. С. 179.

видеть у трона людей низкого происхождения. Согласно «Записке», даже одаренный и талантливый представитель низов не мог искренне «любить» государя и дворян. От Александра I Карамзин добивался поддержки правящего сословия, посещения дворянских собраний и дозволения дворянам вступать в воинскую службу офицерами с единственным требованием – знать начала математики и русский язык. «Дворянство и духовенство, Сенат и Синод как хранилище законов, над всеми – государь, единственный законодатель, единовластный источник властей. Вот основание российской монархии», – подводил черту под своими размышлениями Карамзин²⁹.

До войны 1812 г. историограф способствовал консолидации общественного мнения против Сперанского. Реформатора обвиняли в симпатиях к Наполеону, в шпионаже в пользу Франции, в якобинстве, иллюминатстве. В итоге, тот уступил пост государственного секретаря Шишкову, а сам был выслан из столицы.

Вице-адмирал в 1813 г. ознакомился с третьей частью проекта Гражданского уложения и составил схожее с мыслями Карамзина мнение о книге: «Я нашел ее написанною худым языком, без всякого тщания и соображения с нашими законами, с нашими нравами и обычаями, инде двусмысленно, часто невразумительно, и даже наполнено безнравственными статьями, бестолково переведенными из так называемого Кодекса Наполеона»³⁰.

В декабре 1814 г. началось повторное рассмотрение первых трех частей проекта Гражданского уложения в Государственном совете. В январе 1815 г. вице-адмирал представил свое мнение о первой главе сборника Общему собранию. Оно начиналось выпиской из Екатерининского «Наказа», в соответствии с которым в законах должна быть ясность, краткость и понятность. По мнению Шишкова, проект Гражданского уложения не соответствовал этим критериям, ибо в нем отсутствовали точные определения

---

²⁹Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 109.

³⁰Шишков А. С. Указ. соч. С. 54.

гражданских и политических прав. Многие члены Государственного совета, под первыми понимали права, принадлежавшие всем подданным, а под вторыми – особенные права и преимущества сословий (касательно дворянства: владение крестьянами и имениями). Чтобы избежать кривотолков предлагалось использовать формулировку «права общие и частные»³¹.

С самого начала прений Шишков выступал за придание Гражданскому уложению отчетливого сословного характера. Он демонстрировал непонимание определению гражданских прав, как отношений «по лицу» и «по имуществу», предлагая использовать формулировку «отношения между подданными»³². Его возражения вызвал второй параграф, в котором говорилось следующее: «Закон государственный определяет, в какой мере права гражданские принадлежат каждому по его состоянию»³³. Вице-адмирал считал, что в данном случае речь должна была идти о политических правах, поскольку под словом «состояния» понимались сословия дворян, купцов и мещан³⁴.

Ожесточенные споры в Государственном совете вызывал шестой параграф проекта уложения, лишавший гражданских прав в России лиц, которые «укоренились» (приобрели недвижимость) в иностранных государствах или без дозволения правительства вступили там в службу. Против этого пункта больше всех выступал адмирал Н. С. Мордвинов. С его точки зрения, параграф противоречил сложившейся практике, при которой иностранцы, вступившие в русскую службу и приобретшие тут имения, не теряли гражданских прав своих стран. Образцом для него были англичане, сохранявшие английское гражданство по вступлении в иностранное подданство. Отрицательным примером для Мордвинова была закрытая для иностранцев Япония. По его мнению, запрет не имел смысла, ибо за сто лет он

---

³¹Архив Государственного совета. Т. 4. Ч. 1. Стб. 71.

³²Шишков А. С. Указ. соч. С. 58.

³³Труды комиссии составления законов. СПб., 1822. Т. 1. С. 1.

³⁴Шишков А. С. Указ. соч. С. 59.

мог коснуться лишь двух-трех человек, да и то торговцев, стариков, больных, «несчастливых» и «гонимых»³⁵.

Комиссия составления законов, которой Государственный совет поручил собрать узаконения по данному вопросу, отмечала иное: «Всем известно, что многие российские подданные разных состояний и даже из знатных фамилий владеют именьями в чужих государствах»³⁶. Впрочем, такая ситуация не противоречила российским законам, поскольку вводившиеся при Петре I и Александре I ограничения на «укоренение» в чужих краях касались только государственных служащих и дипломатических чиновников. Все остальные подданные имели право владеть именьями в иностранных государствах. Главным противником «укоренения» русских подданных за границей был государственный контролер Б. Б. Кампенгаузен.

Позиция Шишкова по вопросу владения именьями за границей неизвестна. Зато он солидаризировался с Мордвиновым в критике той части шестого параграфа, где вступление в иностранную службу требовало правительственного дозволения. Вице-адмирал считал, что эта мера противоречила Жалованной грамоте дворянству. Девятнадцатый параграф этой грамоты гласил: «Подтверждаем благородным дозволение вступать в службы прочих европейских Нам союзных держав, и выезжать в чужие края»³⁷. В качестве примера отсутствия ограничений на этот счет он приводил судьбу М. В. Ломоносова, который поневоле вступил в прусскую службу, однако, не был «извержен» из числа россиян³⁸.

Шишкова поддержал граф Ю. П. Литта: «Сие постановление есть против существующих законов, против грамоты дворянства, и было бы даже оскорбительно той нации, которая приемлет таковое постановление»³⁹. Н. С. Мордвинов считал, что данный пункт являлся выпиской из «французского

---

³⁵Архив Государственного совета. Т. 4. Ч. 1. Стб. 61.

³⁶Там же. Стб. 66.

³⁷ПСЗ – I. Т. 22. № 16187. С. 348.

³⁸*Шишков А. С.* Указ. соч. С. 62.

³⁹Архив Государственного совета. Т. 4. Ч. 1. Стб. 84.

уложения», которым «расстреливали тех, кои на срок не являлись», и унижал благородное сословие: «Российское дворянство не токмо не подало повода к лишению права, коим доселе пользовалось; но паче других в настоящее время ознаменовало верность и любовь к государю и отечеству своему и деяниями доблестными изгладило и мысль о могущей от него последовать измене»⁴⁰.

В мелочной регламентации всевозможных прав Шишков видел нарушение здравого смысла. По его мнению, в девятом параграфе проекта Уложения было излишне говорить о том, что человек, лишенный гражданских прав, не мог наследовать, располагать, дарить и завещать имущество, принимать какую-либо собственность по завещаниям и сделкам: «Как бы, сказав о человеке, что он умер, начать исчислять, что он не может беседовать с живыми, не может жениться, не может ходить, ездить, и прочее»⁴¹. Сама последовательность пунктов девятого параграфа, по мнению Шишкова, противоречила логике. Сначала там говорилось, что *«имущество лишенного гражданских прав поступает к его наследникам»*, а затем – *«он не имеет права располагать, дарить, завещать свое имущество»*. По этому поводу вице-адмирал иронизировал: «Да оно у него взято. Оно уже не его»⁴².

Перечислением несуразностей проекта Уложения вице-адмирал продолжал потешные изыскания на этот счет Н. М. Карамзина. Последний обнаружил в тексте, подготовленном Комиссией Сперанского, и вовсе «гениальную» фразу, достойную быть афоризмом: *«Младенец, рожденный мертвым, не наследует»*⁴³.

Все эти насмешки над регламентацией юридических отношений, характерной для буржуазного законодательства, свидетельствуют о его чуждости идеям консерваторов. Многие статьи Шишков пытался переправить в духе Жалованной грамоты дворянству. Одиннадцатый параграф этой

---

⁴⁰Там же. Стб. 62.

⁴¹Шишков А. С. Указ. соч. С. 65.

⁴²Там же.

⁴³Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 92.

грамоты не позволял лишать дворян их имений без суда⁴⁴. В шестом пункте проекта Уложения речь зашла об изъятии права управлять имением у еще не осужденного, но взятого под суд человека. Вице-адмирал настаивал, что данную статью нужно распространять только на тяжкие преступления. Так он охранял имущественные права дворянства.

Разбор первой главы проекта Гражданского уложения, произведенный вице-адмиралом, показывает, что он проявлял недовольство наступлением на привилегии правящего сословия. Шишков был убежден в том, что дворянские (политические, как он их называл) права смешивались с гражданскими правами. При этом суть первых он связывал с отношениями между сословиями, а последних – с российским подданством.

Его мнение было пронизано национально-консервативным пафосом. Существовавшие указы он определял как русские, а попытку внести буржуазные новшества, связывал с пагубным иностранным влиянием. По мысли Шихова, новые законы непременно должны основываться на русских традициях и обычаях: «Составление оных требует крайней осторожности, основанной не на легких и опрометчивых порывах умозрительной учености, но на правилах веры и благонравия, на зрелости рассудка, на правах и обычаях своего народа и вообще на знании дел и сердец человеческих»⁴⁵.

На почве непримиримости к современным иностранным источникам проекта Уложения вице-адмирал сходилась с Карамзиным по вопросам лингвистики. Язык законов, по его мнению, должен быть «простым, чистым, состоящем из слов ясных и с точностью определенных»⁴⁶. Историограф в «Записке о древней и новой России» выступал против «галлицизма» перевода наполеоновского Кодекса⁴⁷. В 1816 г. между ними состоялась первая встреча в приемной Великой княгини Екатерины Павловны. Разговор был откровенным и положил начало доверительным отношениям. Карамзин высказался по

---

⁴⁴ПСЗ – I. Т. 22. № 16187. С. 347.

⁴⁵Шишков А. С. Указ. соч. С. 68.

⁴⁶Там же.

⁴⁷Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 95.

поводу лингвистических «крайностей» президента Академии и признал за ним некоторую правоту. Свидетель их встречи К. С. Сербинович передавал речь историографа, обращенную к Шишкову, в следующих словах: «Люди, не знающие коротко ни вас, ни меня, вздумали меня изображать врагом вашим. Они слишком ошибаются. Я привык уважать добросовестных писателей, имеющих в виду общую пользу, хотя и несогласных с моим убеждением. Я не враг вам, а напротив того, считаю себя обязанным вам за многое, что было высказано вами и удержало меня от ошибок»⁴⁸.

Качество отечественного законодательства, во взглядах Шишкова, напрямую было связано с личностями их создателей. По его мнению, законы должны писаться патриотами, «поседевшими на службе отечеству», воспитанными в России и в русском «духе», а также «коренными русскими боярами, имеющие достаточные познания и еще более того исполненные честности, здравого рассудка и любви к народу своему»⁴⁹.

Как видно, сын сельского священника М. М. Сперанский не подпадал под сословные критерии Шишкова. По возрасту он тоже был моложе его почти на два десятка лет. Если для вице-адмирала одну из ключевых ролей в законах играли «правила веры», то религиозные взгляды реформатора нельзя назвать ортодоксальными. Как показывал Ю. Е. Кондаков, Сперанский стремился к рациональному осмыслению библейской истории, вплоть до отрицания догм официальной церкви, сомневался в реальном существовании Иисуса Христа, рождении его от Девы Марии, и даже создал собственное еретическое учение, провозглашавшее догматы о переселении душ и предопределении⁵⁰.

Неоднократные дискуссии в Государственном совете не внесли ясность в определение гражданских прав, что само по себе свидетельствовало об их чуждости для России того времени. Правящая элита устами министра

---

⁴⁸Сербинович К. С. Воспоминания // Русская старина, 1896, Т. 87. № 9. С. 576.

⁴⁹Шишков А. С. Указ. соч. С. 151.

⁵⁰Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 23–28.

юстиции Д. П. Трощинского в 1815 г. высказалась за сохранение status quo между сословиями. Он заявлял, что права русских подданных должны определяться следующим образом: «Дворян по содержанию всемилостивейшей пожалованной грамоте, купцов и мещан – по изданному для них городовому положению, крестьян казенных и помещичьих – по существующим об них узаконениям»⁵¹. Таким образом, принцип сословности встал на пути уравнивания россиян в гражданских правах.

Проект Комиссии составления законов был признан неудовлетворительным. Шишков, Трощинский, Мордвинов почти в один голос говорили о нем, как о переводе Кодекса Наполеона. Последний, в их взглядах, связывался с кровавыми событиями Великой французской революции и, взрастившей ее, просветительской философией. По словам Трощинского, «Наполеонов Кодекс» был порожден «новой философией», революционным насилием, «безбожным властелином» и попирает «законные власти и древнюю веру»⁵². По словам Мордвинова, он был издан «во времена смятения ума и сердца человеческого, при расторжении связей народных, забытии прав естественных и презрении нравственности и веры»⁵³.

Впрочем, член Департамента законов А. Н. Салтыков говорил, что проект сборника опирался на отечественные древние постановления, но Россия не должна стесняться заимствований у более просвещенных государств⁵⁴.

Споры вокруг правовой реформы были отложены до собрания Комиссией составления законов полного Свода прежних постановлений. Промедление с принятием проекта Уложения вызвало нарекания зарубежной общественности. В середине 1815 г. английский правовед и теоретик политического либерализма Иеремия Бентам писал Александру I о таких

---

⁵¹Мнение министра юстиции Трощинского о проекте уложения // Чтения в императорском обществе Истории и древностей российских при Московском университете. М., 1859, июль-сентябрь. Кн. III. Глава V. С. 9.

⁵²Там же. С. 21.

⁵³Архив Государственного совета. Т. 4. Ч. 1. Стб. 166.

⁵⁴Там же. Стб. 161.

недостатках работы Комиссии составления законов, как чрезмерная бюрократичность, отсутствие публичного обсуждения и общественной критики законопроектов. «Публичность, самая неограниченная публичность – единственное возможное средство сделать что-нибудь», – настаивал Бентам⁵⁵.

В 1822 г. обсуждение проекта Гражданского Уложения в Государственном совете возобновилось. Шишков отметился критикой шестой главы сборника «о браке». Для выведения бракоразводных дел из компетенции церкви много усилий прилагал Сперанский⁵⁶. Позиция вице-адмирала заключалась в неприятии идеи гражданского брака, сохранении ведущей роли в этом вопросе духовенства и необходимости соблюдения Таинств церкви⁵⁷. Мнение консерваторов в Государственном совете поддержал министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын. Благодаря ему, по словам Ю. Е. Кондакова, «дело о введении светского бракосочетания не дошло до Св. Синода, обер-прокурор «зарубил» его еще на стадии слушания в Государственном совете»⁵⁸.

Подводя итоги, отметим, что споры о реформе российского законодательства при активном участии Шишкова завершились победой консерваторов. В николаевское царствование отечественные кодификаторы стали руководствоваться идеей систематизации уже существующих в России постановлений, наряду с введением новых законов, содержащих элементы права стран Европы. Николай I отверг идею Сперанского о составлении уложения, как слишком теоретическую, отвлеченную, потрясающую существовавшие в то время правовые порядки⁵⁹.

Результатом стало создание в николаевское царствование Полного собрания и свода законов Российской империи, построенных по

---

⁵⁵Цит. по: *Пытин А. Н.* Русские отношения Бентама // Вестник Европы. 1869. № 4. С. 768.

⁵⁶*Кондаков Ю. Е.* Указ. соч. С. 19.

⁵⁷*Шишков А. С.* Указ. соч. С. 146-152

⁵⁸*Кондаков Ю. Е.* Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003. С. 185.

⁵⁹*Майков П. М.* О своде законов Российской империи. СПб. 1906. С. 9.

хронологическому и тематическому принципам. Эти правовые памятники определяли разметку российского правового поля вплоть до начала XX века⁶⁰. Гражданского кодекса царская Россия так и не создала. Причины такого положения дел крылись в относительной слабости развития капиталистических частнособственнических отношений и, как следствие, устойчивости сословно-самодержавной системы, превозносимой Шишковым.

§2. Мнение А. С. Шишкова о крепостном праве

Попытки реформирования законодательства были тесно связаны с набиравшей рост идеей отмены крепостного права. В обществе утверждалась мысль о несоответствии «рабства» тогдашнему «духу времени». Ситуация, при которой частновладельческие крестьяне находились в личной и поземельной зависимости от помещиков, не способствовала развитию капиталистических отношений.

Крепостное право в России складывалось на протяжении многих веков. С начала Древнерусской государственности шел процесс сосредоточения земельной собственности в руках аристократии и превращения свободных крестьян в арендаторов участков. Объединение древнерусских земель вокруг Великого княжества Московского дало импульс развитию поместного землевладения, как системы вознаграждения за военную или гражданскую службу. Поместье XV–XVII вв. являлось собственностью государства. Пока земля была записана за помещиком под условием несения службы, крестьяне отчисляли ему часть своих доходов. Такая система соответствовала невысоким возможностям государства деньгами оплачивать услуги военных и управленцев. Многие феодалы владели землей на правах частной собственности, доставшейся по наследству «отчиной». При первых Романовых поместья обращались в отчины. Соборное Уложение 1649 г. царя Алексея Михайловича оговаривало неограниченный срок сыска беглых

---

⁶⁰Севастьянов Ф. Л. Указ. соч. С. 173.

крестьян, и, по сути, законодательно оформляло «закрепощение» сельского населения⁶¹.

Положение крепостных крестьян становилось все более бесправным. Стирались различия между ними и дворовыми людьми, бывшими в старину «полными» холопами, «кабальными» и «деловыми» людьми. Крупный исследователь крепостного права В. И. Семевский показывал, что в XVIII в. стало возможным продавать крепостных с землей и без земли, целыми деревнями и поодиночке, переселять, закладывать, дарить, отдавать в приданное, разлучать с семьями, отдавать в рекруты по усмотрению помещика. Землевладельцы могли переводить крестьян в свой двор, а дворовых людей на пашню, наказывать крепостных по своему усмотрению, но без увечий и опасности для жизни, ссылать на поселение в Сибирь, отдавать в каторжную работу и в смирительные дома. Вступление крепостных в брак требовало согласия помещика. На нем же лежала забота об исправном выполнении крестьянами подушной подати и других государственных повинностей. Крепостные не имели права подавать жалобы на хозяев, владеть недвижимым имуществом. Их движимое имущество не было ограждено от посягательств помещиков. В 1783 г. был запрещен переход крестьян с места на место в Малороссии, с распространением на них подушных окладов, действовавших в Великороссии⁶².

Несправедливость усиливалась обратным процессом «раскрепощения» дворянского сословия. Манифестом от 18 февраля 1762 г. оно освобождалось от обязательной военной службы. По словам С. А. Корфа, «с этого времени наступает в истории дворянства новая эра»⁶³. Исследователь связывал ее с переселением дворян из столиц в их провинциальные поместья, формированием у них корпоративных связей, появлением выборных

---

⁶¹Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М. 1888. С. 532.

⁶²Семевский В. И. Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века // Крестьянский вопрос в России в XVIII – первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 1. С. I-II.

⁶³Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 годов. СПб., 1906. С. 3.

сословно-дворянских представителей на местах – предводителей, системы судов под дворянским контролем, освобождением правящего сословия от телесных наказаний.

Между тем, отдельные стороны крепостного права критиковались российскими самодержцами. Так, например, Петр I ввел правило, которое не стало обязательным, передавать в опеку имения помещиков, разорвавших крестьян. В 1741 г. Уложенная Комиссия безрезультатно обсуждала запрет безземельной продажи крепостных⁶⁴. Екатерина II в печатной редакции «Наказа» говорила о необходимости законодательного определения повинностей крестьян, об ограждении их прав на имущество, о предоставлении им свободы вступать в брак по своему желанию и о пресечении «злоупотреблений рабства». В неизданных местах «Наказа» она предлагала учредить сельский суд из крестьян, освободить семейства изнасилованной женщины и определить размер выкупа на свободу⁶⁵. Кроме того, в екатерининское царствование крестьянский вопрос обсуждался в Вольном экономическом обществе, в Комиссии составления законов, а также в литературе.

Император Павел I усиленно раздавал казенных крестьян в частные руки. За четыре года его правления в крепостное состояние было обращено 600 000 душ обоего пола. Это число лишь на четверть меньше количества крестьян, переданных помещикам Екатериной II за тридцать пять лет ее царствования (в основном в землях бывшей Речи Посполитой)⁶⁶. Шишков связывал павловскую раздачу крепостных с опасениями императора перед бунтами и заговорами: «Причиною сей раздачи деревень, сказывают, был больше страх, нежели щедрота. Павел Первый напуганный, может быть, примером Пугачева, думал раздачею казенных крестьян дворянам уменьшить опасность от народных смятений. Сия, можно сказать, несчастная боязнь

---

⁶⁴Журнал Совета Комитета составления законов 26 ноября 1820 г. // Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Л. 140 об.

⁶⁵Семевский В. И. Указ. соч. С. 41–43.

⁶⁶Там же. С. XIV.

часто тревожила сердце сего монарха и была причиною тех излишних осторожностей и непомерных строгостей, какими, муча других, и сам он беспрестанно мучился, и которые, вместо погашения мнимых искр возмущения, действительно, порождали их и воспаляли»⁶⁷.

Некоторые меры самодержавия были направлены на ограничение помещичьего произвола. Среди них можно отметить указы от 5 августа 1771 г., 5 апреля 1797 г. и 14 июля 1808 г. Ими запрещались продажи крепостных «с молотка»; работы на барщине свыше трех дней в неделю и по воскресным дням; продажа крестьян без земли, лично и поименно на ярмарках и торгах⁶⁸. В 1801 г. Александр I отказался жаловать казенных крестьян в частные руки. Он же запретил отдавать крепостных в работу за долги помещиков⁶⁹. Император возлагал на дворян обязанность помогать крепостным хлебом в голодные годы. Александр I строго и публично наказывал помещиков за жестокое обращение с крепостными⁷⁰. Указом от 12 декабря 1801 г. лицам «свободных состояний» разрешалось приобретать земли в собственность, что нарушало монополию дворянства на владение землей⁷¹.

Многие из антикрепостнических указов оставались на бумаге, не выполнялись на местах⁷². Как показывал Н. К. Шильдер, указ о трехдневной барщине в великорусских губерниях признавался необязательным, а в Малороссии он подал повод помещикам увеличить барщинную работу, составлявшую дотолде два дня в неделю⁷³.

Александр I, по словам М. И. Богдановича, положил основание «великому подвигу освобождения помещичьих крестьян»⁷⁴. Указ «о вольных

⁶⁷Шушков А. С. Указ. соч. Т. 1. С. 22.

⁶⁸ПСЗ – I. Т. 19. № 13634; Т. 24. № 17909; Т. 30. № 23157.

⁶⁹Богданович М. И. Указ. соч. Т. 1. С. 109.

⁷⁰Пытин А. Н. Общественное движение в России при Александре I // Исследования и статьи по эпохе Александра I. Петроград, 1918. Т. 3. С. 103.

⁷¹ПСЗ – I. Т. 26. № 20075.

⁷²Долгих А. Н. Крестьянский вопрос в политике самодержавия в середине 10-х – начале 30-х гг. XIX века : диссертация... кандидата исторических наук. М., 1984. С. 29, 57.

⁷³Шильдер Н. К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. СПб. 1901. С. 345.

⁷⁴Богданович М. И. Указ. соч. Т. 1. С. 97.

хлебопашцах» от 20 февраля 1803 г. разрешал «увольнять» их с землей целыми селениями по добровольному соглашению с помещиками на условиях выкупа. Впрочем, эта мера не была для дворян обязательной, она лишь отражала правительственный курс на эмансипацию народных масс. По-видимому, указ остался неизвестным для широких слоев населения. Опасаясь ложных толков, будто крепостным немедленно даруется свобода, Государственный совет посчитал нужным издать указ «частно», распространив его на помещиков, готовых им воспользоваться при условии, чтобы каждый из них «испрашивал на совершение своего намерения особенное Высочайшее соизволение»⁷⁵.

В 1816–1819 гг. крепостное право было отменено в прибалтийских (остзейских) губерниях России – Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. Вся земля и административно-полицейская власти над бывшими крепостными осталась в руках помещиков. Крестьяне не могли покинуть территорию своих губерний и уходить в города. По словам П. А. Зайончковского, «крестьяне были вовсе лишены своих земель и, будучи наделены правами свободных сословий, фактически продолжали сохранять зависимость от их прежних владельцев»⁷⁶. Реформа не дала быстрого эффекта развитию капиталистических отношений. Три четверти арендной платы за пользование помещичьей землей крестьяне отрабатывали на барщине. Вольнонаемный труд не получил большого распространения⁷⁷.

Правящее сословие при Александре I в основном стояло за сохранение крепостного права. Анализируя дворянские проекты решения крестьянского вопроса середины 1810-х – 1825 гг., А. Н. Долгих приводил любопытные статистические выкладки. Из 79 таких проектов – 18 (22,8 %) предусматривали безземельное освобождение крепостных, 5 (6,3 %) – освобождение с землей, в 11 проектах (13,9%) освобождение крестьян не

⁷⁵Государственный совет 1801–1901. СПб., 1901. С. 12.

⁷⁶Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М. 1968. С. 53.

⁷⁷Там же. С. 54.

детализировалось, 45 проектов (57%) оговаривали ликвидацию некоторых сторон крепостного права при сохранении его в целом. В большинстве случаев предлагалось запретить продажу крестьян без земли, ограничить рост численности дворовых людей, законодательно определить повинности крепостных, запретить помещикам самим применять к ним телесные наказания⁷⁸.

А. С. Шишков, наряду с Н. М. Карамзиным, Ф. В. Ростопчиным, Г. Р. Державиным, Ж. де Местром, масонами И. В. Лопухиным и И. А. Поздеевым олицетворял консервативную оппозицию эмансипационным веяниям эпохи. Он был противником даже малейших изменений правового положения крепостного населения. Между тем, ранее упоминавшийся рассказ С. Т. Аксакова о посещении крестьянской делегацией петербургского дома Шишкова, принес ему историографическую славу «идеального», «гуманнейшего» помещика: «Ввиду его отношений к крестьянам, нельзя не признать, что его действия в этом вопросе были основаны на глубоком убеждении, – отмечал В. И. Семевский, – и что в нравственном отношении до него было далеко как царедворцу Сперанскому, <...> так и противнику последнего по убеждениям, Карамзину, бывшему самым заурядным помещиком»⁷⁹.

Вице-адмирал критиковал эмансипационные планы реформ Александра I, увязывая их с французским воспитанием императора: «Сие несчастное в государе предубеждение против крепостного в России права, против дворянства, и против всего прежнего устройства и порядка, внушено в него было находившимся при нем французом Лагарпом, и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французов, отвращавших глаза и сердце свое от одежды, от языка, от нравов, и словом, от всего русского»⁸⁰.

---

⁷⁸Долгих А. Н. Указ. соч. С. 41–51.

⁷⁹Семевский В. И. Указ. соч. С. 357.

⁸⁰Шишков А. С. Указ. соч. Т. 1. С. 309.

Как видно, Шишков ставил крепостное право в один ряд с русскими нравами, языком, православной верой. Наиболее полно свои взгляды по этому вопросу он высказал в 1820 г. в Государственном совете, когда там рассматривался вопрос о запрете продажи людей без земли и поодиночке с раздроблением семей. Торговля людьми была самым вопиющим проявлением крепостничества и коренным образом противоречила идее свободы личности.

Ранее в мае 1801 г. Непременный совет не обнаружил постановления, которое позволяло бы продавать крестьян. Советники склонялись разрешить помещикам торговать крепостными без земли при условии, что те будут продаваться с семьями и с имуществом. Утвердительного решения не последовало из-за опасений перед бунтами, которые могли произойти по причине превратных толков о том, что народу будто бы предоставляется «вольность»⁸¹. 18 мая 1801 г. все же было запрещено печатать объявления о продаже людей без земли⁸².

Департамент законов, в котором заседал Шишков, проявлял консерватизм в крестьянском вопросе. Когда 22 мая 1818 г. там обсуждалась резолюция Павла I от 16 октября 1798 г., запрещающая продавать крепостных без земли в Малороссии, советники предлагали распространить на Киевскую, Подольскую и Волынскую губернии «право существующее в Великороссии» свободно торговать людьми⁸³.

Обсуждение проблемы возобновилось в 1820 г. В январе министр юстиции Д. И. Лобанов-Ростовский представил в Государственный совет записку санкт-петербургского военного губернатора гр. М. А. Милорадовича, содержащую следующие случаи помещичьих злоупотреблений: продажа коллежским асессором Лупандиным около двадцати девок поодиночке под видом дворовых; покупка отставным штабс-капитаном Раздеришиным малолетних девок для своего гарема; разлучение статской советницей

---

⁸¹Копия с журнала Государственного Совета 6 мая 1801 года // РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

⁸²Выписка из законов // РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.

⁸³Архив Государственного совета. Т. 4. Ч. 2. Стб. 323.

Полонской семейства дворового человека Ивана Чернышева с дочерью; продажа дворовых людей покойного титулярного советника Дьякова в счет погашения долга⁸⁴.

Кроме того, Милорадович полагал, что вопреки существовавшим запретам крепостные продавались на ярмарках и по «верующим» письмам⁸⁵, использовались для отработок помещичьих долгов, отдавались в рекруты ранее, чем через три года после их приобретения новыми хозяевами, а также приобретались личными дворянами⁸⁶. Он предлагал запретить «закладывать» крепостных по долгам помещиков, продавать их поодиночке с «раздроблением» семейств и без земли. Исключения предусматривались в случае браков крестьян из разных поместий.

Тогда же министр внутренних дел В. П. Кочубей предоставил Комитету министров сведения о результате следствия по двум жалобам, поданным Александру I на саратовскую помещицу Кирееву. Она заключила со своими крепостными соглашение о переводе их в свободные хлебопашцы, но не завершила сделку в «присутственном месте». Часть выкупной суммы помещица получила, а когда крепостные не смогли выплатить оставшиеся деньги в срок, то продала их разным лицам поодиночке. Саратовское губернское правление постановило: вернуть их на прежнее место жительства в дома и семейства.

12 февраля 1820 г. Государственный совет передал записки Милорадовича и Кочубея на рассмотрение Комиссии составления законов, в Совет которой входили председатель барон Г. А. Розенкампф, а также два члена – А. И. Тургенев и Д. Мороз⁸⁷.

Годом ранее Комиссия рассматривала оправдательное заключение Правительствующего Сената по делу курского помещика Жданова, который продал малороссиян с меньшим количеством земли, чем поступило в его

---

⁸⁴Записка С. Петербургского Военного генерал-губернатора // РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Л. 8-9 об.

⁸⁵«Верующие» письма позволяли дворянам продавать крепостных лицам, которые по закону не могли ими владеть, например, разночинцам.

⁸⁶Выписка из законов // РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Л. 10–13 об.

⁸⁷РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 36.

владение⁸⁸. Велась кропотливая работа по разбору законодательства в области крепостнических отношений. Она ускорила после дошедшей, до находившегося за границей, Александра I жалобы из Петербурга на псковского дворянина Креницына. По недостатку земли тот продал на чугунный завод пятьдесят мужчин и тридцать девять женщин. На заседании Комитета министров 28 сентября 1820 г. была объявлена императорская просьба – собрать все существующие узаконения по крестьянскому вопросу⁸⁹.

Активная роль в этом деле принадлежала братьям Александру и Николаю Ивановичу Тургеневым⁹⁰. Ими был обнаружен указ Петра I от 15 апреля 1721 г., который осуждал «обычай» продавать людей как «скот»⁹¹. Комиссия Розенкампа не выявила законов, напрямую дозволявших такую торговлю. Утверждалось, что приравнивание крепостных крестьян, бывших в старину свободными, к дворовым людям, имевшим холопское происхождение, вошло в обычай после их долговременного совместного проживания в вотчинах и самовольства помещиков. К этому прибавлялось, что продажа людей поодиночке и без земли уподобляла крепостных «вещам», «бессловесным животным», не соответствовала духу времени, была «унизительна для самого человечества», «противна нравственности», «сопряжена с угнетением человечества» и недопустима «ни по естественным, ни по политическим законам»⁹².

Свободная торговля людьми, по мнению сторонников реформ, позволяла помещикам обогащаться на продаже крестьян в рекруты и сделках с недвижимостью. Комиссия Розенкампа выступала против усиливавшегося процесса дробления небольших поместий, что способствовало

---

⁸⁸Журнал Комитета составления законов 25 января 1820 г. // РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Л. 17.

⁸⁹Журнал Совета Комитета составления законов 26 ноября 1820 г. // РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Л. 137.

⁹⁰Корнилов А. А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб. 1905. С. 42.

⁹¹Журнал Комитета составления законов 25 января 1820 г. // РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Л. 20.

⁹²Там же. Л. 19–19 об.

обезземеливанию крестьян, сокращению податей в пользу государства, «проматыванию» имений⁹³.

Все эти соображения легли в основу подготовленного к 9 марта 1820 г. проекта закона. По нему продажа, «заклад» и «укрепление» крестьян дозволялись только целыми селениями, со всем имуществом и с землей. Запрещалось продавать их за долги владельцев, передавать в помещичий двор, а также дробить имения с числом крепостных до ста душ. Чтобы предотвратить безземельную продажу крестьян под видом переселения их в другие уезды и губернии, от владельца требовалось удостоверить правительство в том, что на новом месте он устроил крестьянские дома и другие хозяйственные заведения, и что крепостные будут пользоваться там не меньшим количеством земли, чем на прежнем месте жительства. Дети личных дворян обязывались в течение полугода после получения наследства продать своих крепостных потомственным дворянам, имевшим земли, которым только и разрешалось впредь «укреплять» крестьян. Для облегчения положения дворовых людей предусматривалось провести среди них перепись, разрешить переводить их «на пашню», дозволить им вступать в браки с крестьянами, а также приписать к деревням. Уступкой существовавшим обычаям В. И. Семеvский называл шестой параграф проекта закона⁹⁴. По нему дворяне имели право «выключать» из продажи селений дворовых людей, передавать их по наследству и в приданное. Условием таких сделок было неразлучение жен от мужей и детей от родителей: мальчиков до семнадцати лети, а девушек до замужества. За исключением этой весьма важной уступки, переход дворовых людей в другие руки, должен был осуществляться вместе с селениями, к которым они приписывались. Безземельным дворянам не дозволялось продавать и завещать дворовых посторонним лицам. При отсутствии у

---

⁹³Журнал Комиссии составления законов 9 марта 1820 г. // РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. 18 л. 74 об. –76.

⁹⁴*Семеvский В. И.* Указ. соч. С. 469.

помещиков законных наследников, они объявлялись свободными, как и в случае нарушения вышеперечисленных правил⁹⁵.

В таком виде законопроект, вместе с вышеупомянутыми записками Милорадовича и Кочубея о помещичьих притеснениях, был представлен Департаменту законов Государственного совета, в котором председательствовал В. С. Ланской. Этот проект, по свидетельству Шишкова, произвел там неблагоприятное впечатление: «Тогда по прочтении оно всяк из нас почувствовал до какой степени простиралась охота и свобода законодательствовать. Каждый мальчик выдавал себя за Ликурга и Солона»⁹⁶.

Вице-адмирал вызвался написать свое мнение по данному вопросу, которое и стало официальной позицией всего Департамента. 20 октября 1820 г. оно было прочитано в стенах этого учреждения и заключалось в необходимости сохранить право помещиков распоряжаться личностью крепостных и землей по своему усмотрению.

По юридической части Шишков критиковал упоминавшийся указ Петра I от 15 апреля 1721 г. Он считал его декларативным и не имевшим силу закона. При этом вице-адмирал задним числом поспорил с царем-реформатором: «В России продаются люди как люди, а не как скоты. Смешивать права продажи людей с правами продажи скотов, есть несправедливое смешение, никогда в России не существовавшее»⁹⁷. Торговля людьми порознь и без земли, с точки зрения Шишкова, имела твердые правовые основы, заложенные Соборным Уложением 1649 г. и последующими указами. Отмеченный им указ о пошлинах от 28 октября 1808 г. оговаривал помещичье право продавать и дарить «крепостных людей с землею и без земли», продавать женщин «поодиночке и отдельно от мужского пола»⁹⁸.

---

⁹⁵Проект закона о пресечении продажи крестьян порознь и без земли // РГИА. Ф. 1149. Оп. 1Д. 10. Ед. хр. 19. Л. 81–88.

⁹⁶Шишков А. С. Указ. соч. Т. 2. С. 130.

⁹⁷РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 188.

⁹⁸ПСЗ - I. Т. 30. № 23317.

Появление законопроекта Шишков связывал с «вредными умствованиями» о свободе личности, с пагубными желаниями реформаторов угодить «духу времени», который отождествлялся им с «общим стремлением к своевольству и неповиновению»⁹⁹.

Вице-адмирал защищал помещичье право распоряжаться землей по своему усмотрению. Он недоумевал, зачем реформаторам понадобилось запрещать продавать крепостных без земли: «На какой истине основано мнение, что при продаже деревни, человеку продаваться вместе с господскими полями, лесами и коровами – не бесчестно, а одному без них, для посажения на другую господскую землю, или для употребления к другим соответственным состоянию его занятиям – бесчестно? Разве продается он от земли собственно ему принадлежащей»¹⁰⁰?

Намерение авторов проекта устранить произвол, вызванный разделением членов семей крепостных при продаже, также вызывало у вице-адмирала непонимание: «Почему продажа нескольких человек вместе предпочитается продаже одного человека, и по каким причинам первая свойственна духу нынешнего времени, а вторая несвойственна и равняется продаже бессловесных животных»¹⁰¹?

Крепостнические отношения Шишков всячески идеализировал как полезные для самих народных масс. С его точки зрения, торговля крестьянами без земли позволяла им менять род занятий, становиться ремесленниками, портными, кучерами, поварами и лакеями. Она же помогала малоземельным крепостным переселяться в большие поместья. Переселения же с «пашни» в помещичий двор, по его мнению, касались крестьянских сирот, не имевших крова. С точки зрения вице-адмирала, дворянам не было никакой выгоды отрывать крепостных от хлебопашества, ибо это наносило ущерб их собственному благосостоянию. Произвол же помещиков, по его мнению,

---

⁹⁹РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 192–192 об.

¹⁰⁰Шишков А. С. Указ. соч. С. 123.

¹⁰¹РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 191 об.

пресекался передачей их имений в опеку. Как языковед, он не видел ничего постыдного в слове раб, потому что оно, по его мнению, произошло от глагола «работаю»¹⁰².

Свое представление о крепостном праве он выражал так: «Данное в России над людьми право не есть ни беспредельное, ни насильственное, но огражденное законами, требующими, чтоб помещик сочетал пользу свою с пользою своих подвластных, и купно с государственным благом, наблюдая между ими, как отец между детьми, благосостояние, порядок и устройство. В противном случае, законы приемлют на него жалобы, отнимают у него власть, и его самого наказуют»¹⁰³. Как видно, в крепостном праве Шишков видел оптимальную модель взаимоотношений между сословиями, при которой помещики по-семейному заботились о крестьянах и тем самым приносили пользу им, себе и государству. По словам А. Н. Долгих, рассуждения о пользах дворянского попечительства над крестьянами в то время были типичны для средних помещиков¹⁰⁴.

Некоторые аргументы Шишкова противоречили существовавшим законам. Так, например, продажу людей порознь с разлучением членов семей он оправдывал рекрутскими наборами: помещики приобретали годных к службе одиночек, чтобы избавить от армейской повинности своих собственных крепостных, кормильцев семей. Такие сделки не позволял еще Павел I¹⁰⁵. 7 сентября 1804 г. Александр I запретил передавать в рекруты купленных без земли крепостных до тех пор, пока они не прожили у нового владельца три года¹⁰⁶. 6 мая 1810 г. запрет повторился, поскольку многие помещики делали «мнимые покупки крепостных людей с некоторым

¹⁰²Шишков А. С. Указ. соч. С. 121–122.

¹⁰³РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 193–193 об.

¹⁰⁴Долгих А. Н. Указ. соч. С. 70.

¹⁰⁵Щебальский П. К. А. С. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. Т. 90. С. 213.

¹⁰⁶ПСЗ – I. Т. 28. № 21442.

количеством земли»¹⁰⁷. Несмотря на эти указы, торговля рекрутами во время армейских наборов продолжалась и имела обширные размеры¹⁰⁸.

Если обратиться к «Записке о древней и новой России» Н. М. Карамзина, то в ней можно обнаружить критику вышеупомянутых александровских указов и схожие с Шишковым представления о благах зависимого населения. По Карамзину, запрет покупать будущих рекрут лишал крестьянских отцов смысла существования, ибо теперь им приходилось отдавать в армию своих собственных сыновей: «Дотоле лучшие земледельцы охотно трудились 10, 20 лет, чтобы скопить 700 или 800 рублей на покупку рекрута и тем сохранить целостность семьи своей, – ныне отнято от них сильнейшее побуждение благодетельного трудолюбия, промышленности, жизни трезвой. На что богатство родителю, когда оно не спасет любезного его сына? Правда, винные откупщики радуются, но отцы семейств плачут»¹⁰⁹. Помещики же теряли рычаг устрашения лентяев, пьяниц и прочих «злосчастных» людей: «Чем теперь владелец мелкопоместный, коему нет очереди рекрутской, устрашит крестьян распутных? – вопрошал Карамзин. – Палкой? Изнурительным трудом? Не полезнее ли им страшиться палки в роте? Скажут, что ныне у нас лучше солдаты, но справедливо ли? Я спрашивал у генералов – они сего не приметили»¹¹⁰.

Не ставя под сомнение заботу Карамзина и Шишкова о крестьянских семействах при производстве армейских наборов, все же отметим один нюанс. Историограф упоминал о «дворянах-извергах», которые, купив деревню, выбирали крепостных, годных в солдаты, и продавали их врозь. Очевидно, запрет продажи людей без земли наносил удар по таким помещикам. Впрочем, во взглядах консерваторов, отрицательные последствия от этой меры перевешивали положительный эффект.

¹⁰⁷Там же. Т. 31. 1810–1811. № 24220. С. 175.

¹⁰⁸Семевский В. И. Указ. соч. С. 495.

¹⁰⁹Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 69–70.

¹¹⁰Там же. С. 70.

Защитой незыблемости крепостнических отношений определялась позиция Шишкова по помещичьим злоупотреблениям, изложенным в записках Милорадовича и Кочубея. По каждому из случаев он принимал сторону дворян. Там, где произвол с их стороны был очевиден, вице-адмирал призывал не абсолютизировать злодеяния отдельных «неблагодарных» помещиков, тем самым очерняя добропорядочность дворянского большинства.

По резонансному делу штабс-капитана Раздеришина, покупавшего малолетних «девок» в свой гарем, вице-адмирал высказался следующим образом: «Почему за одного Раздеришина считать всех Раздеришиными»¹¹¹? В схожем деле коллежского ассесора Лупандина вице-адмирал предлагал сначала разобраться, и, в случае вины, передать имение помещика в опеку. При этом он высказывал соображение о том, что тот мог продавать «девок» по просьбам их отцов в целях бракосочетаний, тем самым оберегая молодежь от распутств. Оправдывая статскую советницу Полонскую, которая при продаже семейства своего дворового человека Ивана Чернышева оставила у себя его старшую дочь, он прибегал к софистике: «Разлука родственников есть необходимое в жизни зло: дочь выходит замуж, сын, женись, или по иным каким обстоятельствам, отходит от отца, брат оставляет брата. Какой закон вопреки природы можно сделать, чтоб семейства пребыли до смерти неразлучными»¹¹²? Таким образом, вмешательство дворян в семейную жизнь крепостных, согласно взглядам вице-адмирала, было их природным правом.

Шишков также выступал против предоставления свободы дворовым людям по смерти залезшего в долги владельца. Он являлся противником запрета продавать крепостных в присутственных местах «заочно», то есть, не показывая живой товар лицом. По его мнению, такие сделки не были равносильны запрещенной в России торговле людьми на ярмарках.

В сущности, Шишков выражал интересы феодального класса, незаинтересованного в послаблениях зависимому населению. Проект закона о

---

¹¹¹РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 198.

¹¹²Там же. Л. 198 об.

продаже людей порознь и без земли, с его точки зрения, преклонял крепостное право к падению. Вице-адмирал предлагал оставить все на прежних основаниях, пресекая отдельные помещичьи злоупотребления. При этом он позиционировал себя как человека бескорыстного и нацеленного на общее благо: «Имение у меня самое малое. От рождения моего я не продавал и не покупал ничего. И так, никакие виды или страсти не могут меня побуждать к защищению одной стороны больше, чем другой. Я говорю, как думаю, как мне кажется, горя единственным усердием к пользе и общему благу»¹¹³.

Консерватизм Шишкова в крестьянском вопросе определялся страхом перед народными бунтами. Он был убежден, что крепостные воспримут облегчение своего положения за полное освобождение от помещичьей власти, выйдут из «повиновения и обузданности», разрушат страну и свое благоденствие. Свою защиту крепостнической системы он подкреплял словами из Священного Писания: «Повинуйся властям, начало премудрости – страх Господень»¹¹⁴. Таким образом, религия у вице-адмирала выступала залогом незыблемости существовавших порядков. В современной трактовке идей Шишкова Н. В. Овчинниковым, его позиция имела следующий вид: «Сильные и слабые всегда имеются в несовершенном земном мире, и крепостнический строй – лишь некоторая социальная проекция этого несовершенства»¹¹⁵.

Среди аргументов вице-адмирала в защиту крепостного права были внешнеполитические победы России и отсутствие в ней социальных потрясений на фоне происходивших в 1820 г. буржуазных революций в Испании и Неаполе: «В то время, когда мы слышим и видим, что почти все европейские державы вокруг нас метутся и волнуются, наше благословенное отечество пребыло всегда и пребудет спокойно. Единодушный гром на восставшего врага, далеко простерты победы и внутренняя, среди

---

¹¹³Шишков А. С. Указ. соч. С. 131.

¹¹⁴РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 200.

¹¹⁵Овчинников Н. В. Вдохновитель побед русского оружия. М., 2012 г., С. 281.

неустройств Европы, тишина не показывают ли, что оно больше благополучно, больше благоденствует, нежели все другие народы? Не есть ли это признак добродушия и не зараженной еще ни чем чистоты нравов? На что ж перемены в законах, перемены в обычаях, перемены в образе мыслей»¹¹⁶.

22 ноября 1820 г. это мнение от лица Департамента законов читалось в общем собрании Государственного совета, где встречало как насмешки, так и одобрения многих советников¹¹⁷.

29 ноября председатель Государственного совета П. В. Лопухин представил ответ Комиссии составления законов на критику Шишкова. Реформаторы по-прежнему настаивали на разграничении правового положения крепостных крестьян и дворовых людей. Вспоминались древние вольности крестьян, право Юрьева дня, отсутствие у самодержцев намерения лично укреплять их за помещиками и желание получать подати за счет привязки крепостных к земле. Обычай обращать крестьян в дворовых людей, по мнению Комиссии, противоречил прямому смыслу Уложения 1649 г. Приведенный Шишковым указ о пошлинах 1808 г., с точки зрения Комиссии, не относился к гражданскому праву и потому не мог иметь силу закона в крестьянском вопросе. Оппоненты вице-адмирала воспевали социальный прогресс, «смягчение» народных нравов, утверждали, что «грубым» законам, унижавшим человеческое достоинство, не место в современном гражданском обществе. Они полагали несправедливым оставлять русский народ в полурабском состоянии на фоне освобождения от крепостной зависимости населения Прибалтики. На сделанные ранее замечания Шишкова о том, что эмансипационные идеи пришли в Россию из училищ, охваченных революциями государств, Комиссия отвечала следующее: «Гишпания и Неаполь не имели и не имеют училищ, и весьма далеки от всякого просвещения»¹¹⁸.

¹¹⁶РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 200 об.

¹¹⁷Шишков А. С. Указ. соч. С. 132.

¹¹⁸Объяснение Комиссии законов по журналу Департамента законов // РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Л. 93-123.

Возмущение Шишкова этим ответом усилилось после того, как на его просьбу объявить имя вольнодумца, составившего бумагу, почтенный «семидесятилетний старик» П. В. Лопухин во всеуслышание назвал себя. Еще больше он негодовал на заявление министра внутренних дел В. П. Кочубея, о том, что российское правительство всегда поддерживало принятые во всей Европе либеральные идеи, и что смешно придерживаться правил старины¹¹⁹.

Закон о запрещении продавать людей по одиночке и без земли не без активных протестов Шишкова так и не был принят. Этим он снискал себе историографическую славу наиболее одиозного представителя отечественной элиты. В. И. Семевский считал его главой «русской консервативной партии», которая «протестовала против всякой меры на пользу крестьян, против всякой книги написанной в защиту необходимости изменения их быта»¹²⁰. А. В. Предтеченский называл вице-адмирала «наиболее реакционным деятелем александровского царствования»¹²¹. Н. А. Долгих объявлял Шишкова «апостолом крепостничества», идеологом русского провинциального дворянства, которое было слабо затронуто начавшимся развитием капитализма и не испытывало стыда столичных либералов перед просвещенным Западом за «мерзости» крепостного права в России¹²².

Между тем, мнение вице-адмирала в той или иной степени разделяли другие представители правящего класса. Государственный контролер барон Б. Кампенгаузен считал продажу людей без ограничений признаком их рабственного состояния. Крепость же крестьян только к земле, по его мнению, означала наличие у них прав, сопряженных с обязанностями нести определенные законом повинности и не переселяться без дозволения землевладельцев. С Шишковым он сходилась по юридической стороне вопроса. По мысли Кампенгаузена, несмотря на волю Петра I и последующие

¹¹⁹Шишков А. С. Указ. соч. С. 133.

¹²⁰Семевский В. И. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая // Русская мысль, 1884. № 6. С. 184.

¹²¹Предтеченский А. В. Очерк общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М, Л., 1957. С. 353.

¹²²Долгих А. Н. Указ. соч. С. 71.

ограничения безземельной торговли крепостными, она была признана правительством самим существованием таких ограничений и установлением на нее казенной пошлины. Государственный контролер был не против упразднения продажи людей без земли, как по моральным причинам, так и по многочисленным злоупотреблениям, происходившим от такой торговли. Однако, подобно Шишкову, он опасался, что это приведет к потрясениям: «Одни только слухи о намерении правительства улучшить положение крестьян, по невежестве их и подучениям от корыстных и злонамеренных людей, неоднократно производили сильные волнения», – отмечал Кампенгаузен на заседании Государственного совета 29 ноября 1820 г.¹²³ Он предлагал сделать правительственное предписание гражданским палатам на местах о приостановке совершения купчих на продажу и уступку людей без земли.

Близкую Шишкову позицию озвучил 2 декабря 1820 г. адмирал Н. С. Мордвинов. Недостаток свободы народных масс он оправдывал непохожестью России на Европу: «По малонаселению России, по великому пространству ее, по различию почв земли, тощих и плодородных, по различию климатов, холодных и теплых, по степени просвещения, по недостатку капиталов для заплаты посева прежде снятия с полей урожая, зависимость крестьян от помещиков должна быть для общего благосостояния, в высшей мере, нежели существует она в Англии, Швейцарии и Италии»¹²⁴. Остальные рассуждения Мордвинова о помещичьем патернализме и правовой защищенности крестьян имели много общего с патриархально-идиллическими представлениями о крепостном праве вице-адмирала: «Жалобам их открыты суды. Чиновники гражданские постановлены им покровителями, и за поступки, противные благонравию, за нерадение о их благосостоянии, помещик лишается права власти над подчиненными ему крестьянами и с лишением сей власти лишается даже права владения той землей, на коей оскорбленные им крестьяне

---

¹²³РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. Д. 8. Л. 215 об.

¹²⁴Там же. Л. 222.

жительство имеют»¹²⁵. Как и Шишков, он предлагал бороться с помещичьими злоупотреблениями, а в случае необходимости, принять для этого новые указы.

Министр юстиции кн. Д. И. Лобанов-Ростовский по юридической стороне вопроса был на стороне Департамента законов. Он считал, что многие узаконения с конца XVII в. позволяли продавать крепостных без земли и поодиночке. Правительство же неоднократно принимало меры против злоупотреблений: запрещало и ограничивало торговлю рекрутами, продажу людей за долги, на ярмарках, торгах и по «верящим» письмам. Лобанов-Ростовский сходилась с Шишковым во мнении о пользе торговли людьми без земли в целях заселения малообжитых территорий. Он выражал сочувствие мелкопоместному дворянству, которое по неимению другой собственности продавало дворовых людей. Во избежание произвола, министр предлагал осуществлять такую торговлю только целыми семействами¹²⁶.

Таким образом, позиция Шишкова и видных политиков тех лет имела много точек соприкосновения. При этом она представляется наиболее бескомпромиссной. Если либерально настроенные чиновники призывали к переменам в положении народных масс, то вице-адмирал стоял на незыблемости крепостнических порядков. С его именем нельзя связать движение России по пути к гражданскому обществу и утверждению приоритета прав личности. Можно говорить, что полное подчинение российских низов правящему сословию, а через него и государственным нуждам, являлось для Шишкова залогом благоденствия страны. В действительности, четыре века крепостного права в России были не только периодом тотального произвола, но и временем ее военного, экономического и территориального роста.

---

¹²⁵Там же. 222 об.

¹²⁶Там же. Л. 227 об.

§ 3. Оценки А. С. Шишкова положения дел в сфере просвещения.

В послевоенное время Шишков проявлял внимание к положению дел в образовании. В 1815 г. он критиковал в Государственном совете учебные пособия по философии и эстетике. Вице-адмирал возмущался неясностью их слога и полагал, что они наносили вред нравственному развитию юношей. «Науку вкуса» эстетику Шишков называл «темным», непонятным «бредом», рожденным в «воспаленных немецких головах», а о книгах по философии говорил следующее: «Каким светом озарится ум юноши, когда он, прочитав сие или затвердя наизусть, станет, ничего не понимая, сам себе говорить: *Я есть собственное мое существо, остающееся в представлении там же и называемое особою или душою?* На полезное ли он употребит драгоценное время свое, когда в классе философии станет слушать произносимое с важностию от учителя толкование тому, чему давно уже он от резвых сотоварищей своих научился: *что щекотание есть ощущение, рождающее смех и подобное ощущению трения и зуда?* Какая добродетель вкоренится в сердце его, или какой должности своей научится он от всех сих *чувствований и игр удовольствия, приятных или неприятных, сильнейших и слабейших, имеющих влияние одно на другое, отчасти или совершенно уничтожающихся и производящих горькое удовольствие и сладкое неудовольствие?* Науки ли это? В том ли состоит любомудрие и просвещение, чтоб не разуметь самого себя»¹²⁷?

По мысли Шишкова, через книги юношам внушались безверие, кощунство, злонравие, сладострастие и другие пороки. Порчу нравственности вице-адмирал увязывал с попустительством правительств распространению революционных идей Просвещения: «Прошедший век, названный просвещенным и философским, усыпя бдение правительств и возлелеял сей

---

¹²⁷Мнения адмирала и президента Российской академии (впоследствии министра народного просвещения) А. С. Шишкова о рассматривании книг, или о цензуре // Русский архив. 1865 г. С. 1349.

дух безбожия и злонравия, сей дух, истреблениями и убийствами дышащий, от которого потрясаются правительства, потухает свет веры, умолкает закон, гибнет власть, водворяется, свирепствует шумное буйство, а добродетель, труды, науки, художества утопают в потоках крови. Таковы суть следствия, рождающиеся от дремоты правительства смотреть за нравами»¹²⁸.

Предложения Шишкова сводились к изменению правил цензуры. Впоследствии, став министром народного просвещения, он сокрушался о том, что его мнение не стало руководством к действиям, после чего в свет выходило все больше сочинений враждебных монархическому правлению и православной вере¹²⁹. Впрочем, упреки Шишкова в адрес своих предшественников по министерству во многом являлись следствием борьбы за власть в верхах бюрократии. В действительности, в послевоенный период сфера просвещения испытывала усиление давления со стороны правительственных чиновников.

27 марта 1818 г. при Главном правлении училищ был создан Ученый комитет. Его членами являлись И. С. Лаваль, Н. И. Фус, А. С. Стурдза, К. А. Ливен, С. С. Уваров, М. Л. Магницкий, митрополит Филарет, П. С. Мещерский, И. И. Мартынов, С. С. Штер, В. М. Попов. Основной функцией Комитета была предварительная цензура сочинений, написанных частными лицами, и учебников, изданных университетскими профессорами¹³⁰. Учреждение крайне негативно относилось к теориям о животном состоянии первобытного человека, о появлении власти не от Бога, а в результате договора между людьми. Из преподавания исключались целые предметы: естественная история, технология, статистика, начальный курс философии, основания политической экономии¹³¹.

---

¹²⁸Там же. С. 1343.

¹²⁹РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

¹³⁰Матвеева М. В. Цензура и школа в России в первой четверти XIX века : диссертация ... кандидата исторических наук. Москва, 2004. С. 114.

¹³¹Азизова Е. Н. Общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича. Воронеж. 2014. С. 34.

В том же году министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын обязал попечителей учебных округов запрещать те места в книгах, которые были несовместимы с христианским вероучением, насаждали «вольнодумство», «неверие», «безбожничество», «революционную необузданность», «мечтательные философствования», опорочивали догматы православной церкви¹³².

Запретительные тенденции в образовании подогревались национально-конституционным движением в Германии¹³³. Немецкий народ, разделенный границами феодальных княжеств, грезил мечтой о национальном единстве. В 1817 г. Торжества, устроенные в Вартбурге в честь победы над французами в Лейпцигской битве 1813 г. и в честь реформации Лютера, обернулись беспорядками. Студенты жгли книги, содержание которых по тем или иным причинам противоречило идее единства и независимости Германии. Центрами недовольной молодежи были университеты: Гейдельбергский, Йенский, Гессенский и Вюрцбургский. Некоторые из студентов действовали радикально. В 1819 г. в Мангейме К. Л. Занд убил российского посланника А. Коцебу, осуждавшего национально-романтическое движение в Германии. У Занда оказалось немало защитников и подражателей, считавших его поступок «очистительной жертвой за свободу отечества» и достойным повторения¹³⁴.

За этим последовала реакция держав Священного Союза России, Австрии и Пруссии, которые должны были поддерживать существовавший баланс сил в Европе, совместно пресекать народные недовольства. Убежденный сторонник абсолютизма, ненавистник конституционных и либеральных идей министр иностранных дел Австрии К. Меттерних в 1819 г. собрал конгресс немецких государств в Карлсбаде. На нем было решено усилить контроль за

---

¹³²Пустарнаков В. Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб. 2003. С. 109.

¹³³Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902. СПб., 1902. С. 116.

¹³⁴Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования России в царствование императора Александра I; А. Н. Радищев // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 178.

книгопечатанием и университетами, учредить комиссию по расследованию заговоров и революционных замыслов. За высказывание мнений против существовавших порядков и постановлений Св. Союза, преподаватель мог быть предан суду или не допущен к учебной деятельности ни в одном из государств Германского союза. Розыскам и преследованиям не было конца. В итоге конституционное движение в Германии было разгромлено.

Шишков был убежден в том, что немецкие университеты являлись очагами революции и высказывался за ужесточение правительственного контроля в сфере просвещения: «Об немецких университетах, не по слухам, часто неверным, но по самым гласным приключениям, всему свету обнародованным, открылись дерзкия, упразднительные учения и правила, клонящиеся к безначальству, к оправданию наглых смертоубийств, к низпровержению всех божеских и человеческих законов. Сии правила до того поднимают и распространяются, что уже и меч правосудия не только не приведет их в трепет, но к силе, устраненной ими, не смеет против них обнажиться. Мы слышим только жалобы на сей дух своеволия, и нигде не видим твердых поставляемых против них оплотов. Слабые предпринимаются против него меры, подобно тому, как бы разъяренному тигру погрозить прутиком, который умножит только дерзость его и бешенство»¹³⁵.

В немецких университетах получали образование и студенты из России. Там они воспринимали свободолобивые настроения ученой среды. К слову, обучение в Геттингенском университете усилило неприязнь к крепостническим порядкам у Н. И. Тургенева, который участвовал в подготовке ненавистного Шишкову проекта закона о запрете продажи крестьян порознь и без земли¹³⁶. В 1820–1821 гг. последовали правительственные запреты на обучение российских студентов в Гейдельбергском, Йенском, Гессенском и Вюрцбургском университетах¹³⁷.

---

¹³⁵РГИА. Ф.1673, Оп. 1, Д. 87. Л. 1.

¹³⁶Корнилов А. А. Указ. соч. С. 4.

¹³⁷Назаренко Е. Ю. Князь А. Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX века. Воронеж. 2014. С. 129.

Внутри России шли показательные процессы над преподавателями высших учебных заведений. В 1819 г. М. Л. Магницкий внук автора знаменитого учебника «Арифметики» Л. Ф. Магницкого в течение шести дней осмотрел Казанский университет. Он осудил вольнодумство и деизм профессоров, незнание студентами Закона Божьего, их нравственную распущенность, злоупотребления в использовании казенных средств и предложил уничтожить учреждение¹³⁸. Одиннадцать казанских профессоров были удалены из университета как неблагонадежные.

На смену духу свободомыслия в Казанский университет пришла нетерпимость и клерикальная реакция на манер учебных заведений католической Франции и Австрии. Провинившихся студентов именовали «грешными». Их помещали в «комнату уединения» (карцер) с железными решетками на дверях и окнах, с распятием Иисуса и картиной страшного суда на стенах. Набожность и успехи в богословии являлись определяющими факторами при вручении золотых медалей¹³⁹. В качестве наград практиковалась раздача книг духовного содержания. В учебную программу вводилось «богопознание» и христианское учение. Все науки, включая естественные, должны были опровергать, распространенный в ученой среде материализм. Из преподавания исключались концепции о происхождении верховной власти в результате договора между людьми, а также о том, что земля сотворена не Богом и существовала сотни тысяч лет¹⁴⁰. По словам М. И. Богдановича, преподавание носило печать мистицизма и масонского учения¹⁴¹.

Строгую оценку деятельности Магницкого в качестве попечителя Казанского учебного округа дал его современник В. И. Панаев: «Эта эпоха, именовавшаяся возобновлением или преобразованием, отличалась от прежней видимою заботливостью об одной наружности и пренебрежением сущности;

---

¹³⁸Князьков С. А., Сербов Н. И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910. С. 193.

¹³⁹Сухомлинов М. И. Указ. соч. С. 189.

¹⁴⁰Шмид Е. К. История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. С. 163.

¹⁴¹Богданович М. И. Указ. соч. Т. 5. С. 461.

распространением между наставниками и воспитанниками духа лицемерия и ханжества, как верного средства к снисканию благосклонности попечителя; происками и враждою членов университета, щедрыми наградами и возвышением окладов доверенных лиц, частою оных переменою; наконец, огромными издержками по части строительной»¹⁴².

В это же время происходили репрессивные действия В. П. Рунича против профессоров Петербургского университета. К суду над ними Шишков имел отношение как член Комитета министров, где он озвучил свое мнение в 1822 г. Начало делу «петербургских профессоров» было положено рассмотрением в Ученом комитете книги «Право естественное» профессора Царскосельского лицея и Петербургского университета А. П. Куницына. Содержание этого сочинения весьма показательно с точки зрения тех идей, которые высказывались в научной среде, и реакции на них чиновников от образования.

По мнению Куницына, человек имел двоякую природу: чувственную и разумную. Первую из них он трактовал в неприемлемом для Шишкова утилитарном ключе: «Относительно к чувственной природе человека все то называется добрым, что соответствует его стремлению к благополучию, что удовлетворяет его желанию, производя в нем *приятное ощущение*»¹⁴³. Ограничителем желаний, по Куницыну, выступал разум, а не вера. Следованием собственному разуму определялось достоинство и свобода человека, а также социальная справедливость: «Каждый человек внутренно свободен и зависит только от законов разума, а посему другие люди не должны употреблять его средством для своих целей. Кто нарушает свободу другого, тот поступает противу его природы, и как природа людей, несмотря на различие их состояний, одинакова, то всякое нападение, чинимое несправедливо на человека, возбуждает в нас негодование. Сие служит

---

¹⁴²Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. С. 77.

¹⁴³Куницын А. П. Право естественное. СПб. 1818. Кн. 1. С. 2.

доказательством тому, что справедливость людям естественна»¹⁴⁴. Профессор высказывал несовместимую с крепостническими отношениями мысль о недопустимости обращаться с людьми как с собственностью: «Никто не может приобрести права собственности на другого человека ни против воли, ни с его на то согласия»¹⁴⁵.

По юридической части Куницын придерживался либерального учения о приоритете естественного права над правом позитивным, ибо первое устремлялось к идеалам справедливости, рациональности, свободы личности, признавало людей равными и «одинаковыми», второе – покоилось на старинных, часто несовершенных переменчивых законах, было различно для разных государств и групп населения, выражало стремление к общей пользе. Профессор отмечал, что соблюдение врожденных естественных прав человека (право на жизнь и на ее защиту, на честь и благополучие, на свободу мысли, слова, вероисповедания, на свободный выбор занятий и творчество) возможно только в гражданском обществе¹⁴⁶.

В сущности, он стоял на позиции построения в России гражданского общества с присущими ему демократическими институтами, выборной властью и автономией личности от государства. Он озвучивал основные постулаты западного просвещения о том, что свобода одного человека ограничивается свободой другого, о том, что необходимо познать естественное право, чтобы определить справедливость положительных законов. Куницын не соглашался с теми философами, которые утверждали, что «образ правления, воспитание и обычаи служат основанием понятия о праве и справедливости», и что началом права являлась «воля Божеская»¹⁴⁷.

Члены Ученого комитета нашли его книгу радикальной, революционной, попиравшей все существовавшие общественные связи и государственные основы. Попечитель Петербургского учебного округа Д. П.

---

¹⁴⁴Там же. С. 21.

¹⁴⁵Там же. С. 86.

¹⁴⁶Там же. С. 12-13.

¹⁴⁷Там же. С. 27, 32.

Рунич считал ее собранием пагубных идей Ж. Ж. Руссо и Ж. П. Марата, олицетворением революционного террора, антихристианской, направленной против союза родителей и детей¹⁴⁸. Он вместе с И. С. Лавалем одобрил предложение М. Л. Магницкого остановить преподавание естественного права в университетах и прочих учебных заведениях. С этим не согласились академик Н. И. Фус и ректор Петербургского университета М. А. Балугьянский¹⁴⁹. Книга Куницына была запрещена, а его самого в марте 1821 г. отстранили от преподавания в лицее и в университете. Впоследствии он работал в Пажеском корпусе, являлся членом Второго отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии и участвовал в составлении Полного собрания законов.

Союзник Магницкого Д. П. Рунич, с одобрения А. Н. Голицына, в 1820–1821 г. провел проверку Петербургского университета: рассмотрел содержание студенческих лекций, отношение преподавателей к религии, нравственные свойства воспитанников и их успехи в Законе Божьем. Было уволено двенадцать профессоров. А. И. Галич, К. Ф. Герман, Э. В. С. Раупах, К. И. Арсеньев подверглись судебным преследованиям. Против них выдвигались обвинения в отрицании божественного происхождения государства, христианских догматов, в утверждении атеизма и материализма, в проповедовании теории общественного договора и философии Ф. Шеллинга, в критике крепостного права, сословного строя и государственной статистики. Рунич считал, что в умах студентов вкоренялись идеи, разрушительные для общественного порядка¹⁵⁰.

В ходе следствия выяснилось, что вышеупомянутые профессора пользовались иностранными книгами, западными методиками преподавания и своими трудами, составленными по иностранным образцам. Их сочинения были изъяты из учебного процесса. Ректор Петербургского университета М.

¹⁴⁸Корнилов А. А. Указ. соч. С. 25.

¹⁴⁹Азизова Е. Н. Указ. соч. С. 65.

¹⁵⁰Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1800–1863). СПб., 1892. С. 140–141.

А. Балугьянский, вступившийся за профессоров, был вынужден подать в отставку. В октябре 1821 г. автономия университета была ограничена по примеру Казанского. Вводилась строгая дисциплина, а в изложении наук стала господствовать Библия и идея верности самодержавию¹⁵¹.

Как показывала Е. Н. Азизова, вдохновитель судебного процесса над петербургскими профессорами Д. П. Рунич являлся деятельным масоном. С 1804 г. он состоял в масонской ложе «Умиравший сфинкс» А. Ф. Лабзина, а в 1806 г. распространял его журнал «Сионский вестник». Под влиянием Лабзина Рунич вступил в мистическое общество «Новый Израиль», которое ставило целью возвещать народам о приближении второго пришествия Иисуса Христа. Из популярной мистической литературы он черпал идеи о приоритете религиозного самоуглубления (поисков Бога в своем сердце) над обрядовой стороной христианских конфессий: «внутренней церкви» над «внешней». Он принял деятельное участие в созданном в 1812 г. Библейском обществе, ставшем своего рода легальной масонской ложей¹⁵².

Комитет министров признал выписки из трудов петербургских профессоров опасными и возмутительными. А. Н. Голицын предлагал выслать Германа и Раупаха из России, запретить Арсеньеву заниматься преподаванием, а Галича перевести на другую университетскую должность. Мнения разделились пополам. Пять членов, включая Шишкова, высказались за удаление Германа, Раупаха и Арсеньева из Петербургского университета с запретом заниматься преподавательской деятельностью, остальные считали достаточным их увольнение из университета¹⁵³.

Выступая в Комитете министров 14 февраля 1822 г., вице адмирал вспоминал, как семь лет тому назад его мнение о необходимости изменить цензуру дважды читалось и было одобрено в Государственном совете, но никаких мер не последовало. Учителя под предлогом свободомыслия

---

¹⁵¹Азизова Е. Н. Указ. соч. С. 73–74.

¹⁵²Там же. С. 37–47.

¹⁵³Сухомлинов М. И. Указ. соч. С. 263–265.

продолжали внушать учащимся «мечтательные», «дерзкие» идеи, несовместимые с «нравоучениями веры» и «общими правилами». По его словам, «новомыслие и вольнодумство заразило все наши училища, в них под предлогом нового просвещения, нового образа мыслей, преподавалось презрение ко всему старому, к языку, правительству, законам, нравственности и даже к самой вере»¹⁵⁴. По справедливому замечанию В. Я. Стоюнина, «в обвинении профессоров Шишков видел подтверждение всего, что он говорил прежде об испорченности наших школ, из которых выходили юноши уже развращенными»¹⁵⁵.

Как и прежде, Шишков критиковал ученых за «неясность» мыслей, а также обвинял во взимании большой платы за уроки. Он осуждал запоздалость мер против либерализма в области просвещения. По мысли вице-адмирала, власти долгие годы поощряли научных работников ровно за то, в чем теперь стали их обвинять. По его мнению, это и стало причиной того, что петербургские профессора не считали свое вольнодумство виной¹⁵⁶.

Следствие против них, с точки зрения вице-адмирала, были чрезмерно репрессивными: ученых целые сутки держали взаперти, допрашивали и не отпускали, пока те не повинятся и не напишут свои оправдания, им предлагались «странные и притеснительные вопросы, какие может делать облеченное в силу и власть суеверие»¹⁵⁷.

Шишков вновь предлагал преобразовать цензуру. Он хотел сделать ее «умной и осторожной», «ни слабой, и не строгой», не попустительствующей «вредным внушениям», но и не препятствующей «говорить уму» и «правде». Действия голицынских цензоров вице-адмирал считал не умными. С одной

---

¹⁵⁴Шишков А. С. Указ. соч. С. 141.

¹⁵⁵Стоюнин В. Я. А. С. Шишков // Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч. 1. С. 280.

¹⁵⁶Мнения адмирала и президента Российской академии (впоследствии министра народного просвещения) А. С. Шишкова о рассматривании книг, или о цензуре // Русский архив. 1865 г. Стб. 1353–1356.

¹⁵⁷Шишков А. С. Указ. соч. С. 142.

стороны из поэтических произведений не к месту удалялись безобидные высказывания, с другой – закрывались глаза на опасные книги¹⁵⁸.

Таким образом, отношение Шишкова к делу петербургских профессоров показывает, что он пребывал в оппозиции к политике голицынских чиновников. С одной стороны он критиковал либеральные идеи, распространяемые научными работниками, с другой – непродуманные действия бюрократии, которая несвоевременно и с излишней жесткостью боролась с последствиями долго утверждавшегося в системе просвещения либерализма. Хотя и Шишков, и Рунич, и Магницкий провозглашали приоритет религии в образовании, вице-адмирал критиковал последних за «суеверие», и, по сути, винил их в мракобесии. Он желал преобразования цензуры на новых началах, которые устроили бы всех: не сковывали свободу творчества и самовыражения, пресекали распространение антимонархических идей.

---

¹⁵⁸Мнения адмирала и президента Российской академии (впоследствии министра народного просвещения) А. С. Шишкова о рассматривании книг, или о цензуре // Русский архив. 1865 г. С. 1357.

Глава 4. Деятельность А. С. Шишкова на посту министра народного просвещения и главноуправляющего делами иностранных исповеданий (1824–1828 гг.)

§ 1. Преодоление религиозно-космополитических тенденций министерства А. Н. Голицына

Деятельность Шишкова в сфере образования была ознаменована критикой политики его предшественника А. Н. Голицына, который в 1817–1824 гг. возглавлял «объединенное» Министерство духовных дел и народного просвещения. Как следовало из самого названия министерства, вопросы веры и воспитания молодого поколения в то время были тесно связаны. Особенно эта связь усилилась после описанных ранее запретительных и репрессивных мер в отношении российских университетов, бывших в глазах некоторых консерваторов рассадниками атеизма, безбожия и материализма. По историографическим оценкам насаждение религиозных начал в образовании при Голицыне носило печать обскурантизма¹. Шишкову в целом были присущи страхи элит перед рационализмом эпохи Просвещения, которая, по его понятиям, взлелеяла революцию 1789 г. Приоритет образовательной политики для него заключался в следующем: «Науки, изощряющие ум, не составляют без веры и без нравственности благоденствия народного»².

Если понимание необходимости религиозно-нравственного воспитания являлось общим для правящих элит, то в вопросах веры имелись расхождения. С именем Шишкова связан поворот к православным началам в просвещении³.

---

¹Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования России в царствование императора Александра I; А. Н. Радищев // Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1. С. 160.

²РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. Л. 59.

³Князьков С. А., Сербов Н. И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М., 1910. С. 200.

Голицын же имеет историографическую славу «убежденного экумениста»⁴. Как показывал Е. Ю. Кондаков, глава «Объединенного» министерства способствовал пропаганде эзотерических учений, ревниво нападал на любые выступления инакомыслящих, считал обрядовую сторону христианства второстепенной⁵. Кроме того, он являлся посетителем популярной секты Е. Ф. Татариновой. Адепты этой секты устраивали религиозные экзальтации, доводившие их до исступления⁶. Голицын исключал всякую самостоятельность Св. Синода. Он лично присутствовал на его заседаниях, осуществлял в нем кадровую политику, собирал сведения о положении дел в епархиях, утверждал рапорты клира и подчинил своему влиянию обер-прокурорскую должность⁷.

Большинство русского народа традиционно придерживалось православной веры. Иное дело представляли религиозные взгляды элит: «К сожалению, все почти <...> люди тогдашнего высшего общества, питомцы XVIII века, при обращении своем к вере имели обыкновение примыкать не к православию, на которое смотрели свысока, как на веру исключительно простонародную, а к аристократическому, блестящему католичеству, или еще чаще – к бездогматному, мнимо-возвышенному и модному тогда по всей Европе мистицизму, который позволял им верить во все и ни во что», – отмечал П. В. Знаменский⁸. Сущность мистицизма, по словам И. А. Чистовича, состояла «в чувстве постоянного, живого, духовного общения с

---

⁴Назаренко Е. Ю. Князь А. Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX века. Воронеж. 2014. С. 90.

⁵Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792-1838) и его время. СПб., 2000. С. 63.

⁶Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1871. Т. 5. С. 338.

⁷Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003. С. 218-221.

⁸Знаменский П. В. Чтения из истории русской церкви за время царствования императора Александра I. Казань, 1885. С. 7.

Богом и в стремлении к духовному возрождению силою внутреннедействующей в человеческом духе благодати»⁹.

В России пользовались популярностью религиозные сочинения И. Г. Юнг-Штиллинга, К. Эккартсгаузена, Ф. О. Шатобриана, Э. Сведенборга, Л. К. де Сен-Мартена, Я. Беме, Ф. С. Фенелона, Ж. М. Гюйон. В них проповедовались идеи отказа от обрядовой стороны официальной церкви, от посредничества в ее лице между Богом и человеком, самостоятельные религиозные поиски личности без руководства священников, эсхатологические ожидания близости конца света и пришествия Мессии, обращение к раннему христианству. По словам Ю. Е. Кондакова, мистики, заявляя себя сторонниками истинной веры, бросали вызов официальной церкви, которая считала их таинства сатанинскими, а их самих адептами сатаны¹⁰. В докладной записке Николаю I Шишков отмечал, что Россия была наводнена мистическими книгами. Они обращались среди всех сословий, рассылались в светские и духовные училища, раздавались воспитанникам в награду за успехи в учебе и благонравие¹¹.

Проявлением нетрадиционной религиозности в России стало широкое распространение сект. Увеличили число своих приверженцев «хлысты» и «скопцы», которые практиковали оскпления своих адептов. В Саратовской губернии до ста тысяч выросло число раскольников-молокан¹². Стержнем их идеологии было непризнание никакой власти. Особенно охотно в молоканство переходили помещичьи крестьяне. Во время богослужений сектанты использовали так называемые радения, в ходе которых они исполняли эмоциональные песнопения и ритуальные танцы с целью приведения

---

⁹ *Чистович И. А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894. С. 153.

¹⁰ *Кондаков Ю. Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 10.

¹¹ Две всеподданнейшие записки А. С. Шишкова (О главнейших распоряжениях министерства народного просвещения с июня 1824 года по январь 1826 г) // Русская старина. 1896. Т. LXXXVII. № 9. С. 578.

¹² *Пытин А. Н.* Российское Библейское общество, 1812–1826 // Вестник Европы 1868. № 12. С. 720.

участников в экстатическое состояние. Отставной есаул Евлампий Котельников на Дону образовал кружок единомышленников. Он пророчествовал о скором Апокалипсисе, произвольно толковал Св. Писание, отрицал святость икон, выдавал себя за предтечу Христа, называл священными книги европейских мистиков¹³.

Кроме того, александровское царствование являлось золотым веком масонства¹⁴. В переводе с французского языка франкмасоны именуется «вольными каменщиками». Их легендарная миссия – продолжение дела средневекового ордена тамплиеров – строительство Соломонова храма. В масонские ложи вступали коронованные особы, представители аристократии, жаждавшие духовно-нравственного совершенствования и установления корпоративных связей. Они собирали средства на издание мистической литературы, использовали тайные символы, знаки и аллегорические ритуалы, понятные лишь посвященным.

С масонством в конспирологическом дискурсе связывается западное закулисное лобби и «подрывная деятельность» в России. Ему приписывают русофобию, космополитизм, разрушение национальных идеалов, безбожие, вплоть до сатанизма, а также заговор с целью установления мирового господства «богоизбранных» посредством тайного мирового правительства, состоящего из иудаистских лидеров, с последующим закабалением всего человечества. Аргументом в пользу конспирологической версии служит утверждение о том, что российские масонские ложи с XVIII века являлись филиалами масонских орденов Западной Европы и тщательно исполняли все инструкции их руководителей¹⁵.

Согласно некоторым мнениям, рядовые члены отечественных лож не догадывались об истинных намерениях своих закулисных руководителей:

---

¹³*Жмакин В. Н.* Ересь есаула Котельникова // Христианское чтение. 1882. № 11–12. С. 755.

¹⁴*Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография. Воронеж, 2011. С. 267 с.

¹⁵*Платонов О. А.* Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ. М., 2011. С. 7.

«Большинство русских масонов не имели ни малейшего понятия о тайных целях масонства, на высших степенях посвящения связанными с темными силами человечества, воплощенными в мировом финансовом капитале, — отмечал В. И. Карпец. — Многие становились масонами из любопытства, моды или из стремления пробиться к более высоким ступеням общественной лестницы — о взаимной поддержке «братьев — вольных каменщиков» ходили легенды. Многие дворяне шли в ложи еще и потому, что разрыв между церковью и обществом, произошедший в петровское время, создал своеобразную духовную пустоту»¹⁶. П. О. Бобровский рассматривал неподконтрольность масонских лож российскому правительству как явление разрушительное для государства: «Масоны, составляя государство в государстве, обособлялись от церкви и от правительства союзами, правами, обрядами, намерениями и целями. Это была какая-то заразительная болезнь, грозившая смертью государству, вследствие своего распространения. Государство согревало змею, сосавшую его грудь и готовую вырвать сердце, которое его питало»¹⁷.

В представлениях позднего Шишкова российское масонство связывалось с именами Н. И. Новикова, И. П. Тургенева, И. В. Лопухина и через них восходило к французским революционным учениям¹⁸. Впрочем, и его собственная биография была отмечена литературными контактами в масонской среде¹⁹. Как показывала Т. О. Соколовская, в 1780-х гг. он являлся почетным членом «Ложы Нептуна» в Кронштадте²⁰. Эта ложа, как и многие ей подобные, имела просветительскую направленность. О политической составляющей масонских связей Шишкова сведений нет.

¹⁶Карпец В. И. Муж отечестволюбивый. М. 1987. С. 72.

¹⁷Бобровский П. О. Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I. СПб., 1890. С. 230.

¹⁸Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 2. С. 269.

¹⁹Полежаева Т. В. Религиозные основания консервативной концепции А. С. Шишкова : диссертация ... кандидата исторических наук. Томск. 2016. С. 64–74.

²⁰Соколовская Т. О. О масонстве в прежнем русском флоте // Море. 1907. № 8. С. 2–39.

Необходимо отметить, что с конца царствования Екатерины II правительство с недоверием относилось к «вольным каменщикам», обвиняло их в связях с якобинцами. «Фармазонами» называли вольнодумцев и шарлатанов. В некоторых сочинениях открыто говорилось о связи между масонством и революцией 1789 г. В 1805–1809 гг. в Москве издавалась многотомная книга французского аббата Огюстена Баррюэля с красноречивым названием «Вольтерианцы или история о якобинцах, открывающая все противохристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющие влияние на все европейские державы». В ней рассказывалось о существовании в Европе с середины XVII в. тайного общества, действовавшего под прикрытием масонских лож. Его основателями объявлялись Вольтер, Дидро, Аламберт, император Фридрих II. Масонам вменялись намерения уничтожить монархии и христианские церкви, размножить незаконные книги и злоумышления под видом веротерпимости, защитить завоевания Французской революции²¹. В сущности, это был тот самый идеологический багаж, который нашел отражение во взглядах Шишкова и других православных консерваторов на распространение западных религиозных веяний в России.

В 1822 г. масонские ложи в России были официально запрещены, а чиновники должны были предоставлять записки о том, состояли ли они в тайных организациях и с какой целью. В апреле 1826 г. Николай I вторично подтвердил александровский запрет. Шишков и его подчиненные на запрос Министерства внутренних дел отвечали тем, что никогда не состояли в тайных обществах, не давали им никаких клятв и словесных обещаний²².

Благоприятную идеологическую почву для развития нетрадиционных вероучений подготовил Священный союз держав победительниц Наполеона, первоначально состоявший из православной России, католической Австрии и протестантской Пруссии. Образованный в 1815 г. он знаменовал собой

---

²¹Кондаков Ю. Е. Указ. соч. С. 132.

²²РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 36. Л. 15.

братство христианских монархов и вверенных им единым Богом народов²³. Общехристианский религиозный фундамент политического объединения отодвигал на второй план конфессиональные различия между народами. Мистически настроенные идеологи Священного союза В. Ю. Крюденер, И. Г. Юнг-Штиллинг оказывали влияние на Александра I, направляя его взгляды в русло экуменизма, то есть на преодоление вероисповедных разногласий и последующего объединения церквей.

Духом религиозного космополитизма было проникнуто открытое в России в 1812 г. Библейское общество: «Небесный союз веры и любви, – цитировал отчет организации за 1818 г. И. А. Чистович, – учрежденный посредством библейских обществ в великом христианском семействе, открывает прекрасную зарю брачного дня христиан, и то время, когда будет один пастырь и едино стадо, то есть, когда будет одна божественная христианская религия во всех, различного образования, христианских исповеданиях»²⁴.

Первоначально библейские общества появились в начале XIX столетия в Великобритании и вскоре расплозились по всему свету. Их целью был перевод Священного Писания на языки народов мира, с последующим его изданием и распространением в массах по недорогой цене. Задачи, которые преследовало «библейское дело» состояли в приобщении язычников, мусульман и прочих иноверных народов к христианству. Кроме того, переложение Св. Писания с древних языков (с латинского, греческого) на современные позволял христианам самостоятельно читать и толковать Божье Слово, не прибегая к руководству церковнослужителей. Аналогичной деятельностью за несколько веков перед этим занимались европейские протестанты Мартин Лютер, Уильям Тиндейл и Джон Роджерс. С 1816 г. Российское библейское

---

²³Знаменский П. В. Указ. соч. С. 30.

²⁴Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб. 1899 г. С. 53.

общество, по настоянию Александра I, начало перекладывать церковно-славянский текст на «природный» русский язык²⁵.

Отечественные «библейцы» имели тесные связи с границей. Издержки их издательской деятельности в значительной степени покрывались Лондонским обществом, возглавляемым Джоном Петерсоном. Английский агент Роберт Пинкертон непрерывно путешествовал по России с рекомендательными письмами от Голицына, склоняя местное начальство к открытию библейских комитетов, а после собирал отчеты об успехах распространения Слова Божия²⁶.

Активная роль Запада в духовной жизни России не была бы возможной без поддержки Александра I. А. Н. Пыпин видел прямую связь между религиозными исканиями императора и целями Библейского общества: «Мистические тенденции Общества соответствовали его собственным влечениям в этот период его жизни, – отмечал исследователь. – Он сам лично интересовался теми людьми, которые содействовали развитию пиетических²⁷ стремлений в русском обществе, он оказывал им внимание и поддерживал их. Ему казалось, что распространение библейской религиозности будет могущественным средством основать то христианское воспитание, на котором утверждается спокойствие и счастье народов»²⁸. Ю. Е. Кондаков рассматривал Александра I как космополита в вопросах веры, сторонника полной веротерпимости в рамках христианства, экумениста и проводника реформации Православной Церкви²⁹.

В Библейское общество был вовлечен весь бюрократический аппарат империи, начиная от императора, министров и губернаторов, заканчивая

²⁵Богданович М. И. Указ. соч. Т. 3. С. 201.

²⁶Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894. С. 159.

²⁷Пиетизм - изначально движение внутри лютеранской и реформатской церкви, характеризующееся приданием особой значимости личному благочестию, религиозным переживаниям верующих, ощущению живого общения с Богом. При Александре I пиетизм получил широкое распространение в придворных кругах.

²⁸Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 708.

²⁹Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000. С. 61–62.

начальниками войск, предводителями дворянства, руководителями учебных заведений, прокурорами, почтмейстерами, архиереями, городничими и помещиками³⁰. По словам А. Ю. Минакова, оно стало своего рода школой кадров для правительства³¹.

Президентом этой организации был А. Н. Голицын. Обер-прокурор Св. Синода, член Главного правления училищ П. С. Мещерский занимал пост вице-президента Библейского общества. Секретарями в нем были главы департаментов Духовных дел и Народного просвещения А. И. Тургенев и В. М. Попов соответственно.

До середины 1820-х гг. «библейцы» пресекали возмущения своих противников. По словам А. Н. Пыпина, они «употребляли насилие, чтобы заставить молчать своих врагов»³². В 1816 г. не прошло духовную цензуру сочинение С. И. Смирнова «Вопль жены, облеченной в солнце, или Победная повесть православной греко-российской соборной и апостольской церкви против Победной повести И. Г. Юнг-Штиллинга». В ней разоблачались: масонский заговор, затеянный с целью разрушения традиционных религий и низвержения монархий; свободная трактовка пророчеств Иоанна Богослова; предсказания всемирной революции.

В 1818 г. «библейцы» конфисковали и сожгли весь тираж книги «Беседа на гроб младенца». Ее автора, литератора шишковского круга Е. И. Станевича, выслали из Петербурга. Пропустивший через цензуру первый экземпляр этой книги, архимандрит Иннокентий (Смирнова) был удален сначала в Оренбург, а затем в Пензу, где и умер 10 октября 1819 г. В своей «Беседе» Станевич проводил мысль о неотделимости веры от церковных таинств и обрядов. Он

---

³⁰Знаменский П. В. Указ. соч. С. 40.

³¹Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века : монография. Воронеж, 2011. С. 273.

³²Пыпин А. Н. Указ. соч. № 11. С. 250.

беспощадно критиковал мистические учения, как дьявольские, созданные, чтобы уничтожить христианство³³.

Кроме того, В. М. Попов отстранял от занимаемых должностей директоров учебных заведений, профессоров и учителей, которые не одобряли религиозно-просветительскую деятельность «библейцев».

В начале 1820-х гг. укрепляются позиции сторонников традиционного православия. Этому способствуют революции в Неаполитанском королевстве и в Испании, восстание в лейб-гвардии Семеновском полку в 1820 г., запрещение масонских лож, высылка иезуитов из страны. Резня греческого духовенства, ученная турками с молчаливого согласия Англии в 1821 г., побудила верховную власть запретить деятельность всех проанглийских учреждений в России. Против князя А. Н. Голицына образовалась своего рода «православная партия». Нити заговора находились в руках А. А. Аракчеева, М. Л. Магницкого и архимандрита Фотия (Спасского).

6 декабря 1823 г. Шишков был произведен в адмиралы, а 15 мая 1824 г. возглавил Министерство народного просвещения и главное управление духовных дел иностранных исповеданий³⁴. Дела православной церкви сосредоточились в руках Св. Синода, который тем самым вернул себе самостоятельность.

Назначение на министерский пост стало для адмирала событием внезапным и неожиданным. В то время он сетовал на свою старость, болезни, слабое зрение и плохую память³⁵. На новом поприще ему было определено ежегодное жалование в двенадцать тысяч рублей. За ним сохранялся оклад члена Государственного совета, выплаты за пост президента Российской Академии, а также доходы, производившиеся от Адмиралтейства в размере близком к пяти тысячам рублей³⁶.

---

³³Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1800–1863). СПб., 1892. С. 196.

³⁴РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

³⁵Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. С. 89.

³⁶РГИА. Ф. 1673. Оп. 1, Д. 3. Л. 3.

Сразу по вступлении в новую должность Шишков принялся разоблачать политику предшествовавшего министерства. 20 мая 1824 г. он прочитал в Комитете министров свой разбор сочинения немецкого миссионера и одного из директоров Библейского общества И. Е. Госснера «Евангелие от Матфея». Перевод на русский язык и прохождение этой книги через цензуру стали поводом к отставке Голицына. Адмирал был убежден, что за двусмысленными фразами Госснер скрывал революционные и антихристианские мысли: «Проповедник везде располагает учения свои так, чтоб они были двусмысленны, то есть, чтоб вдавшемуся уже в революционные мысли были ясны, а христианину, твердому еще в вере своей, казались христианскими, и только понемногу смущали его и отвлекали от оной», – отмечал Шишков в своем разборе сочинения³⁷. По оценке Ю. Е. Кондакова, книга содержала в себе открытые нападки на православие³⁸.

Первое из того, что подвергалось осуждению адмирала – это «некоторая чернота на имена царей», объявление «большой часть царей <...> людьми злыми», «Иродами», призывы «всякому бежать и удаляться от них, как от некой заразы». Во всем этом Шишков усматривал порицание монархического правления. Там, где речь шла о том, что Вифлеемская звезда не из тех звезд, которые носят на платье, адмирал угадывал неуважение к чинам: «Кому придет в голову свет Евангельского откровения сравнивать с кавалерийскою звездою? Вся цель уподобления сих звезд не может быть иная, как та, чтоб внушить некоторое неуважение и презрение к звездам на платьях»³⁹.

Министр зачитывал те места госснеровской книги, в которых, по его мнению, церковный клир обвинялся в карьеризме, лицемерии, в обмане паствы с целью добиться мирских благ, «почестий и преизобилия». Адмирал утверждал, что Госснер называл священников «ослепленными книжниками», «служившими одному только Ироду», а православную паству считал «чуждой

³⁷Шишков А. С. Указ. соч. С. 196, 201.

³⁸Кондаков Е. Ю. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801-1825). СПб., 1998. С. 147.

³⁹Шишков А. С. Указ. соч. С. 196.

благочестия»⁴⁰. Согласно выпискам Е. Ю. Кондакова, подобные утверждения действительно присутствовали в сочинении проповедника⁴¹.

По мнению Шишкова, Госснер противопоставлял стяжательству официальной церкви аскетизм первохристиан, призывал к отпадению от православной веры, к «обретению» Христа в «униженном, презренном» «Вифлееме, в яслах, в бедности, в поругании, в гонениях и страданиях», но «не во храме Иерусалимском, который соделался вертепом разбойников, не при дворе Ирода, не в пышном и блистательном состоянии, но в простом, тихом и чистом быту, в унижении и простоте»⁴². В сочинении Госснера адмирал встречал открытое презрение к православным людям: «Вы, – цитировал проповедника Шишков, – состоя в православной церкви, при всей тщетной славе и ложном уповании на вашу устную веру и наружно честное житие останетесь чадами дьявола и ада»⁴³.

Госснер, по мнению адмирала, являлся космополитом, утверждавшим, что «христианин не желает иметь иного отечества, кроме обширного шара земного, принадлежащего Господу»⁴⁴. Для Шишкова это было неприемлемо, поскольку православная вера для него являлась атрибутом «русскости», средством национальной самоидентификации⁴⁵.

Из критики министра следовало, что госснеровское «Евангелие от Матфея» осуждало догматы церкви, руководство священников. Верующим предлагалось самостоятельно «искать» Бога, обращаясь к собственному сердцу и жизненному опыту. С точки зрения Шишкова, такая практика могла привести лишь к поощрению пороков. Так, по его мнению, проповедник «советовал мужьям терпеть неверность своих жен», исходя из своего

---

⁴⁰Там же. С. 190.

⁴¹Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 279.

⁴²Шишков А. С. Указ. соч. С. 194.

⁴³Там же. С. 203.

⁴⁴Там же. С. 202.

⁴⁵Минаков А. Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX века в России // Вестник российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 12. С. 14.

отрицания христианского догмата о непорочном зачатии Иисуса Христа. В качестве доказательства он приводил слова Госснера о том, что Деву Марию «познал Иаков» и она, помимо Христа, еще «многих детей рожала»⁴⁶.

Чаяния революции адмирал угадывал в интерпретации проповедником новозаветной истории об «избиении младенцев» царем Иродом и чудесном спасении Иисуса Христа: «Какая опасность настоит? И по какой недоверчивости проповедник готовится к *оружию*? – вопрошал Шишков. – Никто из князей мирских не восстает на разрушение веры. Никто из христианских государей не думает, что Христос возрастет и придет отнять у него царство и престол. Как возрасти тому, кто давно уже возрос, умер и воскрес? По какому приличию дела и мысли Ирода относить на нынешних царей? Не явно ли и здесь, как и везде в других местах открывается хитрость проповедника, что он под именем младенца-Христа понимает *революцию*, то есть разрушение православной церкви и престолов? О ней говорит, что князья мирские, *разведав о положении сердец*, стараются потушить ее, не дать возрасти младенцу, и, что, несмотря на их кротость и смирение, не надобно доверять им, и должно готовить против них оружие»⁴⁷.

Опасения правящего класса перед возможностью революции подкреплялись деятельностью централизованной и разветвленной сети тайной полиции в гвардейских и армейских частях, а также в гражданской сфере. Производились аресты заговорщиков⁴⁸. После восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. и судебных следствий над его участниками, верховная власть получила подтверждение тому, что в России уже десять лет действовали тайные антиправительственные организации и похожим образом обстояли дела в Польше, на Украине, в Прибалтике. Предпринимались попытки выйти на иностранный след тайных обществ.

---

⁴⁶Шишков А. С. Указ. соч. С. 193.

⁴⁷Там же.

⁴⁸Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...» Следствие и суд над декабристами. М., 1988. С. 13–25.

Некоторые декабристы использовали религиозную пропаганду в революционных целях. Так, например, повешенные в Петропавловской крепости С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин подготовили прокламацию «Православный Катехизис», которая распространялась среди солдат и крестьян во время восстания Черниговского полка. В ней говорилось о царях-тиранах, которые, вопреки Божьей воли, похитили у русского народа свободу. Заговорщики призывали с оружием в руках восстать против монархии и «восстановить правление, сходное с законом Божиим», то есть такое, где все равны⁴⁹. Декабристы осуждали присягу мирским царям, как отступление от истинного учения Иисуса Христа, и официальную церковь, призывавшую молиться за самодержцев.

На фоне подобного рода хилиастических чаяний построения Царства Божьего на земле посредством вооруженного восстания, опасения Шишкова не кажутся абсурдными. Согласно его докладу Александру I, сделанному в Царском селе 7 июня 1824 г., революции начинаются не с кровопролитий на площадях, но «производятся стремлениями к разрушению господствующей в ней веры»⁵⁰.

Благодаря усилиям адмирала, И. Е. Госснера выслали за границу. Его «Евангелие от Матфея» было сожжено в печах кирпичного завода Александро-Невской Лавры 10 сентября 1824 г. Лица причастные к цензуре, переводу и изданию этого сочинения (В. М. Попов, К. К. фон-Поль, А. С. Бируков, А. Хр. Безак, Ф. А. Трескинский, И. Ф. Яковкин, Н. И. Греч) были отданы под суд. Они, по мнению Шишкова, внесли в текст Госснера собственные крамольные добавления. Адмирал отмечал, что в книге проповедника говорилось об избавлении народа от «тягости, мучительства и насилия греха», а в русском переводе значилось: «Спаситель избавит народ свой от грехов, мучений и власти»⁵¹.

---

⁴⁹Цит по : *Щербаков А. Ю.* Декабристы. Заговор против России. СПб., 2005. С. 277.

⁵⁰*Шишков А. С.* Указ. соч. С. 170.

⁵¹Там же. С. 190.

Активную роль в защите В. М. Попова в Сенате играл И. М. Муравьев-Апостол. Его мнение заключалось в следующем: бывший директор Департамента народного просвещения не изменил смысл подлинника и поправил только слог; своих мыслей он нигде не помешал; его перевод был буквальным; Попов не порицал правительственного мнения о «вреде» госснеровского «Евангелия»; он не оказывал влияния на цензоров, пропустивших книгу, ибо находился за границей; закон не воспрещал директорам народного просвещения поправлять книги⁵².

Аргументы Муравьева-Апостола, к которому присоединились многие сенаторы, с точки зрения Шишкова, заключали в себе посприятие законам и здравого рассудка. По его мнению, чиновник способствовал насаждению в России протестантизма, лично поправлял «Евангелие от Матфея» в антиправославном духе, а его оправдание рассматривал как потворство «самому злейшему покушению на церковь, престол и отечество»⁵³.

Адмиралу было близко мнение сенатора П. И. Сумарокова, которое содержало в себе отповедь мистико-космополитическому курсу правительства, как продолжению богоотступнических проявлений Просвещенного XVIII в. Вину Попова Сумароков видел в следующем: вернувшись из-за границы, тот «не остановил» по своей директорской обязанности еретического сочинения Госснера, не направил книгу в духовную цензуру, как того требовал закон о цензуре от 9 июля 1804 г.; Попов не внимал недовольству «благочестивых людей» и католиков, для которых Госснер проповедовал в Петербурге; Директор Департамента народного просвещения не мог не знать, что «лжеучения» Госснера были причиной изгнания того из Баварии; он сам принимал участие в переводе книги; после правительственного осуждения госснеровского «Евангелия» Попов отзывался об авторе с похвалой, выставял его истинным христианином. Сумароков

---

⁵²Мнение сенатора Муравьева-Апостола по делу д.с.с. Попова о цензуре // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1859. Октябрь–декабрь. Кн. IV. Смесь. С. 37–42.

⁵³Шишков А. С. Указ. соч. С. 243–247.

считал его если не преступником, то «опасным фанатиком», который покусился на главный столп государственности – христианскую веру. Сенатор показывал, что российские законы предусматривали для богохульников суровые наказания, вплоть до сожжения, и милостиво предлагал выслать Попова в монастырь⁵⁴.

Несмотря на потуги Сумарокова в Сенате и Шишкова в Государственном совете, Попов был оправдан. В 1828 г. с фигурантов «Дела Госснера» окончательно были сняты все обвинения⁵⁵. Этот результат адмирал считал неприемлемым. Он добивался от самодержавия полного отказа от заграничного влияния на духовную жизнь России. Так, например, во время аудиенции 14 декабря 1824 г. он предостерегал Александра I тем, что «коварная» Англия на погибель страны засылала своих миссионеров, которые считали Россию культурно и духовно неполноценной страной, «просвещали» русских будто «дикий народ». Истинная цель иностранных проповедников, согласно взглядам Шишкова, была та же, что у французских воспитателей: поработить русских не силой оружия, но «лукавством и хитростью»⁵⁶.

Таким образом, в вопросах веры адмирал представляется убежденным националистом. Он смотрел на православие как на единственный источник русской духовности. Для Шишкова глубоко враждебна мысль о том, что русский народ недостаточно религиозен и потому иностранные проповедники должны его просвещать.

От Александра I адмирал добивался закрытия библейских обществ и прекращения переводов Библии с церковно-славянского на русский язык. «Библейское дело», в его понятиях, связывалось с протестантизмом и реформацией. Шишкова возмущало то, что православные архиереи в рясах и клобуках заседали в библейских комитетах вместе с католиками, лютеранами,

---

⁵⁴Мнение сенатора Сумарокова по деду д.с.с. Попова о цензуре // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1859. Октябрь-декабрь. Кн. IV. Смесь. С. 43–48.

⁵⁵Скабичевский А. М. Указ. соч. С. 206.

⁵⁶Шишков А. С. Указ. соч. С. 225-235.

кальвинистами и другими протестантами, а перед ними человек во фраке проповедовал слово Божье. В этом адмирал усматривал отход от «апостольских постановлений», объявлявших православное учение единственно верным, а также умаление авторитета православного клира. Обстановка веротерпимости «библейских» собраний вызывала у него ассоциации с театральными представлениями, с «Содомом и Гоморой», ибо на стенах висели картины с изображениями языческих богов и амурными сценами, а присутствовавшие люди часто вместо чтения молитв пировали и плясали⁵⁷.

Среди антироссийских последствий «библейской» деятельности адмирал выделял следующие: ослабление авторитета Евангелия в массах за счет его широкой доступности, вплоть до использования в качестве обертки для домашних вещей, распространение экуменических настроений, космополитизма и республиканизма. Истинная цель «библейцев», согласно одному из его писем к Александру I, заключалась в том, чтобы «составить из всего рода человеческого одну какую-то общую республику и одну религию»⁵⁸.

Перевод Библии на все языки мира, по мнению адмирала, вел к искажению ее первоначального смысла, к утверждению раскола и отпадению народа от православной веры. Широкая веротерпимость, с точки зрения Шишкова, служила почвой для утверждения среди неграмотных людей еретических и революционных учений, способствовала появлению прямых призывов к бунту, особенно в солдатской и есаульской среде. К плодам политики религиозной свободы он также относил участвовавшие случаи воровства, грабежей, убийств и даже оскотлений⁵⁹.

Библейское общество, согласно его докладу Александру I от 16 ноября 1824 г., «почитало церковь нашу заблудшею, первосвященников наших

---

⁵⁷Пытин А. Н. Указ. соч. № 12. С. 723.

⁵⁸Шишков А. С. Указ. соч. С. 228.

⁵⁹Пытин А. Н. Указ. соч. С. 726.

неверующими, всех царей и вельмож угнетателями народов», и готовило в России революцию: «Из исследования всех действий библейских обществ <...> ясно и несомненно открывается, что настоящая цель их, прикрываемая ложным усердием к распространению чтения священных книг, состоит в том, чтоб истребить православие, возмутить отечество и произвести в нем междоусобия и бунты», – отмечалось там же⁶⁰.

В своих многочисленных обращениях к Александру I он характеризовал положение дел в стране как угрожающее стабильности. Зачастую Шишков доносил до него свои мысли через письма к А. А. Аракчееву, ибо догадывался, что фаворит читал их императору⁶¹. Просьбы адмирала заключались в следующем: «Покажи себя защитником православной веры своей и покровителем других христианских вер, не попуская им разделяться на секты и ереси. Будь прямо Русский Царь, надеющийся на своих верноподданных. Возвысь дворян, ограду Твоего престола. Будь отец народу, но не давай возмущать его преждевременными внушениями о вольности, вовлекающими его в своеволие. Да посеется между сими двумя состояниями тишина и мир, а не вражда и злоба. Тогда Ты один, посреди своего народа, сильнее будешь всех царей. Одно слово Твое, один взор рассеет в царстве Твоем всех вольнодумцев, учеников чужих земель»⁶².

Как видно, борьба с ересями, сектами, вольнодумством и западничеством, поддержание сословного строя и господства православной веры – это те принципы, которые характеризовали национально-консервативную программу Шишкова. Среди тех, кто разделял взгляды адмирала был его ближайшим политический союзник архимандрит Фотий (Спасский). По словам А. Н. Пыпина, их обвинения против Библейского общества повторялись порой буквально⁶³. Как показывал Ю. Е. Кондаков, Фотий усматривал в деятельности А. Н. Голицына масонский заговор,

⁶⁰Шишков А. С. Указ. соч. С. 222, 228.

⁶¹Стоюнин В. Я. А. С. Шишков // Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч. 1. С. 304.

⁶²Шишков А. С. Указ. соч. С. 235.

⁶³Пыпин А. Н. Указ. соч. С. 717.

координируемый из-за границы, чаяния конституционной реформы, раскола Российской Православной Церкви и «подрыва» основ самодержавия⁶⁴.

Схожие представления были характерны для ставшего при Шишкове председателем Библейского общества митрополита Серафима (Глаголевского). В декабре 1824 г. он сделал представление Александру I о вреде сект и массового распространения Библии, о союзе «библейцев» с мистическими лжеучениями и о необходимости закрытия общества⁶⁵. Эта просьба осталась без ответа. В тоже время она свидетельствовала об укреплении ортодоксальных настроений в верхах. Мысли, за которые при Голицыне могла последовать опала, при Шишкове стали открыто высказываться перед императором.

Ярким образчиком взглядов православных консерваторов тех лет являлась «Записка о крамолах врагов России». Ее авторство доподлинно неизвестно. Она была получена священником М. Я. Морошкиным от чиновника «за обер-прокурорским столом» Св. Синода А. А. Павлова. В этой «Записке» Морошкин небезосновательно находил буквальные сходства с тем, что говорил Шишков о сочинении Госснера и других такого же рода книгах. Ее составление он связывал с именем директора канцелярии министерства народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова. Судя по содержанию, она была написана не ранее царствования Николая I, ибо в ней говорилось о результатах достигнутых митрополитом Серафимом и Шишковым в защите православной веры⁶⁶.

Согласно этой бумаге, «твердое» пребывание в православной вере и «беспредельная» покорность самодержавным государям были основаниями могущества России, которое вызывало страх у европейцев, «шатких в своих верованиях в Бога, буйных и дерзких против своих государей»⁶⁷. Соответственно, все усилия Запада, как минимум, со времен Петра I якобы

---

⁶⁴Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000. С. 54.

⁶⁵Знаменский П. В. Указ. соч. С. 67.

⁶⁶Записка о крамолах врагов России // Русский архив. 1868. № 9. Стб. 1329–1391.

⁶⁷Там же. Стб. 1334.

были направлены на разрушение России. В заговоре против страны обвинялись как внешние, так и внутренние силы: лютеранские и католические миссионеры, «шайка» философов во главе с Вольтером и Д'Аламбером, российские университеты, «напитанные германским вольномыслием», библейские общества, раскольники и сектанты (беспоповцы, духоборцы, духоносцы, хлысты, молокане, скопцы, квакеры), тайные общества, иллюминаты и масоны, которые под видом распространения духовного просвещения печатали крамольные книги в частных типографиях в обход цензуры Св. Синода.

Дух братства, равенства и свободы масонских лож, казался автору «Записки», подготовкой русского народа к безначалию, к своеволию, к неуважению старших чинов и должностных лиц. Учения сектантов критиковались за отвержение ими обрядовой стороны богослужений, святых таинств, помазания царей, пожертвований в пользу церкви, государственных повинностей, податей и оброков, молитв за правителей. Согласно бумаге, «самые злейшие» из сектантов – беспоповцы служили Наполеону, грабили православные храмы, а духоносцы во главе с Евлампием Котельниковым ожидали, что Александр I упразднит православную церковь, как «жилище бесов», Антихриста, «вавилонскую блудницу»⁶⁸.

Распространению ересей в России, по мнению автора «Записки», способствовала переводимая на русский язык религиозная литература иностранных мистиков И. Г. Юнг-Штиллинга, Ж. М. Гюйон, И. Е. Госнера и других. Их книги рассматривались как сектантские, бунтовщические и революционные. Справедливыми признавались обвинения М. Л. Магницкого, выдвинутые против философии естественного права профессора А. П. Куницына. Библейские общества, согласно «Записке», создавались для ослабления «отвращения» русского народа к чужим верам, умаления уважения

---

⁶⁸Там же. Стб. 1347.

к Библии за счет ее массового распространения в народе по дешевой цене и произвольного толкования священного текста.

Все это подавалось читателям в духе конспирологической теории заговора иллюминатов, у которых, якобы был свой Совет, возглавляемый «тонким царедворцем», ближайшим «наперсником» и другом юности императора, «мягкосердечным» и «добродушным» министром А. Н. Голицыным. Высказывалось подозрение, что как начальник почтового департамента, он содействовал переписке иностранных врагов России с местными заговорщиками. По сути, «Записка о крамолах врагов России» являлась квинтэссенцией страхов Шишкова перед религиозной свободой.

Между тем, адмирал являлся ярким противником перевода духовных книг с церковнославянского на русский язык. В конце 1824 г. он добивался запрещения рассылок и преподавания в училищах ежемесячных «Известий Библейского общества» и «Краткого Катехизиса» митрополита Филарета (Дроздова). Министр был возмущен тем, что молитвы «Отче наш», «Верую во единого Бога» и «Заповеди Господнии» печатались русским, а не церковнославянским языком. От этого, по его понятиям, произошла профанация священного текста, уподобление Божьего Слова языку театра и комедий: «Не всяк ли бы по неволе рассмеялся, если бы в псалтыре вместо: Рече безумец в сердце своем, несть Бог, стали говорить: дурак говорит – нет Бога», – язвил адмирал⁶⁹.

Существует мнение, что Шишков утрировал в этом вопросе. С точки зрения Г. В. Бежанидзе, «библейцы» не допускали в своих переводах разговорных слов⁷⁰. Впрочем, «слабость» «библейских» переложений была

---

⁶⁹Шишков А. С. Указ. соч. С. 216.

⁷⁰Бежанидзе Г. В. О взглядах адмирала А. С. Шишкова и святителя Филарета Московского на значение церковнославянского языка // Филаретовский альманах. 2013. Вып. № 9. С. 13.

видна М. М. Сперанскому, который полагал, что они не обладали силой и выразительностью церковнославянского языка⁷¹.

Для Шишкова приверженность к древней письменной традиции являлась вопросом патриотизма. 4 ноября 1824 г. на высказывание митрополита Серафима о непонимании многими церковно-славянского языка министр ответил так: «Кто из нас не понимает церковной службы? Разве тот один, кто, отрешась от отечества своего, забыл и язык свой? Можно ли с рассудком поверить, что «верую в единого Бога» мы не понимаем, а «верую в одного Бога» понимаем? Что «Отче наш иже еси на небесах» есть чуждый нам славянский, а «Отче наш сущий на небесах» собственно наш русский язык?»⁷².

Как видно, разница между двумя текстами Св. Писания для адмирала заключалась в стилистике. В сущности, он оставался верен своим лингвистическим представлениям о тождестве русского и славянского языков, различавшихся как «простой» и «высокий» «слоги». К этому следует добавить его давние националистические представления о связи церковной словесности с русским самосознанием, культурой, народными нравами, историей. Согласно взглядам Шишкова, отказ от «древнего» языка уподоблял русский народ тем современным грекам, которые забыли «бессмертного» Гомера⁷³. Сама православной вера, в представлениях адмирала, основывалась на церковно-славянском языке⁷⁴. Написанные на нем заповеди, по словам Шишкова, почитались народом за «Божеские изречения»⁷⁵.

---

⁷¹Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография. Воронеж, 2011. С. 280.

⁷²Шишков А. С. Указ. соч. С. 207–208.

⁷³Шишков А. С. Рассуждение о красноречии Священного Писания, и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка, и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно // Полное собрание сочинений и переводов адмирала А. С. Шишкова, Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена. СПб. 1825. Ч. IV. С. 40.

⁷⁴Кочубинский А. А. Начальные годы русского славяноведения: адмирал Шишков и канцлер Румянцев. Одесса, 1887–1888. С. 15.

⁷⁵Шишков А. С. Записки, мнения, и переписка адмирала А. С. Шишкова. Берлин, 1870. Т. 2. С. 215.

Необходимо отметить, что защиту старой письменной традиции министр рассматривал сквозь призму поддержания государственной стабильности. Он был убежден в том, что переложение духовных книг с «высокого» языка на «простонародное наречие» являлось «сильнейшим орудием революционных замыслов»⁷⁶. Как показывал А. М. Скабичевский, это мнение имело некоторые основания. Отечественная бюрократия обнаружила «крамолу» в русском переводе двадцать первого стиха седьмой главы «Первого послания к коринфянам» апостола Павла (Новый Завет). По-церковнославянски там значится: «раб ли призван был еси; да не нерадиши: но аще и можеши свободен быти, *больше поработи себя*». Эти строчки «библейцы» переложили так: «рабом ли призван, не беспокойся; но если можешь сделаться и свободным, *тем больше и воспользуйся*». В этих словах начальство заподозрило явный умысел возмутить крестьян против помещиков⁷⁷.

Шишков добился своего. Издание «Библейских известий» было остановлено. Осенью 1825 г. на кирпичном заводе Александро-Невской лавры был сожжен весь тираж переведенной на русский язык Библии и Катехизиса Филарета. 18 июля 1824 г. попечителю Петербургского учебного округа было предложено раздавать прилежным ученикам Библии, псалтыри и евангелии на церковно-славянском языке⁷⁸.

Министру удалось реабилитировать запрещенную при Голицыне «Беседу на гробе младенца» Е. И. Станевича. Благодаря Шишкову, это сочинение сохранилась для потомков, ибо на 1824 г. оно существовало в единственном экземпляре. Статс-секретарь П. А. Кикин предоставил его адмиралу. 9 августа 1824 г. министр докладывал императору о том, что труд Станевича содержал возражения «против тех ложных умствований, которые к

---

⁷⁶Там же. С. 205.

⁷⁷Скабичевский А. М. Указ. соч. С. 209.

⁷⁸18 июля 1828 г. О распоряжениях по Санкт-Петербургскому университету Благородному пансиону // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1866. Стб. 522–524.

поколебанию веры, церкви и престола рассеивались тогда во многих сочиняемых и переводимых книгах»⁷⁹. 17 ноября 1824 г. сочинение было разрешено к печати и продаже⁸⁰.

Тем же числом Шишков получил императорский указ, повелевавший «истреблять и обличать» рассеянные в книгах лжеучения⁸¹. Основываясь на этом указе, министр призывал членов Главного правления училищ обращать особенное внимание на труды, в которых содержалось что-либо против веры, правительства и «доброй нравственности». Книги, напечатанные без рассмотрения духовной цензурой, направлялись в Св. Синод, изымались из обращения между юношами и из книгохранилищ учебных заведений. Были конфискованы следующие труды: «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению духа Христова», «Таинство Креста Иисуса и членов его», «Путь ко Христу» Я. Беме, «Победная повесть или торжество веры христианской» Юнг-Штиллинга, «Письма к другу и завещание сыну об ордене свободных каменщиков», журнал «Сионский Вестник», «Краткое рассуждение о важных предметах жизни Христа», «Сочинения г-жи Гюйн» и прочие⁸². Министерство народного просвещения направило в Св. Синод тридцать томов такого рода сочинений⁸³. Таким образом, инакомыслие в вопросах веры адмирал пресекал.

12 апреля 1826 г. по решению Николая I было закрыто Библейское общество. Начав свое правление с подавления декабрьского восстания 1825 г. на Сенатской площади, новый император опасался повторения событий подобного рода. Шишков поддерживал в Николае I эти страхи, ставя знак равенства между декабристами и членами Библейского общества⁸⁴.

⁷⁹Шишков А. С. Указ. соч. С. 175.

⁸⁰РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об. –9 ; Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 121–122.

⁸¹РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. Л. 1 об.

⁸²Скабичевский А. М. Указ. соч. С. 208.

⁸³Две всеподданнейшие записки А. С. Шишкова (О главнейших распоряжениях министерства народного просвещения с июня 1824 года по январь 1826 г) // Русская старина. 1896. Т. LXXXVII. № 9. С. 579.

⁸⁴Шмид Е. К. История средних учебных заведений в России. СПб., 1878. С. 219.

Кровь, пролитая на Сенатской площади, по мнению адмирала, стала результатом распространения «зловредных» книг, западного Просвещения и, как следствие, измены российской элиты самодержавию: «Кто были тогдашние заговорщики, умышлявшие с лишением жизни тогда еще царствовавшего, ныне покойного императора, уничтожить престол и повергнуть мать свою Россию в безначалие, в раздоры и междоусобия? Кто были сии, одуревшие от чужих наставников, россияне? – Риторически вопрошал адмирал в своем «Рассуждении старца, желающего блага своему отечеству». – О срам! Чиновники, дворяне, ученики чужеземцев, воспитанные в новом духе просвещения, наслышавшиеся, начитавшиеся новых книг, изгнавших из голов их рассудок, из сердец их веру и долг повиновения царю, и любовь к отечеству. Пример неслыханный в России»⁸⁵!

В качестве члена Верховного уголовного суда над декабристами Шишков голосовал за четвертование П. И. Пестеля, К. Ф. Рыльева, П. Г. Каховского, С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина как особо опасных бунтовщиков⁸⁶. Впоследствии эта мера наказания была заменена на повешение. На фоне охватившего чиновников страха быть заподозренными в связях с «цареубийцами», позиция адмирала не выглядела выходящей из ряда вон. Из почти восьми десятков членов Верховного суда только Н. С. Мордвинов голосовал против смертной казни.

В ходе дальнейших разбирательств Шишков выступал за смягчение участи декабристов. Вместе с Мордвиновым он 2 июля 1826 г., вопреки мнению большинства, проголосовал против смертной казни для 23 подсудимых первого разряда: В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева, Н. М. Муравьева, И. И. Пущина, А. И. Якубовича, И. Д. Якушкина, А. П. Арбузова, Д. И. Завалишина, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, Д. А. Щепина-Ростовского, В. А. Дивова, А. П. Барятинского, А. В. Поджио, А. З. Муравьева, Ф. Ф. Вадковского, В. Л. Давыдова, С. Г. Волконского, В. И. Повало-Швейковского,

⁸⁵ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

⁸⁶Федоров В. А. Указ. соч. С. 242.

В. А. Бесчасного, Я. М. Андреевича, А. С. Пестова, А. П. Юшневского⁸⁷. Кроме того, адмирал предлагал Следственной комиссии и Николаю I изменить принцип вынесения обвинений, при котором судьбу заключенных решало относительное большинство голосов. Шишков считал, что наказания только тогда станут справедливыми, когда за них проголосует свыше половины присутствующих судей⁸⁸. Эти предложения были отвергнуты.

Нельзя не отметить причастность к делу декабристов племянника адмирала поэта-романтика А. А. Шишкова. Как показывала Т. Е. Егерова, благодаря протекции дяди, тот был освобожден из Петропавловской крепости. Третье отделение императорской канцелярии характеризовало его человеком с «плохими и развратными наклонностями». После преждевременной гибели А. А. Шишкова адмирал заботился о его дочери, завещал в ее пользу доходы от издания своих произведений⁸⁹. Вероятно, судьба племянника оказывала влияние на некоторую снисходительность Шишкова к другим декабристам.

§2. Политика А. С. Шишкова в сфере просвещения

Система народного просвещения, в том виде, в каком его застал Шишков, начала складываться в Петровскую эпоху. Преобладание духовных училищ в образовании вытеснялось светскими школами: цифирными, артиллерийскими, гарнизонными, военными и другими профессиональными учебными заведениями. Для них была характерна строгая сословность, привлечение учителей-иностранцев, «солдатская» дисциплина и суровые наказания для провинившихся⁹⁰. Открытием 28 января 1724 г. Академии наук и художеств Петр I заложил основы высшей школы в России.

---

⁸⁷Там же. С. 248.

⁸⁸Шишков А. С. Указ. соч. С. 281-284.

⁸⁹Егерова Т. Е. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2014. С. 117.

⁹⁰Каптерев П. Ф. История русской педагогики. СПб., 1915. С. 174.

Новый импульс развитию отечественной сферы просвещения был задан Екатериной II. При ней в училища допускались дети без различия их сословной принадлежности, что во многом объяснялось намерением «императрицы-философа» развивать страну в такт Западной Европе, где непривилегированные слои общества добивались гражданского равноправия с аристократией⁹¹. Противником такого вектора являлся философ и историк М. М. Щербатов. Он полагал, что сама природа сделала людей неравными, заложив в них разные дарования⁹².

Екатерининские школы воспитывали не только узких специалистов-профессионалов, но и давали общее образование. Задача формирования полезных обществу граждан способствовала распространению просвещения на женщин, применению «гуманной» педагогики, утверждению идеи отказа от телесных наказаний: «Гуманитарный идеал исходит из уважения к правам и свободе личности, – отмечал П. Н. Милюков, – он устраняет из педагогики все, что носит характер насилия или принуждения»⁹³. Под влиянием педагогических теорий Ж.-Ж. Руссо, приоритет в воспитании определялся необходимостью укоренения «добродетелей», «благонравия», «чистоты сердца». Развитию интеллекта отводилась второстепенная роль. Просветительский идеал того времени заключался в формировании «нового человека», лишённого пороков существующего общества. Для достижения этой цели видный деятель екатерининского просвещения И. И. Бецкой предлагал передать воспитательные функции семьи в руки государства⁹⁴.

Во второй половине 1780-х гг. массово открывались школы: в уездах – двухклассные малые училища, в губерниях – четырехклассные главные училища. Базовыми предметами являлись чтение, письмо, азы арифметики, священная история, краткий катехизис и начала грамматики. Во втором классе

---

⁹¹Князьков С. А., Сербов Н. И. Указ. соч. С. 66.

⁹²Костыря Л. П. Консерватизм в России на рубеже XVIII–XIX веков : диссертация ... кандидата исторических наук. Челябинск, 2000. С. 46.

⁹³Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Часть вторая. Церковь и школа (вера, творчество, образование). СПб. 1897. С. 287.

⁹⁴Каптерев П. Ф. Указ. соч. С. 231.

дети изучали книгу «О должностях человека и гражданина» – своеобразную энциклопедию по нравственному и гражданскому воспитанию народа. В главных училищах велось преподавание латинского и современных иностранных языков. Учебный курс старших классов включал всеобщую и русскую историю, естественную историю, начала геометрии, механику, физику, архитектуру, катехизис, русскую грамматику. Обучение было бесплатным⁹⁵. Учителями зачастую становились бывшие духовные семинаристы. Вне системы народных училищ находились частные школы и дворянские благородные пансионы, а также три гимназии: при Академии наук в Санкт-Петербурге, при Московском университете и в Казани⁹⁶.

Сфера просвещения в России имела существенные проблемы. Родители неохотно направляли своих детей получать малопригодное к потребностям их сословия общее образование, изучать какие-либо дисциплины сверх чтения и письма, школы имели трудности с наполняемостью классов учащимися, а учителя – с достойной оплатой⁹⁷.

В александровское царствование система образования приобрела стройную организационную структуру. В 1802 г. было создано Министерство народного просвещения. Ему подчинялись: Главное правление училищ, которое осуществляло надзорные, хозяйственные и учебные функции (составление уставов, рассмотрение книг, утверждение преподавателей), а также Российская Академия, Академия наук, казенные и частные типографии, библиотеки и музеи. Министерство контролировало цензуру печати, издательскую деятельность и периодическую литературу⁹⁸.

Империя была разделена на учебные округа, административными центрами которых являлись университеты во главе с попечителями. В период министерской деятельности Шишкова существовало шесть университетов:

---

⁹⁵*Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802-1902. СПб., 1902. С. 19.

⁹⁶*Шмид Е. К.* Указ. соч. С. 1.

⁹⁷*Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 296–298.

⁹⁸*Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 36.

Петербургский, Московский, Виленский, Дерптский, Харьковский и Казанский. В их задачи входила подготовка преподавателей и чиновников, управление подведомственными учебными заведениями. Попечители обязывались раз в два года визитировать вверенные им округа. Остальное время они находились в Петербурге.

В 1804 г. университеты получили либеральный устав, обеспечивший им широкую автономию и выборность должностей⁹⁹. За основу была взята германская система¹⁰⁰. Ректор, профессора, почетные члены и адъюнкты избирались университетским советом. Совет назначал учителей в учебные заведения своего округа, определял в них порядок учебной жизни, контролировал деятельность хозяйственных учреждений, рассматривал учебные книги, по которым велось преподавание, составлял расписание занятий и руководства для проведения ежегодных экзаменов. Профессора самостоятельно определяли структуру своего курса. Университеты осуществляли цензуру, имели типографии и библиотеки. Они состояли из четырех факультетов: нравственно-политического, физико-математического, медицинского и словесных наук. Срок обучения составлял три года.

По «Предварительным правилам народного просвещения» от 24 января 1803 г. начальное и среднее образование было представлено тремя ступенями училищ: одногодичными приходскими, двухлетними уездными и четырехлетними «губернскими училищами или гимназиями». В казенных селениях приходские училища вверялись священнику или одному из почетнейших жителей, в помещичьих селениях – помещику. Наблюдение за порядком учения в приходских школах возлагалось на смотрителя уездного училища, определяемого университетом и подчинявшегося директору

---

⁹⁹Сухомлинов М. И. Указ. соч. С. 61.

¹⁰⁰Голованова В. Ф. Становление высшего образования в Российской империи в начале XIX века: правовой аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3. С. 54.

губернских училищ. Назначение губернских директоров осуществлялось Главным правлением училищ по представлению университета¹⁰¹.

В Гимназическом уставе от 5 ноября 1804 г. закреплялся бессловный и светский характер обучения, утверждалась преемственность всех четырех степеней училищ, бесплатность образования, запрещались телесные наказания¹⁰². Гимназический аттестат открывал дорогу в университеты, выпускники которого получали право на обер-офицерский чин.

Укороченное обучение и быстрый доступ к чинам для детей дворян предоставляли лицеи: Демидовский в Ярославле (1805 г.), Царскосельский (1811 г.), Ришельевский в Одессе (1817 г.). Для них же существовали частные благородные пансионы. Многие дворяне предпочитали государственным школам частное домашнее обучение. В 1813 г. правительство ограничило доступ в университеты и гимназии несвободным категориям населения необходимостью получать на то разрешение министра¹⁰³. Запрос на просвещение в провинции оставался невысоким. Родители считали верхом необходимых знаний первые правила арифметики. Приоритетом для отпрысков дворян была чиновная служба¹⁰⁴.

Учебная программа приходских школ включала основы Закона Божьего, чтение, письмо и начала арифметики. На второй ступени обучения преподавались Закон Божий, грамматика русского языка (в национальных окраинах грамматика местных языков), география, история, начала физики, естественной истории¹⁰⁵, технология. В гимназиях изучались логика, психология, этика, эстетика, естественное право, политическая экономия,

---

¹⁰¹24 января 1803 г. Об устройстве училищ // Сборник постановлений по министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 1. Стб. 13–12.

¹⁰²*Матвеева М. В.* Цензура и школа в России в первой четверти XIX века : диссертация ... кандидата исторических наук. Москва, 2004. С. 54.

¹⁰³*Князьков С. А., Сербов Н. И.* Указ. соч. С. 180–181.

¹⁰⁴*Сухомлинов М. И.* Указ. соч. С. 133.

¹⁰⁵Синтезированный курс естественной истории включал в себя зоологию, ботанику, биологию и минералогию.

коммерция, латинский, немецкий и французский языки, а также расширились программы точных и естественных наук¹⁰⁶.

В связи с усилением религиозных начал при А. Н. Голицыне, Закон Божий вводился в гимназиях. При них же открывались отделения Библейского общества. Создавались сельские библейские училища. Во всех учебных заведениях обязательным было чтение Св. Писания по книгам, издаваемым Департаментом народного просвещения. Популярное в училищах и ценимое Шишковым сочинение «О должностях человека и гражданина», как основанное на философских началах, было запрещено к преподаванию. Кроме того, из учебных курсов исключались целые предметы. По авторитетному мнению М. И. Сухомлинова, укрепление голицынскими чиновниками христианского благочестия приняло вид «ханжества», «фанатизма», и «вражды к просвещению»¹⁰⁷. Влиятельный дипломат, член Ученого комитета А. С. Стурдза продвигал мысли о вторичности научного образования и приоритете нравственного воспитания в христианском духе¹⁰⁸. Репрессивные действия М. Л. Магницкого и Д. П. Рунича в Казанском и Петербургском университетах привели к фактической замене университетской автономии личной властью попечителей¹⁰⁹.

Самые первые меры Шишкова-министра нацеливали администрацию учебных заведений действовать в русском национальном и охранительном ключе. После беспорядков в Виленском учебном округе Шишков распорядился 5 августа 1824 г. перевести делопроизводство в местных учебных заведениях с польского на русский язык¹¹⁰. 14 августа он сделал предписания, касавшиеся всех учебных округов. Они состояли в следующем:

¹⁰⁶Миллюков П. Н. Указ. соч. С. 305–306.

¹⁰⁷Сухомлинов М. И. Указ. соч. С. 165.

¹⁰⁸Назаренко Е. Ю. Указ. соч. С. 123.

¹⁰⁹Матулис Т. Н. Завгородняя О. И. Борьба университетов России за автономию в период подготовки университетского устава 1835 г. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2004. № 3. С. 130.

¹¹⁰5 августа 1824 г. О производстве дел по Виленскому учебному округу на русском языке // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т.1. Стб. 524-525.

– по учебной части: из числа предметов преподавания в гимназиях исключить естественное право и политические науки, увеличить число уроков латинского, греческого и русского языков; сократить число уроков риторики и поэзии; право выбора тем для сочинений передать от учителей к университетскому правлению, которое должно было для этого составить особый сборник.

– по части училищного надзора: увеличить число надзирателей (педелей) за учениками; университеты и гимназии обязать отсылать в полицию списки учащихся с указанием их места жительства. Предписывалось выработать новые правила надзора за студентами, гимназистами и учащимися уездных училищ так, чтобы «утверждать в молодых людях страх Божий». Это положение для юношества заключалось в следующем: почитать университетское начальство и чиновников с должным повиновением; вести богобоязненную жизнь по правилам вероисповедания; посещать лекции и рачительно слушать преподавателей; не входить ни в какие тайные общества; в университетах никакой одежды, кроме предписанного мундира не одевать; без письменного дозволения ректора не ходить в театры, на рауты, не выезжать за город, в том числе для ботанических гербаризаций; не посещать публичных домов, трактиров и биллиардных; не читать книг, «противных христианской вере» и «правительственной системе», а также сочинений «не принадлежащих к лекциям»; не отлучаться из университета без дозволения¹¹¹.

Как видно, первые меры адмирала были отнюдь не либеральными. Имело место исключение из числа предметов целых наук, сковывание свободы выбора книг для чтения, усиление надзора за учащимися, укрепление религиозных начал в образовании. Впрочем, предписания Шишкова, кажущиеся на первый взгляд чрезмерно притеснительными, по словам Е. К.

---

¹¹¹14 августа 1824 г. О мерах, принятых по учебным округам по частям учебной и училищного надзора // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. I. Стб. 1778–1780.

Шмида, «отчасти уже действовали в других округах как весьма полезные и целесообразные»¹¹².

Необходимо отметить, что Виленский учебный округ отличался большой долей польского населения. С 1803 г. пост попечителя там занимал А. Чарторыйский. Его двадцатилетнее правление учебным округом способствовало полонизации образовательного процесса в западных губерниях, появлению студенческих организаций филаретов и филоматов, которые выдвигали польские национально-освободительные цели. Сменивший Чарторыйского в 1824 г. Н. Н. Новосильцев возглавлял комиссию, расследовавшую деятельность этих организаций, что вылилось в крупный политический процесс. Свыше сотни человек оказались преданы суду. Из них два десятка осенью 1824 г. получили тюремные сроки или были отправлены в ссылку.

Шишков ставил целью своего министерства провести реформы в сфере просвещения, чтобы предотвратить всевозможные антигосударственные и революционные выступления молодежи. 11 сентября 1824 г. в Главном правлении училищ он раскрыл часть своего плана. Образование, по мнению министра, должно было стать сословным: «Науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей, и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное число одного количество людей, принесло бы более вреда, нежели пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным, или еще вредным гражданином»¹¹³.

---

¹¹²Шмид Е. К. Указ. соч. С. 169.

¹¹³11 сентября 1824 г. Речь министра народного просвещения по случаю собрания Главного правления училищ к предварительному совещанию по делам министерства // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т.1. Стб. 527-530.

Как видно, сословное образование Шишков связывал с государственной стабильностью. Гражданин, который изучает науки несвязанные с его социальным статусом, согласно мнению адмирала, «бесполезен» и «вреден» для государства. Если таких людей становится много, то крушение существующих порядков неизбежно. По мысли Шишкова, давать населению образование нужно лишь в том объеме, который позволит сохранить существующую модель общественных отношений в незыблемости.

Этот и другие принципы политики в сфере образования адмирал озвучивал в Главном правлении училищ 11 декабря 1824 г. Его речь носила программный характер. Шишков говорил, что Министерство народного просвещения с момента своего основания не имело постоянного плана, в преподавании не было единообразия: отсутствовал единый перечень учебных книг, учителя действовали по собственному «произволу» и «понятиям». Согласно речи министра, вместо воспитания «чистой христианской веры и доброй нравственности», порицались монархический строй и православная вера¹¹⁴. Стандартизация обучения должна была положить этому конец.

Там же Шишков озвучил восемь основных пунктов своего плана развития образования, которые сочетали в себе как консервативные, так и национальные начала: «I. Воспитание народное во всей империи нашей, не смотря на разность вер, ни же языков должно быть русское. II. Греко-католик, римско-католик и лютеранин должны быть воспитаны, первый в твердом и незыблемом православии, а второй и третий во всей точности положительного исповедания своей веры. III. Все иноверное юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу историю и законы. IV. Все науки должны быть очищены от всяких непринадлежащих к ним и вредных умствований. V. Излишнее множество и великое разнообразие учебных предметов должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, во-первых, в тех познаниях, кои самым

---

¹¹⁴РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2.

учреждением разных учебных заведений постановлены и, во-вторых, сообразно с званиями, к которым учащихся предназначают. VI. Язык славенский, то есть высокий, и классическая российская словесность повсеместно должны быть вводимы и ободряемы. VII. Язык греческий должен везде, кроме училищ иноверных, иметь преимущество перед латинским. VIII. Не должно терять из вида, что одно обучение не есть воспитание и даже вредно без возделания нравственности, которой христианину вне церкви нигде найти не можно; что Государь и польза отечества требуют от воспитания юношества верных сынов церкви и верных подданных, людей преданных Богу и Царю; и что в сем только смысле человек просвещенный должен быть почтен благовоспитанным»¹¹⁵.

Итак, адмирал выдвигал на передний план изучение всеми народами Российской империи русского языка, что, очевидно, должно было укрепить единство страны. 24 февраля 1826 г. он распорядился усилить обучение русскому языку юношей Дерптского учебного округа. Округ был многонациональным и включал в себя Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую губернии. Там испытывался недостаток домашних учителей, знавших русский язык. Преподавателям гимназий и уездных училищ предписывалось четыре часа в неделю обучать учеников этому предмету за плату в 10 рублей ассигнациями, а бедных учеников – безвозмездно¹¹⁶. Главнейшей целью, созданного 14 февраля 1827 г. в Симферополе Училищного отделения для образования татарских учителей, было повышения знания крымскими татарами русского языка¹¹⁷.

Касательно воспитания греко-католиков «в твердом православии» подразумевался процесс ликвидации подчинения украинского и белорусского

---

¹¹⁵Там же. Л. 5–6.

¹¹⁶24 февраля 1828 г. Об усилении преподавания русского языка в училищах Дерптского учебного округа // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. 1. Стб. 581.

¹¹⁷14 февраля 1827 г. Об учреждении в Симферополе училищного отделения для образования татарских учителей // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. Отд. 1. Стб. 47–50.

духовенства римскому папе. Со времен Брестской церковной унии (1596 г.) в западных землях Руси шли гонения на православную веру, усиливались польские и католические тенденции. После разделов Польши во второй половине XVIII в. и включения белорусских и украинских земель в состав Российской империи, проводниками интересов католицизма там служили монашеские ордена, прежде всего, орден Св. Василия (базилиане). Как показывал П. О. Бобровский, во время Отечественной войны 1812 г. базилиане передавали свои капиталы и золотые сосуды на организацию польских войск для армии Наполеона. С 1813 по 1828 гг. при их активной поддержке было «совращено» в католическую веру около двухсот тысяч униатов. Кроме того, они присваивали церковные имения, обращали храмы в свои монастыри и перестраивали их по католическому образцу: снимали иконостасы, вводили органы и хоровое пение на польском языке. Богатство черного духовенства более чем в шесть раз превосходило совокупные капиталы белого греко-униатского духовенства, сохранявшего верность православным обрядам и богослужение на церковнославянском языке¹¹⁸.

Долгие годы правительство смотрело на украинских и белорусских униатов как на католиков и поляков. В предшествующее Шишкову министерство Голицына, базилиане усердно работали в рамках Библейского общества. Св. Писание переводилось на польский язык и распространялось в западных губерниях. Библейские комитеты поощряли создание товариществ для распространения польской грамоты в среде помещичьих крестьян. Шишков, как известно, добивался закрытия Библейских обществ. Он также поддерживал восстановление чистоты православных обрядов и богослужения на церковно-славянском языке¹¹⁹.

Среди мер адмирала, направленных на отрыв украинского и белорусского населения от польско-католического цивилизационного проекта, можно выделить следующие: заботы о преподавании русского языка,

---

¹¹⁸Бобровский П. О. Указ. соч. С. 127.

¹¹⁹Там же. С. 3.

ликвидация монополии монашеских орденов в системе начального образования посредством устройства светских училищ в Белоруссии¹²⁰. Шишков переподчинил белорусские Витебскую и Могилевскую губернии от Виленского к Санкт-Петербургскому учебному округу. Тем самым, на них были распространены те же правила образования, что действовали в «коренных» русских губерниях¹²¹. С октября 1827 г. для принятия в орден Св. Василия требовались доказательства знаний православных обрядов и церковно-славянского языка. В униатских церквях утверждалось богослужение на началах русского православия, а в епархиях – открывались духовные училища для образования белого духовенства в правилах веры и церковно-славянского языка¹²². 22 апреля 1828 г. при Полоцкой семинарии учреждалась духовная академия, ставшая кузницей кадров для униатских церквей. В этом значении она переняла функции Главной римско-католической семинарии¹²³. Средством к созданию образовательных учреждений для униатов служило упразднение большей части базилианских монастырей.

По сути, с Шишкова начались подвижки цивилизационного характера, при которых греко-католическое украинское и белорусское население западных губерний официально было объявлено частью православного русского народа. На влияние других христианских церквей адмирал не покушался, что задавало негласные границы в межконфессиональных отношениях.

---

¹²⁰7 июня 1824 г. По делу об учреждении в Белоруссии училищ вместо иезуитских коллегий // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб. 1875. Т. 1. Стб. 1765–1773.

¹²¹31 октября 1824 г. О новом распределении губерний по учебным округам // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 1. Стб. 1788–1789.

¹²²*Бобровский П. О.* Указ. соч. С. 359.

¹²³26 мая 1828 г. О непослании воспитанников из униатских епархий в Главную римско-католическую семинарию // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. Отд. 1. Стб. 142–143.

Политика Шишкова в сфере образования была направлена на формирование у молодого поколения преданности православной вере, царю и отечеству. О задачах нравственно-религиозного и патриотического воспитания можно судить по записке Шишкова от 28 июня 1825 г. к ставшему тогда попечителем Московского учебного округа генерал-майору А. А. Писареву. Ему вменялось строго наблюдать, чтобы в уроках профессоров и учителей не было ничего колеблющего православную веру, чтобы во всех учебных заведениях со всей внимательностью изучался Закон Божий, «не вдаваясь в лжемистику и не увлекаясь бессмысленной филантропией, поставляющей все ереси на ряд с истинной христианской верой». Учащимся предписывалось соблюдать церковные правила, хотя бы по праздникам посещать храм. По будням они должны были собираться на общую молитву, читать Священное Писание по церковнославянскому тексту с толкованием Святых Отцов. От преподавателей требовалось примерное поведение, ограждение воспитанников от пороков и дурных знакомств, наблюдение за содержанием библиотечных книг. Попечитель должен был смотреть с «надлежащим» ли «тщанием» юноши учат русский язык и отечественную словесность, внушается ли им при всяком удобном случае верность к престолу и повиновение к властям, укрепляется ли у них любовь к Родине и ко всему отечественному¹²⁴.

Как видно, в области воспитания уклон делался на строгое соблюдение православных традиций, которые, отождествлялись с русским патриотизмом. В сущности, министерство Шишкова провозгласило отказ от широкого плюрализма в вопросах веры, который процветал при А. Н. Голицыне.

Обращение к традиционной религиозности проявлялось в восстановлении преподавания церковнославянского языка. Как следовало из министерского отчета за 1824–1825 гг., Шишков исправил ситуацию,

---

¹²⁴28 июля 1825 г. Предложение генерал-майору Писареву по поводу назначения его попечителем Московского учебного округа // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т.1. Стб. 555.

сложившуюся при А. Н. Голицыне: «Преподавание славянского языка, на котором написаны все наши священные и церковные книги, на котором соблюдаются доселе исторические древности народа нашего повсеместно введено в общее употребление. При предшествовавшем министерстве сие необходимое для каждого русского изучение до такой степени было запущено, что не было даже ни одной печатной славянской грамматики, которую можно было принять в руководство и первая таковая недавно издана в свет»¹²⁵. 14 февраля 1827 г. преподавание церковнославянского языка было введено в гимназиях и уездных училищах Казанского учебного округа, в котором помимо православных проживало изрядное количество мусульман¹²⁶.

Внимание министерства Шишкова к церковнославянскому языку, помимо прочего, обуславливалось интересом к положению славянских народов за пределами России. В «Записках, издаваемых от Департамента народного просвещения» врач, педагог, литератор, «карпато-русин» по происхождению, И. С. Орлай в середине 1825 г. поместил статью «О необходимости обучаться преимущественно отечественному языку и нечто об обучении языкам иностранным»¹²⁷. В ней высказывалась обеспокоенность тем, что славяне со временем могут перестать понимать друг друга. Орлай говорил о политике австрийских властей, которые «портили» славянские «наречия» введением в них немецких слов, и об отдалении русского языка от славянского корня насыщением его «галлицизмами». Предполагалось, что знание русского и церковнославянского языков позволяло славянам без переводчика разумеать друг друга, а изучение иностранной словесности было не столь необходимо и только способствовало перегруженности учебного процесса.

---

¹²⁵РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. Л. 7.

¹²⁶14 февраля 1827 г. О введении преподавания славянского языка в училищах Казанского учебного округа // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. 1. Стб. 593.

¹²⁷О необходимости обучаться отечественному языку и нечто о обучении языкам иностранным // Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. СПб., 1825. Кн. 1. С. 320–330.

Характерными для Шишкова установками на поощрение православных начал в воспитании определялось предоставлением преимуществ в преподавании греческому языку перед латинским. Греческая словесность, в его понимании, сыграла ключевую роль в появлении у славян письменности и утверждении христианской веры. По этому поводу в упомянутом отчете отмечалось следующее: «Изучение языка греческого, с которого мы взяли Священное Писание и учение православной веры нашей, оставалось в великом небрежении и языку латинскому, чуждому для нас по многим отношениям, отдавалось явное преимущество. С переменою управления министерства изучению языка греческого возвращены отнятые у него права и преимущества»¹²⁸.

Между тем, обстоятельства, сложившиеся в некоторых учебных заведениях, показывают, что преподавание и изучение древних языков было делом обременительным. Так, в начале 1825 г. на юридико-философском факультете Санкт-Петербургского университета поднимался вопрос об отказе в предоставлении аттестатов студентам, которые не осилили латинский язык. Шишков принял следующее решение: «Для своекоштных студентов, не посвящающих себя учебной службе, а желающих вступить в гражданскую или военную, по мнению моему, не требуется основательное знание древних языков»¹²⁹.

В начале 1826 г. в Санкт-петербургском Высшем училище завязались споры по поводу преподавания греческого языка. Инспектор учебного заведения высказывался против этой меры: «Цель учреждения училища состоит только в образовании способных чиновников для гражданской, а не для учебной службы. Введение сего языка в училище есть совершенно излишнее: ибо воспитанники оно и без него обременены многими предметами ученья, так что некоторые родители просят об освобождении

---

¹²⁸РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. ед.хр. 1. Л. 7.

¹²⁹1 мая 1825 г. По вопросу о том, нужно ли основательное знание древних языков для оканчивающих курс студентов, не посвящающих себя учебной службе // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т.1. Стб. 553.

детей их даже от языка латинского. Притом в распоряжении предметов ученья на сей 1826 год не назначено и часов для греческого языка»¹³⁰. Мнение инспектора было поддержано попечителем. Против них выступил Совет Санкт-Петербургского университета, на сторону которого встал Шишков. 5 ноября 1827 г. преподавание греческого языка в Санкт-петербургском Высшем училище и университетском благородном пансионе все же было отменено¹³¹. В связи с этим можно утверждать, что введение древних языков в учебный стандарт противоречило принципу профессионализации образования и Шишков допускал в этом вопросе отклонения от общих правил.

Для придания отечественному просвещению единообразия, министр создал несколько руководящих органов. Первым среди них был Комитет для составления проекта общего устава университетов и училищ. Ему поручалось произвести подробное обозрение порядка управления всеми учебными заведениями, подведомственными Министерству народного просвещения, рассмотреть действовавшие распоряжения и постановления. Во главе Комитета стояли члены Главного правления училищ: отец трех декабристов имевший репутацию либерала тайный советник И. М. Муравьев-Апостол, попечитель Казанского учебного округа действительный статский советник М. Л. Магницкий, а также историк, действительный статский советник А. В. Казадаев¹³².

Существовавшие в России уставы в сфере образования Шишков считал списками с иностранных уставов, «неприноровленных» к отечественным обычаям. Впрочем, зарубежный опыт не отвергался. Канцелярии Министерства народного просвещения поручалось собрать узаконения об образовании в трех важнейших государствах Европы: Австрии, Франции и

---

¹³⁰15 мая 1826 г. О введении в Санкт-Петербургском Высшем училище преподавания греческого языка // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т.1. Стб. 586.

¹³¹5 ноября 1827 г. Об отмене преподавания греческого языка в Санкт-Петербургском Высшем училище и Университетском благородном пансионе // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т.1. Стб. 620.

¹³²РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

Англии, а университетам – предоставить сведения и замечания по данному вопросу от профессоров¹³³. По словам Ф. А. Петрова, приглашение отечественных профессоров к разработке реформ являлось принципиальным отличием от предшествующих преобразований в сфере просвещения, осуществляемых при главенстве бюрократии¹³⁴.

Комитет работал с 5 января 1825 г. по май 1826 г. и провел шестнадцать заседаний. Свои мнения предоставляли российские университеты. В них отразилось стремление высших учебных заведений к восстановлению принципов либерального устава 1804 г. и университетской автономии, нарушенных усилением бюрократического контроля в образовании при Голицыне¹³⁵.

Рескриптом Николая I от 14 мая 1826 г. на имя Шишкова, Комитет, для составления проекта общего устава университетов и училищ, был преобразован в Комитет устройства учебных заведений. Его председателем был назначен А. С. Шишков. Помимо него туда входили следующие лица: К. А. Ливен, М. М. Сперанский, К. О. Ламберт, С. С. Уваров, Е. К. Сиверс, А. К. Шторх, А. А. и В. А. Перовские, С. Г. Строганов. «Правителем» учреждения адмирал распорядился назначить директора канцелярии Министерства народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова. Шишков имел право в случае несогласия с членами Комитета предоставлять свое заключение императору.

В преобразованное учреждение по-прежнему стекались предложения российских профессоров. Зачастую они касались открытия новых кафедр, введения дополнительных курсов преподавания, увеличения профессорско-преподавательского штата¹³⁶. Недостаток преподавателей ощущался в связи с

---

¹³³Там же. Д. 124. Л. 4.

¹³⁴*Петров Ф. А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Книга третья. Университетская профессура и подготовка устава 1835 года. М., 2000., С. 15.

¹³⁵*Матулис Т. Н. Завгородняя О. И.* Указ. соч. С. 131.

¹³⁶РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1. Л.3-17 об.

развитием научных знаний, требовавших усиления междисциплинарной дифференциации.

В свете николаевской реакции на восстание декабристов, звучали мнения об ограничении университетской самостоятельности, об отмене выборных начал в университетах и об усилении власти попечителей, о необходимости ориентироваться на австрийские образовательные учреждения, поскольку в них не было беспорядков, как в некоторых германских высших учебных заведениях¹³⁷.

Все эти тенденции проявлялись в образовательной политике Шишкова. Он укреплял полномочия попечителей учебных округов, выступал против избирания ректоров университетской средой¹³⁸. 28 июля 1826 г. Николай I утвердил его доклад об определении ректоров Виленского университета по назначению правительства. В этом докладе адмирал ссылаясь на мнение Н. Н. Новосильцева, который считал, что копирование системы «древних немецких университетов» и «республиканского» управления в них «вредны» для России, несообразны с государственными постановлениями, основанными на единстве управления и непосредственной зависимости от верховной власти¹³⁹.

26 июня 1826 г. на заседании Комитета устройства учебных заведений адмирал предложил освободить профессоров от хозяйственных и административных обязанностей, переложив эти функции на назначаемых правительством чиновников. Впрочем, эта мера была направлена не только на усиление бюрократических начал, но и на высвобождение у профессоров времени для занятий науками. Она была воплощена в жизнь общим университетским уставом 1835 г.¹⁴⁰

В целом министерская деятельность Шишкова стала подготовительным этапом в реформе высшего образования. Собранные тогда мнения повлияли на содержание упомянутого университетского устава, определившего

---

¹³⁷Матулис Т. Н. Завгородняя О. И. Указ. соч. С. 132.

¹³⁸Шмид Е. К. Указ. соч. С. 294.

¹³⁹ПСЗ – II. Т. 1. № 498.

¹⁴⁰Петров Ф. А. Указ. соч. С. 35.

внутреннюю структуру высших учебных заведений, компетенцию руководства и начальствующих лиц, права и обязанности профессорско-преподавательского состава, а также усилившего роль попечителя на местах при сохранении выборных начал.

С целью упорядочивания учебной литературы Шишков, в начале своей министерской деятельности, поручил функционировавшему при Главном правлении училищ Ученому комитету составить единый перечень учебных книг. Эта мера, как и прочие, отражала стремление высшей бюрократии к контролю за содержанием преподавания. 11 июня 1824 г. он требовал от попечителей распорядиться, чтобы профессора внесли на рассмотрение университетских Советов и Главного правления училищ подробные конспекты лекций с указанием использованных книг¹⁴¹. В 1826 г. такие конспекты были опубликованы¹⁴².

Министерство Шишкова стало временем закрепления сословного принципа в образовании. Его суть, по П. Ф. Каптереву, заключалась в следующем: «Путем школ и образования не следует выводить учащихся из тех сословий, к которым они принадлежат по рождению, ибо это могло бы вести к потрясению основ государства, но не следует оставлять народонаселение и без образования, что также вредит государственным интересам. Самое лучшее – давать образование в меру, причем каждому сословию назначить определенный тип образования, определенную школу, каждого с детства готовить к ожидающей его в будущем деятельности»¹⁴³. С. А. Корф отмечал, что повышение образовательного и культурного уровня народа делало ликвидацию сословного общества вопросом времени: «При более высокой культуре населения сословный строй не может сохраняться, что нам показывает история всех западноевропейских государств. С распространением

---

¹⁴¹11 июня 1824 г. Циркулярное предложение о введении конспектов курсам наук, преподаваемых в университетах // Сборник распоряжений по министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т.1. Стб. 515–517.

¹⁴²*Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 13.

¹⁴³*Каптерев П. Ф.* Указ. соч. С. XII.

образования увеличивается культурность населения, а с поднятием уровня последнего силою вещей должна падать сословная обособленность. Образование и культура, идя рука об руку, непобедимые враги сословности»¹⁴⁴.

Об упущении в училищных уставах сословного принципа адмирал говорил на первом заседании Комитета устройства учебных заведений 2 июня 1826 г.¹⁴⁵ Шишков предлагал сохранить три разряда учебных заведений, с тем, чтобы каждый из них давал «законченное» образование тому сословию, для которого предназначался. По его мнению, в приходских училищах должны были обучаться дети из крестьян, мещан и «промышленников низшего класса», в уездных – купеческие, обер-офицерские и дворянские дети, в гимназиях – преимущественно дворяне¹⁴⁶.

Кроме того, проблемы народного просвещения министру виделись в крайне скудной оплате учебного и административного персонала, в недостаточном надзоре за учебными заведениями, в упадке университетов, вызванном популярностью лицеев и благородных пансионов, в отсутствии у дворян стимулов обучаться в уездных училищах и гимназиях. Решение этих проблем представлялось Шишкову в ведении при гимназиях должности почетных попечителей из местных дворян, в поощрении гимназистов-отличников четырнадцатым классом «Табели о рангах» через шесть месяцев по вступлении в гражданскую службу, в закрытии частных пансионов, как источника поверхностного образования и иностранного, прежде всего, французского воспитания. Министр также считал необходимым получение домашними учителями свидетельств о допуске к преподаванию. В планы Шишкова входило упразднение участия иностранцев в образовании российских юношей. Дальнейшие слушания в Комитете устройства учебных заведений выявили в нем сторонника такой воспитательной меры, как битье

---

¹⁴⁴*Корф С. А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906. С. 198.

¹⁴⁵*Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 180.

¹⁴⁶*Шмид Е. К.* Указ. соч. С. 229.

розгами. Адмирал исходил из того, что уверенность учащихся в неприменении к ним телесных наказаний рождала непокорство и самоуверенность в вопросах, находившихся вне их понимания¹⁴⁷.

Некоторые мысли Шишкова о проблемах российского образования были близки А. С. Пушкину. 15 ноября 1826 г. он предоставил Николаю I записку «о народном воспитании». В ней говорилось о преступных заблуждениях молодых людей, происшедших по причине недостатка просвещения и нравственности, о литературе, превратившейся в рукописные пасквили на правительство, о тайных обществах, заговорах, кровавых и безумных замыслах¹⁴⁸. Подобно адмиралу, поэт осуждал стремление молодых дворян поскорей начинать службу, минуя длительный период обучения. Он также являлся противником большого объема иностранных языков в преподавании.

С охранительными взглядами Шишкова диссонировало высказывание Пушкина о том, что «уничтожение чинов представляло великие выгоды», предложение отменить экзамены, ибо «в России все продажно», требование положительного освещения республиканских идей, неприятие телесных наказаний в кадетских корпусах, защита обучения в иностранных университетах¹⁴⁹.

Оба писателя сходились на том, что народное просвещение должно быть общественным, а не частным или домашним. О недостатках последнего Пушкин писал следующее: «В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, безнравственное. Ребенок окружен одними холопами, видит гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем. Воспитание в частных пансионах немногим лучше. Здесь и там оно

---

¹⁴⁷Там же. С. 268.

¹⁴⁸Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1962. Т. 7. С. 355.

¹⁴⁹Там же. С. 358.

кончается на шестнадцатилетнем возрасте воспитанника. Нечего колебаться, во что бы то ни стало подавить воспитание частное. <...> Молодой человек, не воспитанный в государственном училище, вступая в службу, не получает вперед никаких выгод и не имеет права требовать экзамена»¹⁵⁰.

В 1827 г. прошла ревизия частных пансионов, которая выявила, что многие из них содержались без правительственного разрешения, преподаватели работали без свидетельств, русскому языку и истории не отводилось должного внимания. Было повторено распоряжение о преподавании всех наук на русском языке¹⁵¹. Однако, запрещения частного образования не последовало ни при министре-Шишкове, ни после него. Оно продолжало развиваться под государственным контролем.

Николай I лично продвигал в образовании принцип сословности. Своим рескриптом от 19 августа 1827 г. на имя Шишкова, он предписал допускать в высшие учебные заведения и гимназии только людей «свободных состояний» и вольноотпущенников. Крепостные крестьяне и дворовые люди могли обучаться в уездных, приходских, сельскохозяйственных, ремесленных и промышленных училищах. Доступ к гимназическому и университетскому образованию оказывался для них закрытым. В тоже время рескрипт не произвел полной дифференциации внутри лиц «свободных состояний», к которым относились дворяне, мещане, ремесленники, купцы, государственные крестьяне. Все они, по сути, сохраняли право на совместное обучение в государственных учебных заведениях любого рода. В рескрипте назывались следующие аргументы против совместного обучения крепостных и дворян в гимназиях: дурное влияние первых на вторых и, как следствие, нежелание дворян отдавать своих детей в гимназии; приучение крепостных к

---

¹⁵⁰Там же. С. 357.

¹⁵¹*Кантерев П. Ф.* Указ. соч. С. 324.

несвойственному для них роду жизни, образу мыслей и понятиям, что вызывало у них недовольство своим положением и «пагубные мечтания»¹⁵².

Принцип сословности предусматривал профессиональную дифференциацию обучающихся: «Необходимо, чтобы предметы учения и самые способы преподавания были по возможности соображаемы с будущим вероятным предназначением обучающихся, чтобы каждый, вместе с здравыми, для всех общими понятиями о вере, законах и нравственности, приобретал познания наиболее для него нужные, могущие служить к улучшению его участи, и не быв ниже своего состояния, также не стремился чрез меру возвыситься над тем, в коем, по обыкновенному течению дел ему суждено оставаться», – отмечалось в рескрипте¹⁵³. Все это соответствовало намерениям Шишкова укреплять государственный строй.

Наработки шишковского министерства нашли свое отражение в изданном 8 декабря 1828 г. уставе гимназий, уездных и приходских училищ¹⁵⁴. Документ подвел черту под усилиями адмирала придать российскому образованию единообразие. В соответствии с уставом, приходские училища предназначались для распространения первоначальных сведений между «самыми нижними состояниями» (§.4). Доступ в уездные училища был открыт всем сословиям. Преимущественно же они служили целям предоставления «нравственного образования» и «полезных» знаний купцам, ремесленникам и мещанам (§.46). Уставом подразумевалось, что воспитываться в гимназиях должны дети дворян и чиновников (§.137). Если учителями приходских училищ могли работать «люди всякого состояния», то в уездных училищах – «люди свободного состояния». Учителя должны были сдавать экзамены на право преподавания и предоставлять свидетельства о «беспорочном

---

¹⁵²19 августа 1827 г. О порядке допущения в высшие учебные заведения к слушанию лекций и в низшие училища к обучению людей свободных состояний и помещичьих, и о распространении надзора Министерства народного просвещения на все училища, кроме военных и духовных // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. Отд. 1. Стб. 71.

¹⁵³Там же.

¹⁵⁴ПСЗ - II. Т. 3. № 2502.

поведении» (§.11,50). Сословному характеру учебных заведений соответствовала строгая разбивка должностных лиц и учителей по классам Табели о рангах (§.35,131,226,229,230,231). Таким образом, устав закреплял сословность в образовании и регулировал кадровый вопрос.

Учебные курсы были рассчитаны на один год в приходских училищах, на три года в уездных училищах и на семь лет в гимназиях. В соответствии с патриархальными традициями общества женское образование в государственных школах не распространялось выше уровня приходских училищ (§.52). Среди воспитательных методов предусматривалось воздействие на учащихся путем убеждения и личного примера, а также выговоры, «пристыжения», выставление имени виновного на черной доске, запираение в классе на несколько часов, битье розгами (§.30,31,203,204,205).

Помимо обыкновенного способа преподавания допускалась ланкастерская метода взаимного обучения старшими учащимися младших (§.17). В гимназиях учителя должны были приучать своих воспитанников рассуждать. Простое диктование уроков, заучивание наизусть, «ни в коем случае» не дозволялось¹⁵⁵. Пение молитв, соблюдение церковных празднеств являлось неотъемлемой частью учебного процесса (§.24).

В обучение по-прежнему превалировали общеобразовательные черты, а профессионализация обуславливалась дозволением руководству уездных училищ открывать дополнительные курсы, связанные с занятиями торговлей и промышленностью (§.58,59,60,61,62,63,64,65). В учебный курс приходских училищ входили следующие дисциплины: Закон Божий, чтение, чистописание и первые четыре действия арифметики (§.15). Программа уездных училищ включала: Закон Божий, Священную и церковную историю, русский язык, арифметику, геометрию до стереометрии включительно, географию, Историю Государства Российского, Всеобщую историю, чистописание, черчение и рисование (§.57). В гимназиях должны были изучаться: Закон Божий,

---

¹⁵⁵Там же. С. 1112.

Священная и церковная история, российская грамматика, словесность, логика, латинский, немецкий и французский языки, математика до конических сечений включительно, география, статистика, история, физика, чистописание, черчение и рисование. В гимназиях, состоявших при университетах, изучался греческий язык (§.144,145).

Помимо прочего, устав оговаривал должностные обязанности администрации учебных заведений, регулировал надзорные и хозяйственные функции. Директору гимназии подчинялись все казенные и частные учебные заведения в губернии (§.166). Помощь по части надзора за преподаванием и нравственной частью воспитания ему оказывал инспектор гимназии. Уездные и приходские училища контролировались штатными смотрителями. Из дворянских обществ выбирались почетные смотрители уездных училищ и почетные попечители гимназий (§.49,137).

Важным новшеством Устава средних и низших учебных заведений 1828 г. был разрыв образовательной цепочки: по окончании низших училищ юноша не мог продолжить свое образование в средних учебных заведениях, его образование считалось законченным. Устав воплотил в себе идеи Шишкова о государственном контроле и сословности в образовании, о нравственно-религиозных началах воспитания, о сочетании общеобразовательных и профессиональных принципов обучения.

Министр проявлял большое внимание к положению дел на местах. Им был создан Комитета для осмотра университетов, училищ и пансионов во главе с генерал-майором Л. Л. Карбоньером, капитаном I-ранга П. И. Рикордом и капитан-лейтенантом П. А. Ширинским-Шихматовым. Обязанностью учреждения являлось составление единообразных инструкций для визитаторов, которые избирались из членов Главного правления училищ для наблюдения за деятельностью учебных заведений. Предполагалось, что инструкции будут различными для университетов, училищ и пансионов

«Российских», Римско-католических и Лютеранских¹⁵⁶. Таким образом, российская система просвещения должна была учитывать конфессиональные различия между подданными.

В мае 1825 г. он озаботился тем, что в учебных округах давно не проводились осмотры. Через директора Канцелярия министерства народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова министр напоминал учебному руководству на местах о том, что университетское начальство и директора училищ должны ежегодно делать проверки подведомственных учреждений, а попечители – хотя бы раз в два года. Несоблюдение этих правил стало одним из факторов ухудшения отношений между Шишковым и попечителем Казанского учебного округа М. Л. Магницким. Было выяснено, что от подведомственного ему университета отчеты не поступали с 1822 г., а из многих школ округа – с 1821 г.¹⁵⁷

Чиновник представил свои возражения по этому поводу. Они заключались в следующем: по соглашению с А. Н. Голицыным осмотры производились не через университетских визитаторов, а через «особых чиновников»; ни один учебный округ «так часто и постоянно осматриваем не был» как Казанский; местный университет был принят им в «совершенной развалине», а потому он не имел нужды видеть его лично. Магницкий оправдывался еще и тем, что большую часть своего времени уделял делам Главного правления училищ: доказывал «вредность» «германского воспитания» в России, составлял инструкции для Казанского университета, обличал «разрушительные начала науки естественное право», прекращал преподавание «нечестивой философии» в благородном пансионе Московского университета, разбирали обнаруженные в Казанском университете тетради петербургских профессоров и «нечестивые книги», разоблачал «вредные учения» в конспектах Виленского университета, писал цензурный устав и записку о «гибельном положении нашего народного воспитания», а также

---

¹⁵⁶РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 6. Л. 4 об.

¹⁵⁷Там же. Л. 54.

готовил для Шишкова доклад об «опасной» деятельности известного масона, суперинтенданта Саратовской евангелической консистории и преподавателя еврейского языка И. А. Фесслера¹⁵⁸.

Министр не удовлетворился объяснениями Магницкого. 26 июня 1825 г. из его канцелярии казанскому попечителю последовал укоризненный ответ. Он заключался в следующем: «воссоздание» Казанского университета требовало присутствия там попечителя с первых лет от вступления в эту должность. Магницкий же не проводил никаких осмотров с 1819 г., в подведомственные ему губернии подолгу не отправлялись визитаторы, многие директора училищ не присылали отчетов. Попечитель обвинялся в хищении четырех тысяч рублей, отпущенных ему в 1822 г. на объезд училищ Саратовской, Пензенской, Симбирской, Казанской и Нижегородской губерний, а также Казанского университета. Далее Магницкому следовали упреки в том, что он занимался делами, не относившимися к его компетенции. Подчеркивалось, что чиновник взял на себя функцию целого комитета, созданного для составления цензурного устава, а также самовольно принимал решения по запрещению книг в условиях, когда министерство Шишкова не запретило ни одного сочинения. Министр пообещал донести на попечителя императору, если на его предписания и впредь будут делаться возражения¹⁵⁹.

Разразившийся конфликт служит опровержением историографического мнения о Шишкове как об «игралоце Магницкого и подобных ему обскурантов»¹⁶⁰. В середине 1820-х гг. многие осуждали его за то, что он не удалил чиновника из министерства, позволял там распоряжаться по-прежнему и даже поддался его влиянию¹⁶¹. Согласно мемуарам В. И. Панаева, принимавшего самое деятельное участие в борьбе с «разрушителем» Казанского университета, отстранения Магницкого от государственных дел

---

¹⁵⁸ Там же. Л. 38–45.

¹⁵⁹ Там же. Л. 59–69 об.

¹⁶⁰ Богданович М. И. Указ. соч. Т. 6. С. 395.

¹⁶¹ Стоюнин В. Я. А. С. Шишков // Исторические сочинения. СПб., 1880. Ч. 1. С. 339.

желало все столичное общество¹⁶². Этого хотел М. М. Сперанский. А. Н. Голицын не мог ему простить предательства, вызывавшее его отставку с министерского поста. Ближайшее окружение Шишкова в лице директора Департамента народного просвещения Д. И. Языкова и правителя канцелярии министра П. А. Ширинского-Шихматова вместе с В. И. Панаевым готовили против Магницкого бумагу о его делах по Казанскому учебному округу. Пока одиозного чиновника поддерживал влиятельный А. А. Аракчеев, адмирал действовал осторожно.

Из мемуаров В. И. Панаева следовало, что Магницкий намеревался по подобию Казанского и Петербургского университетов «разорить» университет в Дерпте, считая его источником либерализма. Шишков это предотвратил. Он получил разрешение государя самому провести осмотр. Дерптский университет произвел на него благоприятное впечатление, о чем было доложено Александру I¹⁶³. Таких эпизодов, когда Магницкий стремился «подставить» Шишкова перед императором, если верить Панаеву, было достаточно, чтобы вывести адмирала из терпения. Доходило до совсем анекдотических ситуаций, как, например, с неудавшейся попыткой попечителя составить портрет Шишкова для своего конференц-зала, чтобы выкинуть его оттуда после увольнения министра, как он прежде поступил с портретом Голицына¹⁶⁴.

Точка в этом конфликте была поставлена в начале царствования Николая I. Казанский университет подвергся ревизии генерал-майора П. Ф. Желтухина. Что примечательно, Желтухин, в условиях разгула николаевской реакции, назвал фанатизмом изъятие из университетской библиотеки трудов Вольтера и Дидро¹⁶⁵. Магницкий был признан виновным в противозаконных и самовольных поступках, в превышении присвоенной ему власти, в неповиновении начальству и в расстройстве учебной части. 6 мая 1826 г.

---

¹⁶²Панаев В. И. Указ. соч. С. 112.

¹⁶³РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. ед.хр. 1. Л. 63 об.

¹⁶⁴Панаев В. И. Указ. соч. С. 107.

¹⁶⁵Скабичевский А. М. Указ. соч. С. 210.

последовало его увольнение с попечительской должности и из Главного правления училищ. В середине того же года по обвинению в растрате денежных средств при строительстве нового здания университета был отстранен от должности и отдан под суд попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Д. П. Рунич¹⁶⁶.

Таким образом, Шишков избавил свое министерство от наиболее одиозных чиновников, имена которых стали символами мракобесия, обскурантизма и преследований профессоров. Впрочем, министерская деятельность адмирала в николаевское царствование тоже была омрачена репрессиями в университетской среде. Они коснулись Московского университета и состоявшего при нем Благородного пансиона. В разные годы там прошло обучение около шестидесяти будущих декабристов¹⁶⁷. В апреле 1826 г. ревизию учебных заведений произвел флигель-адъютант С. Г. Строганов. За ходом дела следил Николай I, в июле того же года лично посетивший Московский университет. Было выявлено, что лекция профессора И. И. Давыдова «при некоторых справедливых о философии понятиях, оказалась содержащею в себе многие места неудобопонятные и темные, неуместный восторг и отчасти мудрования новейших философов Фихте и Шиллинга»¹⁶⁸. Кафедра философии была закрыта, а Давыдов удален от должности инспектора Благородного пансиона при университете. А. А. Прокопович-Антонский лишился должности ректора. Поэт А. И. Полежаев был отдан в солдаты. По университету усиливался надзор за студентами. Учебному руководству предписывалось наблюдать за их образом мыслей и поведением, проводить обыски ученических спален на предмет запрещенной литературы, делать ежедневные осмотры учебного заведения¹⁶⁹. Несмотря на очевидную строгость этих мер, при Шишкове-министре ни разу не вставал вопрос о закрытии какого-либо из университетов.

---

¹⁶⁶РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 207. Л. 29-33 об.

¹⁶⁷*Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 60.

¹⁶⁸РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 207. Л. 22.

¹⁶⁹*Петров Ф. А.* Указ. соч. С. 61.

В целом, контроль за положением дел на местах при Шишкове был усилен. Адмирал поставил в обязанность попечителям ежегодно предоставлять отчеты о действиях университетов и их учебных округов не только по хозяйственной, но и по учебной части. Он также истребовал исторические записки о многолетней деятельности учебных заведений¹⁷⁰.

Состав попечителей учебных округов после перестановок выглядел следующим образом: К. М. Бороздин с 1826 г. возглавлял Санкт-Петербургский округ, А. А. Писарев с 1825 г. – Московский, А. А. Перовский с 1825 г. – Харьковский. М. Н. Мусин-Пушкин с 1827 г. – Казанский, Н. Н. Новосильцев с 1824 г. – Виленский, К. А. Ливен продолжал возглавлять Дерптский учебный округ¹⁷¹.

§ 3. Цензурная политика и последние годы жизни А. С. Шишкова

К сфере деятельности Министерства народного просвещения относилась цензура печати, осуществляемая комитетами при университетах. В России действовал цензурный устав 1804 г., который, как и многие другие начинания первых лет правления Александра I, носил либеральный характер, предоставляя публике высокую степень свободы в высказывании своего мнения.

Предшествовавшее Шишкову министерство А. Н. Голицына с крайним недоверием относились к проявлениям свободы слова. По оценке А. Н. Пыпина, период 1819–1924 гг. являлся «истинным бедствием для науки и литературы», «временем несноснейшей цензуры»¹⁷². Назначение адмирала на место Голицына вызвало в обществе надежды на смягчение правительственного контроля за содержанием книг: «С переменою министерства, ожидаю и перемены цензуры. <...> Бируков и Красовский

¹⁷⁰РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. Л. 6.

¹⁷¹*Рождественский С. В.* Указ. соч. С. 168.

¹⁷²*Пытин А. Н.* Указ. соч. №11. С. 224.

невтерпеж были глупы, своенравны и притеснительны», – писал А. С. Пушкин своему младшему брату Л. С. Пушкину 13 июля 1824 г.¹⁷³ Другой поэт «золотого века» русской литературы Н. М. Языков в письме к брату А. М. Языкову от 24 мая 1824 г. скептически оценивал подобные чаяния: «Знаешь ли ты, что Голицын отлучен от Министерства Просвещения и оставлен при одной Почте? Что на место его – кто бы ты думал? Шишков! Тут едва ли одно не хуже другого. Впрочем, говорят критики, что все таки это лучше, ибо есть надежда, что министерство Шишкова не может быть долговечно по причине его телесной дряхлости и долголетия, а Голицын де живущ до крайности»¹⁷⁴.

Между тем, изменение цензурного устава 1804 г. являлось одной из *Idée fixe* адмирала. О необходимости усилить правительственное внимание за печатью он говорил в Государственном совете в 1815 г., в Комитете министров во время дела профессоров, в письмах к Александру I в начале своей министерской деятельности. Его проект основывался на том, что цензура не должна «стеснять» талантливых писателей, при этом обязана «обуздывать своевольные и неосновательные мысли»¹⁷⁵. Согласно его взглядам, «сочинители злочестивых и развратных книг» были «преступней» и «опасней» заговорщиков¹⁷⁶.

Как показывал А. М. Скабичевский, в период министерской деятельности Шишкова росло количество правительственных запретов в сфере печати. В России не дозволялось издавать помещичьи уставы, относящиеся к управлению крестьянами. Чиновникам запрещалось писать о внутренних и внешних делах России без разрешения своего начальства. Тема военных поселений А. А. Аракчеева также относилась к числу nereкомендованных. Сильнейшее наводнение в Петербурге 7 ноября 1824 г.,

¹⁷³Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т., Т. 13. М.-Л., 1937. С. 136.

¹⁷⁴Языков Н. М. Письма к родным за дерптский период его жизни 1822-1829 гг. (под ред. Е. В. Петухова). // Языковский архив. Вып. 1. СПб., 1913. С. 135.

¹⁷⁵Шишков А. С. Указ. соч. С. 167-169.

¹⁷⁶ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.

приковавшее к себе внимание его жителей и население европейских государств, было рассмотрено в газетах лишь спустя год после катастрофы. Даже статистические данные о числе убийств и самоубийств в России замалчивались от широкой общественности¹⁷⁷

Зеленый свет планам адмирала по преобразованию цензуры дал Николай I, поручив ему 24 декабря 1825 г. составление нового устава. 5 января 1826 г. Шишков возложил эту задачу на директора своей канцелярии князя П. А. Ширинскому-Шихматову.

Император лично интересовался различными мнениями на сей счет. 26 мая 1826 г. агент III отделения императорской канцелярии Ф. В. Булгарин подал ему записку «О цензуре в России и о книгопечатании вообще». В ней цензура называлась недопустимой в цивилизованном обществе «полицейщиной», а также высказывалась надежда, что правительство сможет направлять общественное мнение в нужное ему русло путем убеждения, противопоставляя либеральным идеям – идеи нравственные¹⁷⁸. 5 июля с запиской ознакомился Шишков. Он высказался против неограниченной гласности, ведущей, по его мнению, к нарушению должного уважения к властям и к народным бунтам¹⁷⁹.

В центре внимания Шишкова находился вопрос о ведомственной принадлежности цензуры. К тому времени привозимые из-за границы книги и театральные сочинения находились в ведении Министерства внутренних дел. Остальные светские сочинения относились к ведомству Министерства народного просвещения. Труды религиозного толка рассматривались духовной цензурой.

Шишков являлся сторонником централизации управления цензурой. Его позиция была продиктована стремлением вывести ее из-под управления

¹⁷⁷Скабичевский А. М. Указ. соч. С. 211–212.

¹⁷⁸Булгарин Ф. В. О цензуре в России и о книгопечатании вообще // Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 45–55.

¹⁷⁹Мнение А. С. Шишкова о цензуре и книгопечатании в России 1826 года // Русская старина. 1904. Т. СХІХ, №. 7. С. 201–211.

университетских советов и профессоров, устранить медлительность в рассмотрении книг и путаницу, при которой одно и то же сочинение в некоторых университетах запрещалась, а в других было разрешено. Шишков считал недопустимым правило, по которому профессора беспрепятственно выписывали из-за границы книги. Он также был недоволен нарушениями запрета частным лицам печатать своды законов без сообщения о том в Собственную его императорского величества канцелярию. Помимо прочего, министр считал необходимым увеличить число цензоров, расширить правила и руководства при разборе сочинений¹⁸⁰.

Нужно отметить, что иной раз взгляды Шишкова на цензуру печати были более строгими, чем у признанного в историографии врага свободы Николая I. Так, например, по поводу предложения министра не позволять печатать «места в сочинениях и переводах, имевшие двоякий смысл», Николай I заметил: «По сему параграфу все почти сочинения могут быть запрещены»¹⁸¹. Среди других «стеснительных» для печати предложений Шишкова император выделял следующие: запрет «означать целые места точками», чтобы читатели сами угадывали смысл; при изложении истории критиковать монархическое правление, входить в «произвольные умствования» об истории. Министр отвечал тем, что никто из писателей не жаловался на введенный 13 февраля 1822 г. запрет использовать точки вместо недозволенных цензурой слов. Он опровергал слова императора о том, что устав вообще запрещал историю римской, греческих и других республик, а также исторические сочинения К. Тацита, Т. Ливия, Н. М. Карамзина. В итоге ему удалось убедить Николая I в необходимости поставить науку о прошлом в такие рамки, при которых она будет формировать благоприятный образ самодержавия, любовь к Отечеству, почтение к православной вере и оберегать народные нравы¹⁸².

---

¹⁸⁰РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 557. Л. 104–115.

¹⁸¹Там же. Л. 124 об.

¹⁸²Там же. Л. 124 – 127 об.

10 июня 1826 г. Шишков представил императору доклад, в котором он объяснял причину пересмотра Устава о цензуре 1804 г. недостатком правил для разбора содержания книг¹⁸³. Целью нового устава было «оградить веру отцов наших, преданность к престолу, любовь к Отечеству и чистоту нравов народных, сего священного наследия предков наших»¹⁸⁴. По сути, это была формулировка консервативной триады николаевского царствования: «православие, самодержавие, народность».

В тот же день устав был утвержден. От своего «либерального» предшественника 1804 г. он отличался, прежде всего, большим объемом (19 глав и 230 параграфов), а потом уже строгостями. В первом параграфе указывалось: «цель учреждения цензуры состоит в том, чтобы произведениям словесности, наук и искусства, при издании их в свет <...> дать полезное, или, по крайней мере, безвредное для блага отечества направление»¹⁸⁵.

Министерству народного просвещения вверялось Главное управление цензуры. Оно подразделялось на две инстанции: высшую и низшую. К первой относился Верховный цензурный комитет, состоявший из министров народного просвещения, внутренних дел и иностранных дел. Место правителя верховного цензурного комитета занимал директор канцелярии Министерства народного просвещения. К прочим частям цензуры относились: Главный цензурный комитет в Санкт-Петербурге, а также цензурные комитеты в Москве, Вильно и Дерпте. В петербургском комитете заседали шесть цензоров, которые рассматривали книги на разных языках, и председатель. В других комитетах полагалось иметь не более трех цензоров. Все комитеты подчинялись попечителям учебных округов. Координировал деятельность органов цензурного контроля министр народного просвещения.

---

¹⁸³Доклад Его Императорскому Величеству от министра народного просвещения // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 128.

¹⁸⁴Устав о цензуре 1826 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 129.

¹⁸⁵Там же. С. 130.

В двенадцатой и тринадцатой главах устава подробнейшим образом оговаривались цензурные ограничения. Подлежали запрету: публикации, не одобренные властями важных известий и рескриптов; стихи и сочинения о монарших особах, напечатанные без их согласия; записки частных лиц по тяжёлым делам; учения тайных обществ; суеверия, магические, астрологические и кабалистические произведения; политические статьи, в которых не указан источник информации; порицание христианских исповеданий; отрывки из поэм, романов, повестей, речей, театральных сочинений сомнительного содержания; двусмысленные тексты; использование точек с тем, чтобы читатели сами угадывали смысл; безграмотно написанные рукописи; сочинения, ставившие под сомнение святость и достоверность книг Св. Писания, православной веры, ее обрядов и преданий; тексты, возбуждавшие неуважение к церковной иерархии, ослаблявшие почтение к правительству и порицавшие монархический образ правления; мнения частных лиц о государственных преобразованиях, об изменении прав и преимуществ сословий напечатанные без правительственного дозволения; критика держав Священного Союза¹⁸⁶.

Как видно из этого перечня, любое сочинение, содержащее хотя бы малейший намек на критику властей, государственных порядков и церкви, могло подвергаться запрещению. Более того, при описании народных возмущений в других странах, сочинитель не должен был оправдывать виновников произошедшего, открывая читателям глаза на ужасы тех событий (§.178). Строго запрещалось излагать историю в неблагоприятном для монархического правления ключе, а также юридические сочинения, заключающие в себе теорию «о первобытном зверском состоянии, будто бы естественном, о мнимом составлении первобытных гражданских обществ посредством договоров, о происхождении законной власти не от Бога» (§.190). Это положение, по сути, вводило запрет на современную философию

---

¹⁸⁶Там же. С. 164-171.

естественного права. Из медицинских наук исключалось всякое покушение на религиозные представления о духовности души, о высшем определении к будущей жизни (§.193).

Шестнадцатая глава посвящалась цензуре еврейских книг. Предлагалось запрещать те из них, в которых хулилось христианство и его Основатель, внушалась ненависть или презрение к людям других вер, позволялось обманывать христиан. Эти положения устава отражали давнее недоверие российского правительства к еврейским религиозным книгам. Еще в 1820 году российская администрация в Царстве Польском и в Гродненской губернии собрала выписки из Талмуда и других духовных сочинений. В них она обнаружила «самые вредные правила и внушения»: «якобы человек другой веры не есть ближний, а не чистое животное, другие народы должны работать для евреев, еврей не должен быть свидетелем в пользу человека другой веры, может его обманывать, может давать ложную присягу со спокойной совестью, евреи не должны прибегать к суду христианскому, хотя бы суд был справедливый, могут убить еврея, объявляющего тайны их общества, или отступающего от их закона»¹⁸⁷.

Цензурный устав 1826 г. действовал менее двух лет и вызывал бурные негодования общественности. Цензор С. Н. Глинка полагал, что им можно было «Отче наш перетолковать якобинским наречием» и дал ему закрепившееся в общественном сознании прозвище «чугунный»¹⁸⁸. По оценке В. Ф. Одоевского, «чугунным» уставом «запрещались не только целые роды сочинений, но целые отделы наук; запрещалось не только что-либо противное какому бы то ни было правительству или какому бы то ни было вероисповеданию, но философия, политика, геология, вообще всякое рассуждение, где автор от рассмотрения природы восходит мыслию к

---

¹⁸⁷РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 557. Л. 56-56 об.

¹⁸⁸*Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т.2. СПб. 1903. С. 46.

божеству; наконец, даже биография и мемуары и прочее»¹⁸⁹. Н. М. Языков называл устав 1826 г. «совершенной инквизицией», которая могла быть инициирована разве что «монархом Высокой Порты»¹⁹⁰. По словам Ф. В. Булгарина, этим уставом была «объявлена явная война каждой мысли и чувству», с ним не могло быть «ни истории, ни статистики, ни путешествий», все опасались преследований¹⁹¹.

В современной историографии с цензурным новшествами Шишкова связывают «черные дни» для литературы и печати¹⁹². Адмирал же считал, что его детище не стесняло свободы благонамеренных писателей, вызывая гнев у вольнодумцев. Он выступал против ревизии устава 1826 г., поскольку такие попытки возникли в связи подготовкой проекта цензуры иностранных книг. 8 ноября того же года управляющий министерством внутренних дел В. С. Ланской предложил императору при рассмотрении иностранной литературы руководствоваться общими цензурными положениями. Тогда Николай I создал Временный комитет для подготовки проекта устава зарубежных сочинений. Его члены исходили из того, что иностранные книги не несут угроз России, поскольку «читаются обыкновенно не многими и образованнейшими людьми в Государстве»¹⁹³. Шишков же после восстания декабристов испытывал предубеждения против образованного общества, противопоставляя ему неграмотный, но верноподданный народ: «Часто Минины с бородами и простые воины, поступающие из земледельцев, которых не называют образованными, оказывали великие отечеству услуги и умирали за Бога и Царя. Напротив того, из осужденных за 14-е число Декабря 1825, да забудется день сей, едва ли не все по наружному виду и наукам были

---

¹⁸⁹Одоевский В. Ф. К истории русской цензуры. Еще о цензуре // Русский архив. 1874. Кн. 2. № 7. С. 12.

¹⁹⁰Языков Н. М. Письма к родным за дерптский период его жизни 1822-1829 гг. (под ред. Е. В. Петухова). // Языковский архив. Вып. 1. СПб., 1913. С. 263.

¹⁹¹Булгарин Ф. В. Толки о рассмотрении Цензурного устава // Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М, 1998. С. 90.

¹⁹²Полусмак Т. Л. Цензурное законодательство дореволюционной России : диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2003. С. 53.

¹⁹³РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.

образованные люди, но по заблуждению ума, неутвержденного в Вере и Законе Божиим, сделались хуже необразованных»¹⁹⁴.

Шишков безуспешно оппонировал своему давнему литературному противнику Д. В. Дашкову в Особом комитете, который вел дело к пересмотру «чугунного» устава. Слухи о намерении государя изменить правила цензуры вызвали подъем общественных настроений. По словам Ф. В. Булгарина, везде, где он был «25 и 26 ноября – в Адмиралтействе, Департаменте министра юстиции, Сенате 3-го и 4-го департаментов, Комиссии прошений и в нескольких обществах – один предмет разговоров: рассмотрение Цензурного устава»¹⁹⁵. В 1828 г. шишковский устав был заменен более либеральным.

В том же году адмирал почувствовал, что усиливающаяся болезнь лишала его возможности носить звание министра народного просвещения¹⁹⁶. 23 апреля Николай I принял его отставку¹⁹⁷. За Шишковым оставались должности члена Государственного совета и президента Российской академии с полным министерским содержанием. В его работе уже не было системности. Он отлучался из Петербурга для лечений, а встречи академиков фактически проходили у него на дому. Шишков занимался изданием своих филологических сочинений и записок, веденных во время войны с французами 1812 г. За это он получал благодарности от членов русской императорской фамилии, а также от прусского короля и сербского князя. Он успешно ходатайствовал о переводе своего племянника кадета Василия из Москвы в Петербург, а племянниц Софью и Надежу определил воспитанницами в Общество благородных девиц. По его прошению Ардалион Шишков в 1833 г. был зачислен кандидатом Александровского кадетского корпуса¹⁹⁸.

Между тем, адмирал внимательно следил за государственными делами и делился своими мнениями с современниками: «В обществе Шишков и в

---

¹⁹⁴Там же. Л. 1 об.

¹⁹⁵Булгарин Ф. В. Указ. соч. С. 89–90.

¹⁹⁶ОР ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

¹⁹⁷РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

¹⁹⁸Там же. Л. 12–15.

глубокой старости был интересным собеседником, – отмечал В. Я. Стоюнин, – с одними он любил серьезный спор, других занимал забавными рассказами о прошедших временах, как человек бывалый»¹⁹⁹.

После смерти своей первой жены Д. А. Шельтинг в 1825 г., адмирал женился на приверженной к католической вере польке Юлии Осиповне Лобаржевской. Этим поступком он удивил современников, поскольку пользовался репутацией ревнителя всего русского. Его вторая женитьба являлась типичным примером неравного брака. Великосветская, умная и образованная Ю. О. Лобаржевская находилась в стеснительном материальном положении, а также была намного моложе своего супруга. Выбором невесты были недовольны племянницы Шишкова, справедливо опасаясь остаться без наследства. Поэтому в семье адмирала часто возникали ссоры. В конце концов, он передал Ю. О. Лобаржевской право пожизненного владения их домом и имением²⁰⁰.

С конца 1820-х гг. дом Шишкова был своеобразным центром польской диаспоры Петербурга. Среди его гостей числился знаменитый польский поэт А. Мицкевич. Их общение касалось излюбленных адмиралом вопросов славянской филологии. Эту же тему Шишков обсуждал с родственником жены журналистом О. А. Пржецлавским, пытаясь его убедить в том, что поляки и чехи совершили историческую ошибку, взяв за основу латинскую письменность вместо кириллицы. Последняя, по его мнению, больше соответствовала звукам славянских языков. Молодой Пржецлавский с иронией относился к лингвистическим идеям Шишкова, но всегда внимательно его выслушивал и был пытливым собеседником. Поэтому адмирал рассказывал ему многие истории из своей жизни. Одна из них касалась судебных разбирательств по поводу завещания русской графини Е. Я. Мусиной-Пушкиной-Брюс своему незаконнорожденному сыну итальянцу графу Гритти семи миллионов рублей. Петербургское общество было

---

¹⁹⁹Стоюнин В. Я. Указ. соч. С. 360.

²⁰⁰Егерева Т. Е. Указ. соч. С. 111.

расколото пополам. Одни считали, что банковские учреждения не имеют законных прав отказывать наследнику в получении завещанного капитала. Другие, в том числе Николай I, не соглашались с притязаниями графа Гритти, как незаконнорожденного сына. Шишков в Государственном совете делал все, чтобы деньги остались в России²⁰¹.

В последнее десятилетие своей жизни адмирал немало сокрушался о том, что его предостережения об опасности свободы книгопечатания оказались тщетными, а в России появлялось множество «вредных» книг, «несмотря на происшедшие от них во Франции разврат и неурядица»²⁰². По его мнению, «требование свободного книгопечатания не иное что заключает в себе, как желание издавать развратные, богопротивные и все человеческие достоинства разрушающие книги»²⁰³. Кроме того, Шишков был недоволен популярностью философии. Об этой отрасли знаний он писал следующее: «Она есть не богом, не верою, не совестью и не разумом, но отступлением от Бога и от веры помрачением ума, злонравием и страстями внушаемое чувство, заражающее под видом просвещения невинные сердца юношей ложными понятиями, укореняющими разврат и безнравственность, которые не редко к их и других людей несчастьем остаются в них до самой старости»²⁰⁴.

Помимо прочего, он вспоминал о «мнимой набожности», превращавшей людей в безбожников и колебавшей веру, а также о ненависти к властям, вольнодумстве и бунтах, произошедших по причине презрения к проповедуемой верою кротости. В сущности Шишков не испытывал уверенности в том, что «своими административными распоряжениями остановил вредное направление умов и подчинил дух времени правительству», как о том писал биограф²⁰⁵.

---

²⁰¹Пржецлавский О. А. Воспоминания // Русская старина. 1875. Т. 13. № 7. С. 396–401.

²⁰²ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 4. Л. 10–11.

²⁰³Там же. Л. 13.

²⁰⁴Там же. Л. 12.

²⁰⁵Стоюнин В. Я. Указ. соч. С. 360.

С 1829 г. здоровье адмирала клонилось к упадку, а через десять лет он полностью ослеп. Во время его последнего посещения С. Т. Аксаковым в 1840 г. Шишков был «уже труп человеческий недвижимый и безгласный; только близко наклонясь к нему, можно было заметить, что слабое дыхание еще не прекратилось»²⁰⁶.

Скончался он 9 апреля 1841 г. и был похоронен в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге. По ходившим тогда слухам он до самого последнего вдоха не забывал об обязанностях перед императором: «Рассказывали мне также, – вспоминал С. Т. Аксаков, – что один раз, во время подобного летаргического сна, когда уже никто не церемонился около него, говорили громко, шумели и ходили, как около покойника, к которому все равнодушны, вдруг вбежал камердинер и сказал довольно тихо, что государь остановился у ворот и прислал спросить о здоровье Александра Семеныча. К общему изумлению, почти испугу, в ту же минуту Шишков открыл глаза и довольно твердым голосом сказал: «Благодарю государя! Скажи ему, что мне лучше», – и впал в прежнее бесчувствие, продолжавшееся еще две недели»²⁰⁷.

Подводя итоги министерской деятельности Шишкова, можно отметить, что она проходила в условиях бунтарских настроений в обществе. Стержнем его политики являлось сохранение существовавших порядков и пресечение антигосударственных настроений. Шишков усиливал воспитательные начала в образовании, увеличивал надзорные функции учебных учреждений, выдвигал в качестве приоритета российского просвещения религиозно-нравственные основы, выстраивал иерархию учебных заведений на принципах сословности, понижал социальную мобильность российских низов за счет ограничения доступа в высшие учебные заведения. Меры, принятые Шишковым в области книгопечатания, фактически вводили в стране единомыслие как главный приоритет николаевского царствования.

---

²⁰⁶Аксаков С. Т. Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Собрание сочинений. М., 1909. Т. 2. С. 225.

²⁰⁷Там же.

Национальная сущность политики адмирала в сфере просвещения проявлялась в приоритете русского и церковно-славянского языков, православной веры. Покровительство традиционному православию вылилось в запрещение мистической литературы, способствовало русификации белорусских и малороссийских губерний. Ослабление влияния в них монашеских орденов, выражавших польско-католические интересы, вело к возвращению униатского духовенства в лоно православной церкви.

Заключение

Александр Семенович Шишков – одна из наиболее ярких фигур отечественной истории. Он известен как адмирал, литератор, языковед, государственный деятель. Его долгая жизнь (1754–1841 гг.) соединила шесть царствований, начиная от Елизаветы Петровны и заканчивая Николаем I, что обуславливало историческую специфику его взглядов. Шишков был причастен к формированию в России консервативной идеологии, которая базируется на неприятии революционных изменений, выстраивание идеологического фундамента на базе православия и самодержавной монархии.

Молодые годы адмирала прошли в условиях во многом типичных для представителей небогатого, но родовитого слоя отечественного дворянства: домашнее воспитание, военное образование, приобретение практических навыков службы и семейно-родственные протекции. Неоднократные и продолжительные морские экспедиции Шишкова за границу не сделали его космополитом, хотя и сыграли важную роль в усвоении им культурных достижений Европы.

Екатерининское царствование благоприятствовало его карьерному росту. Тогда же произошло формирование его консервативных взглядов, о чем свидетельствовали основные послы его литературного творчества: могущество и процветание России возможно лишь при отсутствии перемен, при самодержавной форме правления, образцом которого являлся просвещенный абсолютизм Екатерины II, а также при воспитании в русском народе добродетелей, кротости, смирения. Эти идеи укреплялись в Шишкове под влиянием Великой французской революции, которая проложила путь к низвержению традиционных основ общества, христианской веры, власти аристократии и древних династий.

Самовластие Павла I во взглядах Шишкова нарушало принципы просвещенного абсолютизма, заключавшиеся во взаимном доверии, уважении и добровольном сотрудничестве между монархом и правящим сословием. Поэтому, несмотря на очевидные карьерные и материальные успехи в то время, его оценки павловского царствования имели некоторую тенденциозность.

В общественно-политической истории России адмирал является одним из главных критиков либеральных планов Александра I. Он проводил в жизнь идеи самобытности России, выступал противником реформ, в которых слышал отголосок французской революции. Вокруг Шишкова происходила консолидация российского общества в период между Тильзитским миром и войной 1812 г.

Общественно-политическая программа адмирала включала уважительное отношение к русскому языку, необходимость национального воспитания, почитание православной веры. При этом русский язык отождествлялся им с национальным самосознанием, культурой и русской духовностью. В понимании адмирала, он являлся источником связи поколений, исторического опыта, накоплено нашими предками, способом передачи и сохранения культуры, поддержанием устоев и традиций общества. Подобные представления были характерны для романтических националистов Европы, видевших в языке некий национальный код, источник национального менталитета.

Присущий Шишкову лингвистический национализм основывался на его утверждениях о превосходстве отечественной словесности над иностранной, прежде всего, над французской и, как следствие, необходимости развивать русский язык, опираясь на отечественные памятники литературы. Кроме того, адмиралу были свойственны крайности, связанные с его «пуристскими» идеями очищения отечественной словесности от иностранных слов, а также с отождествлением европейских славянских языков, русского и церковнославянского на основании сходства корней слов. Они

препятствовали рассмотрению исторического процесса формирования русского языка, сводили академические исследования к «корнесловным» поискам, нередко ошибочным и высмеивавшимися оппонентами адмирала.

Идеи ментальной, духовной и культурной общности русского народа давали Шишкову повод критиковать европеизированное дворянство, как порывавшей все нравственные связи с народными массами. В пристрастии отечественной аристократии ко всему французскому он видел чуть ли не измену Отечеству. Подобные настроения усиливались у Шишкова по мере приближения войны 1812 г. Демократизм его критики дворянства, идеализация нравов, обычаев и традиций простого народа ломает представления об исключительной элитарности консервативной идеологии. Подчеркнуто идиллическое отношение к простым людям, сохранившим обычаи предков, выпады против вестернизации России, начатой Петром I, позволяет рассматривать Шишкова в качестве основоположника славянофильского течения общественно-политической мысли России.

Успешная деятельность адмирала на ниве патриотической пропаганды во время войны 1812 г. является свидетельством того, что консервативная идеология обладает большим потенциалом для консолидации русского народа в трудную минуту на основе традиционных ценностей, православной веры и патриотизма. Сам же Шишков стал своего рода символом той победы, мудрым старцем, вселившим в русский народ огонь любви к Отечеству и национальной гордости.

Между тем, консерватизм, как общественно-политическое течение общественной мысли, исходит из признания социального неравенства естественным состоянием человечества. Эту мысль подтверждает деятельность Шишкова в Государственном совете. Там он с дворянских позиций критиковал проект Гражданского уложения М. М. Сперанского. Адмирал усматривал в этой инициативе попытку ликвидировать сословную структуру общества и уравнивать всех подданных в правах, а также посягательства на некоторые привилегии, данные правящему сословию

«Жалованной грамотой» Екатерины II. В защите интересов правящего сословия он сходилась с Н. С. Мордвиновым и Ю. П. Литтом. Подобно им он осуждал проект Гражданского уложения как бездарный перевод Кодекса Наполеона, порожденного кровопролитием во Франции 1789 г. Адмирал являлся одним из тех государственных деятелей, кто не позволил приблизить отечественное законодательство к западному. В николаевское царствование возобладал принцип систематизации уже существующих в России постановлений, наряду с введением новых законов, содержащих элементы права стран Европы.

Неприязнь к идее свободы личности Шишков проявил в Государственном совете, выступив там в 1822 г. против изменения бесправного положения крепостных. Помещичье право продавать крестьян и дворовых людей без земли и поодиночке с раздроблением семейств являлось причиной случаев произвола. Шишков же представлял эти случаи как исключительные и несвойственные крепостному праву в целом. Адмирал являлся сторонником помещичьего патернализма, при котором дворяне должны были заботиться о крепостных как отцы о детях. Незыблемость крепостного права он связывал с государственной стабильностью и благоденствием России. В сущности, сильная власть начальства над народными низами являлась во взглядах Шишкова положительной национальной особенностью русского народа, которую нужно сохранять и оберегать. С классовой точки зрения, адмирал выражал интересы помещиков, особенно, средних и мелкопоместных дворян.

Позиция адмирала по проекту Гражданского уложения и крестьянскому вопросу была созвучна мнению Н. М. Карамзина, высказанному в «Записке о древней и новой России». Это лишний раз доказывает тот факт, что русские консерваторы начала XIX в. одинаково были обеспокоены либеральными поползновениями против сословно-крепостнических порядков, а также испытывали страхи перед революцией по типу французской. Они обожествляли самодержавную власть и крайне негативно относились ко

всяким попыткам ее ограничения. Безусловно, идеи М. М. Сперанского о народном представительстве им были глубоко неприязненны.

Точно так же русские консерваторы являлись противниками договорных теорий происхождения власти, что вылилось в репрессии против университетской профессуры, проявлявшей в этом вопросе вольнодумство. Так, например, подвергся преследованиям петербургский профессор А. П. Куницын за то, что в своей книге «Право естественное» пытался с рационалистических позиций рассматривать существовавшие порядки, происхождение законов, развивать идеи гражданского общества. Над его коллегами А. И. Галичем, К. Ф. Германом, Э. В. С. Раупахом, К. И. Арсеньевым было организовано судилище, которое Шишков не одобрял. Однако, он признавал их идеи опасными для государственных порядков и в Комитете министров голосовал за удаление профессоров от преподавательской деятельности.

Между тем, консерватизм в политике допускал разногласия в вопросах веры. Деятельность Шишкова на посту министра народного просвещения и главноуправляющего делами иностранных вероисповеданий (1824–1828 гг.) была связана с наступлением на религиозный либерализм предшествовавшего ему министерства А. Н. Голицына. Политика последнего ознаменовалась подавлением автономии Казанского и Петербургского университетов при поощрении экуменических и протестантских тенденций в духовной жизни страны. Шишков стремился не допустить ослабление господства православной веры. В книге И. Е. Госснера «Евангелие от Матфея», ставшей поводом к отставке Голицына, он усматривал ненависть к православной церкви и к священнослужителям, отрицание христианских догматов и тайный заговор с целью ниспровержения алтарей и престолов. Этим же мнением он руководствовался, преследуя бывшего директора Департамента духовных дел В. П. Попова, пропустившего сочинение Госснера, минуя духовную цензуру. Книга немецкого проповедника в 1825 г. была сожжена. Другие сочинения

западноевропейских мистиков Шишков запрещал как еретические, сектантские и бунтовщические.

О неприятии адмиралом протестантских тенденций свидетельствует его активное участие в закрытии Библейского общества, созданного в России в 1812 г. по образцу и при содействии английского библейского общества. Оно занималось переводом Библии с церковнославянского на литературный русский язык и распространяло ее в массах по дешевой цене. Исторические аналогии «библейской деятельности» можно обнаружить в европейской истории XVI в., когда перевод Св. Писания с латинского на национальные языки стал требованием церковной реформации. Она сопровождалась кровавым конфликтом, взаимным истреблением католиками и протестантами друг друга. Шишков считал библейские переводы профанацией священного текста, от чего ослабевала приверженность паствы к православной церкви, умножались секты, расколы и ереси. Кроме того, «библейская деятельность» была направлена против его лингвистических идей о тождестве русского и церковнославянского языков, различаемых как «простой» и «высокий» слоги одного и того же языка. Непонимание церковнославянской Библии адмирал рассматривал как признак отсутствия патриотизма и непосещения церковной службы, что, по его понятиям, было одним и тем же.

Среди лиц, разделявших отрицательные оценки Шишкова западных влияний в духовной жизни России, можно отметить литератора Е. И. Станевича и архимандрита Фотия (Спасского). Всем им было свойственно трактовать либерализм в религиозной сфере в духе теории масонского заговора. Эта теория утвердилась в общественно-политическом дискурсе под влиянием книги французского аббата Огюстена Баррюэля «Вольтеррианцы или история о якобинцах, открывающая все противохристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющие влияние на все европейские державы». В ее основе лежали представления о сплоченных тайных обществах, которые координировали свою деятельность, имели единое руководство, организовывали по всему миру революции. Опасения перед масонством и

тайными обществами разделялись самодержавием. Оно не раз вводило запреты на их деятельность в России. Своей критикой мистических книг адмирал вдохновлял развитие конспирологической теории, которая пользуется влиянием и в наши дни.

В сфере просвещения Шишков укреплял сословно-профессиональный принцип. Он исходил из того, что пользу государству приносят узкие специалисты своего дела, а изучение наук сверх сословных потребностей людей делает из них невостребованных граждан. Кроме того, адмирал, как и многие современники, опасался, что равный доступ сословий к образованию обрушит существовавшую социальную конструкцию. На этих основаниях были созданы николаевский указ 19 августа 1827 г. и устав низших и средних учебных заведений 8 декабря 1828 г., перекрывавшие крепостным доступ в гимназии и университеты.

Между тем, образовательная политика Шишкова подразумевала, что все население империи должно воспитываться на базе общего стандарта, который включал в себя: религиозно-нравственные основы, знание русского языка, истории и словесности. При этом преобладал национально-православный уклон. Он выражался в том, что греко-католики, в годы министерской деятельности адмирала, постепенно переходили на воспитание в духе православия, восстанавливалось изучение церковнославянского и греческого языков, как сыгравших ключевую роль в восприятии русским народом христианской веры, предпринимались усилия по обучению инородцев русскому языку.

Следует отметить, что в министерстве Шишкова сохранялось недоверие к политическим наукам и естественному праву, которые в начале его деятельности были запрещены для преподавания в гимназиях и университетах. Помимо прочего, адмирал усиливал правительственный надзор за учебными заведениями, со вниманием относился к их ревизиям и отчетности, налаживал контроль за содержанием учебного материала и лекций. Все это определялось консервативными опасениями перед

революционными и антигосударственными проявлениями в молодежной среде. Кроме того, адмирал стремился охватить государственным контролем частное и домашнее воспитание.

Восстание декабристов, являвшееся, по оценкам Шишкова, черным днем отечественной истории и результатом западничества элит, позволило ему усилить цензуру печати. Содержание его «чугунного» цензурного устава 1826 г. и отзывы о нем современников, показывают крайнюю враждебность адмирала к любым проявлениям критики властей, государственных порядков и традиций, а также к материалистическим и республиканским веяниям в науках.

Своей общественно-политической и государственной деятельностью Шишков предвосхитил оформление консервативной идеологии. В царствование Николая I она выразилась в триединой формуле «православие, самодержавие, народность», ставшей антитезой лозунгу Великой французской революции «свобода, равенство, братство».

Список источников и литературы

Источники

І. Архивные материалы

Рескрипты, грамоты и письма Екатерины II, Павла I, Александра I, Николая I и лиц царствующей фамилии к А. С. Шишкову (с приложением описи рескриптов и грамот на имя Шишкова с 1698 по 1934 г.) (копии), 1786 – 1836 гг. // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 1. 90 л.

Записка Шишкова А. С. о его службе с 1767–1828 гг., составленная по случаю его представления к «Знаку отличия беспорочной службы» (копия), март 1828 г. // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 2. 2 л.

Прошение адмирала Шишкова А. С. в Капитул императорских и царских орденов о выплате денег (со сведениями о жаловании Шишкова А. С. по разным должностям), 5 мая 1836 г. // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 3. 3 л.

Записка Шишкова А. С. о несправедливом отобрании в казну части его земель в Тверской губернии по решению Межевой канцелярии 1824 // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 7. 7 л.

Мнение министра народного просвещения А. С. Шишкова о вреде образования, высказанное при обсуждении цензурного устава 1826 г. (список с пометкой Шишкова А. С.), 1826 г. // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 40. 1 л.

Записка Шишкова А. С. о немецких университетах. // РГИА. Ф. 1673. Оп. 1. Д. 87. 1 л.

О дозволении напечатать и продать, конфискованную в 1819 г. книгу «Беседа на гробе младенца о бессмертии души», 17 ноября 1824 г. – 6 октября 1824 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 1. 37 л.

О собрании главного правления училищ 11 декабря 1824 г., 9 декабря 1824 г. – 9 ноября 1825 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 3. 21 л.

Об учреждении при главном правлении училищ комитетов для обозрения порядка управления учебных заведений и для устройства осмотра их, 11 декабря 1824 г. – 6 апреля 1826 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 6. 137 л.

О доставлении в канцелярию министерства народного просвещения сведений о закрытии масонских лож и о распоряжениях по высочайшему рескрипту на имя управляющего Министерством Внутренних Дел, последовавшего 26 апреля 1826 г., 10 февраля 1825 г. – 26 октября 1827 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 36. 194 л.

О непечатании в ведомостях отчетов Библейского общества за 1824 г., 16 апреля 1825 г. – 25 апреля 1825 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 75. 15 л.

О книгах, относящихся к вере и изданных без синодского разрешения, 20 апреля 1825 г. – 5 мая 1830 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 76. 122 л.

О доставлении из Департамента Народного Просвещения сведений о главнейших распоряжениях, касающихся благоустройства учебных заведений, состоящих под ведомством министра народного просвещения со времен вступления его в это звание. Докладные записки императору, 30 ноября 1825 г. – 3 января 1826 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 124. 57 л.

По отношению управляющего делами Комитета министров о представлении императору через Комитет министров отчета за 1826 г. по Министерству Народного Просвещения и Главному Управлению. Здесь же об отчете за 1827 г., 5 октября 1826 г. – 7 марта 1827 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 207. 96 л.

О бумагах, препровождаемых в Департамент Иностранных Исповеданий и разные места ведомства, 14 января 1827 г. – 29 ноября 1829 г. // РГИА. Ф. 735. Оп. 1. Д. 231. 54 л.

О составлении устава о цензуре, 5 января 1826 г. – 4 января 1828 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 557. 179 л.

Об учреждении Комитета по устройству учебных заведений и о закрытии Комитета о составлении проекта устава, 14 мая 1826 г. // РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 1. 75 л.

О запрещении продажи крестьян порознь и без земли, 28 января 1820 г. – 24 июля 1829 г. // РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. 1820 г. Д. 10. 401 л.

По делу о непродаже дворовых людей и крестьян порознь и без земли. С приложением мнений членов Государственного совета: графа Литта, барона Кампенгаузена, адмирала Мордвинова, генерала от инфантерии князя Лобанова-Ростовского, 29 ноября 1820 г. // РГИА. Ф. 1160. Оп. 1. 1820 г. Д. 8. Л. 179–233.

Родословная Шишковых (на бум. с инициалами «Д. К.»), 2-я пол. XIX в. // ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 1. 2 л.

«Разные записки» (Письма А. С. Шишкова к Е. Р. Дашковой и М. М. Хераскову, разбор его «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Рассмотрение псалмов, предложенных Ломоносовым», «Ответ на критику в журнале так называемом «Сын отечества»» и др.), 1805 – 1822 гг. // ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 3. 144 л.

«Разные записки» («Стихи к лику Ломоносова», «Стихи к самому себе» и др., «Достопамятные сказания об императрице Екатерине Великой», текст письма А. Д. к А. С. Шишкову, выписки из книг и проч.), 1820-е – 1830-е гг. // ОР РНБ. Ф. 862. Оп. 1. Д. 4. 57 л.

Официальные письма гр. Михаилу Юрьевичу Виельгорскому с назначением его директором Училища взаимного обучения для бедных русских мальчиков и по вопросам, связанным с его службой в этой должности. Петербург, сентябрь – ноябрь 1827 г. // ОР РНБ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 114. 8 л.

«Домашние мои записки» кн. I, крайняя дата 1818 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1. 46 л.

«Домашние мои записки» кн. II. Содержит «Мнения о цензуре» и «Примечания на I главу гражданского уложения», крайняя дата 1819 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 2. 46 л.

Дела, касающиеся российской академии наук, крайняя дата 1820 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 3. 46 л.

Мнения по разным делам в комитете министров, крайняя дата 1822 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. 46 л.

Мнения по разным делам в комитете министров, крайняя дата 1822 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 5. 46 л.

Записки о назначении государственным секретарем, крайняя дата 1823 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 6. 46 л.

Краткие записки второго путешествия моего в звании гос. секретаря, крайняя дата 1823 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 7. 46 л.

Краткие записки второго путешествия моего в звании гос. секретаря. Б/д. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 8. 49 л.

«Остальная половина моей жизни». «Записки», крайняя дата 1828 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 9. 69 л.

«Остальная половина моей жизни». «Записки», крайняя дата 1828 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 10. 68 л.

«Остальная половина моей жизни». «Записки». Б/д. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 11. 68 л.

«Остальная половина моей жизни». «Записки». Б/д. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 12. 68 л.

«Остальная половина моей жизни» оконч. и ст. «О библейских обществах». Б/д. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 13. 66 л.

Завещательное письмо и ответы на него разных лиц, крайняя дата 1840 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 14. 19 л.

Письма Александра Семеновича Шишкова 1813–1827гг. рукопись : список рукою Шишкова А. С. Письма ко мне от разных лиц и мои на некоторые из них ответы. Книжка вторая. Продолжение писем моих к жене во время похода. 1813–1827 гг. [Б.м], не ранее 1827 г. // ОР РГБ. Ф. 92. №103. II. 92 лл.

Записки Александра Семеновича Шишкова. Рукопись : автограф Продолжение записок [Б.м], 1824–1826 // ОР РГБ. Ф. 92. №102. 74 лл.

Мнение по делу о профессорах [Рукопись] : записка : [список, современный документу] / Шишков А. С. [Б. м.], 1822 февраля 14 // ОР РГБ. Ф. 178.1. к.11128. ед. 11. 4 л.

Поздравительные стихи Главнокомандующему в Москве Александру Андреевичу Беклешову на Новый 1806 год [Рукопись] : сатирическое стихотворение : [писарской список, современный стихотворению] / Шишков А. С. [Б. м.], [1806] // ОР РГБ. Ф. 178.1. к.11128. ед. 12. 6 [1 ч.] л.

Письмо к Бенкендорфу Александру Христофоровичу, 30 ноября 1827 г. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 1. 2 л.

Письмо к Голенищеву-Кутузову Логину Ивановичу, 2 июня 1820 г. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 2. 1 л.

Последние мои всеподданнейшие просьбы (черновик обращения его к Николаю I). Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 3. 2 л.

Николай I. Письма (2) его к Шишкову А. С., 14 марта 1834 г., 6 декабря 1840 г. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 9. 2 л.

Павел I. Письмо к Шишкову А. С., 6 марта 1798 г. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 10. 2 л.

Докладная записка императору Николаю I об учреждении Верховного цензурного комитета, 24 ноября 1827 г. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 3. Д. 2. 2 л.

«О Верховном цензурном комитете» Б/д. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 3. Д. 5. 4 л.

Сестренцевич Станислав, митрополит к Шишкову А. С., 29 августа 1825 г. // РО ИРЛИ. Ф. 636. Оп. 2. Д. 11. 1 л.

О вступлении г. адмирала Александра Семеновича Шишкова в управление Министерством народного просвещения (24.05.1824 – 20.06.1824) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 936.2 л.

Вступление в управление Министерством адмирала А. С. Шишкова (24.05.1824 – 20.06.1824) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 382.1 л.

С приложением Указа об увольнении адмирала Шишкова от должности Министра народного просвещения и главноуправляющего духовными делами

иностранных исповеданий и о прочее (1828 г.) // ЦГИА СПб.Ф. 14.
Оп. 1. Д. 1459.2 л.

II. Сборники

Арзамас и арзамасские протоколы / ввод. ст., ред. протоколов и примеч. к ... ; предисл. Д. Благого. – Ленинград : Издательство писателей в Ленинграде, 1933. – 307 с.

Архив Государственного совета. Том 4: Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента законов. – Санкт-Петербург : Типография второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1874. – Ч. 1. : Рассмотрение проектов уложений Гражданского, Уголовного и Торгового. – 784 стб. ; Ч. 2. : Составление, рассмотрение и утверждение уставов, положений и статей по разным частям законодательства. – 1030 стб.

Государственный совет 1801–1901. – Санкт-Петербург : Издательство Государственная типография, 1901. – 446 с.

Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I / сост. Н. Ф. Дубровин. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1883. – 564 с.

Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения. – Санкт-Петербург : Типография Департамента народного просвещения, 1825. – Кн. 1. – 451 с. ; 1827. – Кн. 2. – 495 с.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. – Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 19. 1770–1774 гг. – 1083 с. ; Т. 22. 1784–1788 гг. – 1174 с. ; Т. 24. 6 ноября 1796–1798 гг. – 872 с. ; Т. 26. 1800–1801 гг. – 880 с. ; Т. 28. 1804–1805. – 1349 с. ; Т. 30. 1808–1809 гг. – 1408 с. ; Т. 31. 1810–1811 гг. – 941 с.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг. – Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 1. 12 декабря 1825 – 1827 гг. – 1527 с. ; Т. 3. 1828 г. – 1648 с.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1875. – Т. 1 : Царствование императора Александра I, 1802–1825. – 1864 стб., 43 с., 44 стб. ; Т. 2 : Царствование императора Николая I, 1825–1855. Отделение 1 : 1825 – 1839. – 1576 стб., 69 с., 53 стб.

Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1 : 1802–1834. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1866. – 988 стб., 43 с., 32 стб.

Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. – Санкт-Петербург : Типография Морского министерства, 1862. – 486 с.

Собрание Высочайших Манифестов, Грамот, Указов, Рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. – Санкт-Петербург : В Мор. тип., 1816. – 212 с.

Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собственной его императорского величества канцелярии / под ред. Н. Дубровина. – Санкт-Петербург : Государственная типография, 1891. – Вып. 4. – XXIII, 493 с.

Труды комиссии составления законов. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Типография Комиссии составления законов, 1822. – Т. 1. – 372 с.

III. Сочинения и переводы А. С. Шишкова.

Шишков А. С. Николашина похвала зимним утехам // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-

Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1818. – Ч. I. – С. 143–144.

Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1824. – Ч. II. – С. 1–356.

Шишков А. С. Прибавление к сочинению называемому «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» или собрании критик изданных на сию книгу // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1824. – Ч. II. – С. 357–466.

Шишков А. С. Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1824. – Ч. III. – С. 1–246.

Шишков А. С. Перевод двух статей из Лагарпа, с примечаниями переводчика // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1824. – Ч. III. – С. 247–388.

Шишков А. С. Рассуждение о красноречии Св. Писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила Российского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно, читанное в годичное Российской императорской академии собрание, бывшее в 3-й день декабря 1810 г. // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и

разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1825. – Ч. IV. – С. 1–107.

Шишков А. С. Речь при открытии «Беседы любителей русского слова» // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1825. – Ч. IV. – С. 108–146.

Шишков А. С. Рассуждение о любви к Отечеству, читанное в 1812 году в Беседе любителей русского слова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1825. – Ч. IV. – С. 147–185.

Шишков А. С. Некоторые замечания на предполагаемое вновь сочинение Российского Словаря // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1825. – Ч. V. – С. 1–33.

Шишков А. С. Опыт рассуждения о первоначалии, единстве и разности языков, основанный на исследовании оных // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1825. – Ч. V. – С. 294–418.

Шишков А. С. Слово о походе Игоря, сына Святославова, внука Ольгова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1826. – Ч. VII. – С. 1–150.

Шишков А. С. Ответ на письмо господина Луки Говорова, напечатанное в «Вестнике Европы» № 8, апрель 1807 г. под заглавием «Письмо из города N. N. в столицу» // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова,

Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1828. – Ч. XII. – С. 236–261.

Шишков А. С. Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году (Отрывок их жизни N...) // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1828. – Ч. XII. – С. 262–334.

Шишков А. С. Невольничество. Драма в одном действии // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1828. – Ч. XII. – С. 1–32.

Шишков А. С. Песня старое и новое время. Перевод с французского // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1831. – Ч. XIV. – С. 133–137.

Шишков А. С. Ода на покорение Польши // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1831. – Ч. XIV. – С. 143–154.

Шишков А. С. Ода на победу, одержанную над шведским флотом под Ревелем 2 мая 1790 г. // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1831. – Ч. XIV. – С. 155–160.

Шишков А. С. Стихи для начертания на гробнице Суворова // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-

Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1831. – Ч. XIV. – С. 160–164.

Шишков А. С. Стихи, сочиненных при восшествии на престол императора Александра I // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ члена : в 17 ч. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1831. – Ч. XIV. – С. 175–176.

Шишков А. С. Военные действия российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах, почерпнутые из дневных записок и донесений Главноначальствовавшего над оным адмирала Чичагова / издал с примечаниями своими А. Ш. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1826. – 294 с.

Шишков А. С. Краткие записки адмирала А. Шишкова, веденные им во время пребывания его при блаженной памяти Государе Императоре Александре Первом в бывшую с Французами в 1812 и последующих годах войну / А. С. Шишков. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1831. – 301 с.

Шишков А. С. Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешествия его из Кронштадта в Константинополь / А. С. Шишков. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Российской Академии, 1834. – 117 с.

Шишков А. С. Морской словарь, содержащий объяснение всех названий, употребляемых в морском искусстве Соч. / Адм. А. С. Шишков ; Доп. и изд. Учен. ком. Гл. мор. штаба е. и. вел. Санкт-Петербург, 1832–1840. – Ч. 1–5.

Шишков А. Трехязычный морской словарь на английском, французском и русском языках : в 3 ч. / А. Шишков. – Санкт-Петербург : Тип. Морского шляхетного кадетского корпуса, 1795. – 317 с.

Ромм Ш. Морское искусство, или Главные начала и правила научающие искусству строения, вооружения, правления и вождения кораблей : в 2 ч. / Ш. Ромм ; пер. с фр. А. С. Шишкова. – [СПб.], 1793–1795.

IV. Прочие источники.

Аксаков С. Т. Воспоминание о Александре Семеновиче Шишкове / С. Т. Аксаков // Собрание сочинений : в 2 т. – Москва : Издательство А. А. Карцева, 1909. – Т. 2. – С. 178–227.

Белинский В. Г. Сто русских литераторов / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. – Москва : Издательство АН СССР, 1954. – Т. 5 : Статьи и рецензии 1841–1844. – С. 186–217.

Булгарин Ф. В. Секретная газета [9 мая 1828] / Ф. В. Булгарин // Видок Фиглярин : Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. – Москва : Новое литературное обозрение, 1998. – С. 272–277.

Булгарин Ф. В. О цензуре в России и о книгопечатании вообще / Ф. В. Булгарин // Видок Фиглярин : Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. – Москва : Новое литературное обозрение, 1998. – С. 45–55.

Булгарин Ф. В. [Толки о рассмотрении Цензурного устава] / Ф. В. Булгарин // Видок Фиглярин : Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. – Москва : Новое литературное обозрение, 1998. – С. 89–91.

Вигель Ф. Ф. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Издание «Русского архива» (дополненное с подлинной рукописи) / Ф. Ф. Вигель. – Москва : В Университетской типографии, 1891. – Ч. 1. ; 1892. – Ч. 2. ; 1892. – Ч. 3. ; 1892. – Ч. 4. ; 1892. – Ч. 5. ; 1892. – Ч. 6. ; 1893. – Ч. 7.

Вяземский П. А. Старая записная книжка / П. А. Вяземский. – Москва : Захаров, 2000. – 364 с.

Греч Н. И. Записки о моей жизни / Н. И. Греч. – Москва : Книга, 1990. – 396 с.

Жихарев С. П. Записки современника / С. П. Жихарев. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1955. – 834 с.

Записка о крамолах врагов России // Русский архив. – 1868. – №. 9.– Стб. 1329–1390.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин. – Москва : Наука, 1991. – 127 с.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. – Ленинград : Наука, 1984. – 720 с.

Куницын А. П. Право естественное / А. П. Куницын. – Санкт-Петербург : Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. – Кн. 1. – 135 с.

Муравьев-Апостол И. М. Мнение сенатора Муравьева-Апостола по деду д.с.с. Попова о цензуре / И. М. Муравьев-Апостол // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. – Москва : Университетская типография, 1859. – Кн. IV. : октябрь – декабрь. – Смесь. – С. 37–42.

Панаев В. И. Воспоминания / В. И. Панаев // Вестник Европы. – 1867. – Т. 3. – С. 193–270 ; Т. 4. – С. 72–178.

Письма А. С. Шишкова графу Дмитрию Ивановичу Хвостову // Русская старина. – 1896. – Т. LXXXVI, № 4. – С. 33–38.

Письмо А. С. Шишкова императору Александру I // Русская старина. – 1894. – Т. LXXXII, № 10. – С. 221–230.

Пржецлавский О. А. Воспоминания / О. А. Пржецлавский // Русская старина. – 1874. – Т. 11, № 11. – С. 451–474 ; № 12. – С. 665–688 ; 1875. – Т. 13, № 7. – С. 383–402.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 17 т. / А. С. Пушкин. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1937. – Т. 13. : Переписка 1815–1827. – 651 с.

Пушкин А. С. О народном воспитании / А. С. Пушкин // Собрание сочинений : в 10 т. Москва : ГИХЛ, 1962. – Т. 7. : История Пугачева, Исторические статьи и материалы, Воспоминания и дневники. – С. 355–359.

Ростопчин Ф. В. Записки о 1812 годе / Ф. В. Ростопчин // Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце. – Москва : Институт русской цивилизации, 2014. – С. 204–286.

Саблуков Н. А. Из записок / Н. А. Саблуков // Русский архив. – 1869. – №. 11.– Стб. 1861–1951.

Свербеев Д. Н. Первая и последняя моя встреча с А. С. Шишковым : (из записок Д. Н. Свербеева) / Д. Н. Свербеев // Русский архив. – 1871. – №. 1. – Стб. 162–182.

Сербинович К. С. Воспоминания / К. С. Сербинович // Русская старина. – 1896. – Т.87, № 9. – С. 573–577.

Сперанский М. М. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.): С прил. : «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к императору Александру» / М. М. Сперанский. – Москва : Русская мысль, 1905. – VI, 359 с. ; 19.

Сумароков П. И. Мнение сенатора Сумарокова по деду д.с.с. Попова о цензуре / П. И. Сумароков // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. – Москва : Университетская типография, 1859. – Кн. IV. : октябрь – декабрь. – Смесь. – С. 43–48.

Одоевский В. Ф. Из бумаг князя В. Ф. Одоевского (К истории русской цензуры) / В. Ф. Одоевский // Русский архив.– 1874.– № 7. – Стб. 11–30.

Проект Гражданского уложения Российской империи, составленный в Комиссии законов. – Санкт-Петербург : Сенат. тип., – 1809. – Ч. 1. – 174, IV с.

Трощинский Д. П. Мнение министра юстиции Трощинского о проекте уложения / Д. П. Трощинский // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. – Москва : Университетская типография, 1859. – Кн. III. : июль – сентябрь. – Глава V. : Смесь. – С. 1–24.

Хомяков А. С. Разговор в Подмосковной / А. С. Хомяков // Полное собрание сочинений. – Москва : Университетская типография 1900. – Т. 3. – С. 202–230.

Чичагов П. В. Архив адмирала П. В. Чичагова / П. В. Чичагов. – Санкт-Петербург : Типография С. Добродеева, 1885. – Вып. 1. – 156 с.

Шишков А. С. Русский путешественник прошлого века за границу. (Собственноручные письма А. С. Шишкова 1776 и 1777 г.) // Русская старина. 1897. – Т. 90, № 5. – С. 409–423; № 6. – С. 619–632; Т. 91, № 7. – С. 197–221.

Шишков А. С. Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году (Отрывок их жизни N...) // Отечественные записки, 1821. – Декабрь. – С. 289–323; 1822. – Январь. – С. 35–70; Февраль. – С. 174–208.

Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова : в 2 т. / А. С. Шишков ; издание Н. Киселева и Ю. Самарина. – Берлин : Тип. И. С. Скрейшовского, 1870. – Т. 1. – 479 с. ; Т. 2. – 464 с.

Шишков А. С. Избранные труды / А. С. Шишков ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамов. – Москва : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 720 с.

Шишков А. С. Два мнения адмирала А. С. Шишкова о рассматривании книг или о цензуре, предоставленные правительству в 1815 и 1822 годах / А. С. Шишков // Русский архив. – 1865 г. – № 10 и 11. – Стб. 1339–1358.

Шишков А. С. Собственноручное письмо А. С. Шишкова митрополиту Серафиму о молитвах, переложенных на простонародное наречие, 21 ноября 1824 г. / А. С. Шишков // Русская старина. – 1900. – Т. CIV, № 12. – С. 610.

Шишков А. С. Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.). Ч. 1 / А. С. Шишков ; публ. Л. Н. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Новая серия. – Тарту, 1994. – Вып. 1. – С. 215–241.

Шишков А. С. Письма А. С. Шишкова к жене (1797–1798 гг.). Ч. 2 / А. С. Шишков ; публ. Л. Н. Киселевой // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Новая серия. – Тарту, 1996. – Вып. 2. – С. 258–297.

Шишков А. С. Две всеподданнейшие записки А. С. Шишкова (О главнейших распоряжениях министерства народного просвещения с июня

1824 года по январь 1826 г. ; О главнейших сношениях с римским двором и о некоторых распоряжениях по протестантским церквям в России с 1824 по 1826 год) / А. С. Шишков // Русская старина. – 1896. – Т. LXXXVII, № 9. – С. 578–589.

Шишков А. С. Мнение А. С. Шишкова о цензуре и книгопечатании в России 1826 года / А. С. Шишков // Русская старина. – 1904. – Т. СХІХ, № 7. – С. 201–211.

Языков Н. М. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни 1822–1829 гг. / Н. М. Языков // Языковский архив. – Санкт-Петербург : Тип. Императорской Академии наук, 1913. – Вып. 1. – 343 с.

Литература и исследования

Азизова Е. Н. Общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича / Монография. – Воронеж, 2014. – 163 с.

Алтунян А. А. Власть и общество. Спор литератора и министра (опыт анализа политического текста) / А. А. Алтунян // Вопросы литературы. – 1993. – Вып. 1. – С. 173–214.

Альтшуллер М. Г. А. С. Шишков о французской революции / М. Г. Альтшуллер // Русская литература. – 1991. – № 1. – С. 144–149.

Альтшуллер М. Г. Александр Семенович Шишков / М. Г. Альтшуллер // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. – С. 19–92.

Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства / М. Г. Альтшуллер. – Москва : Новое литературное обозрение, 2007. – 448 с.

Бежанидзе Г. В. О взглядах адмирала А. С. Шишкова и святителя Филарета Московского на значение церковнославянского языка / Г. В. Бежанидзе // Филаретовский альманах. – 2013. – Вып. 9. – С. 7–15.

Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / И. Д. Беляев. – Изд. 2-е. – Москва : Тип. А. А. Карцева, 1888. – 584 с.

Бобровский П. О. Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I : Ист. исслед. по арх. Документам : С прил. алф. указ. имен и предметов / П.О. Бобровский. – Санкт-Петербург : Тип. В.С. Балашева, 1890. – XVI, 394 с.

Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время / М. И. Богданович. – Санкт-Петербург : Тип. Ф. Сущинского, 1869–1871. – Т. 1. – 1869. – 539 с. ; Т. 2. – 1869. – 633 с. ; Т. 3. – 1869. – 584 с. ; Т. 4. – 1869. – 673 с. ; Т. 5. – 1871. – 641 с. ; Т. 6. – 1871. – 675 с.

Боленко К. Г., Лямина Е. Э. А. С. Шишков и «Комитет для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего» : (на пути к Беседе любителей русского слова» и Российской академии) // Россия и реформы. – Москва, 1991. – Вып. 3. – С. 4–20.

Боленко К. Г. «Классическое стихотвореньице». О детском стихотворении А. С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам» / К. Г. Боленко, Е. Э. Лямина // Новое литературное обозрение. – 1994. – № 6. – С. 222–227.

Боленко К. Г. «А. С. Шишков и П. А. Зубов: к истории одного назначения» // "Цепь непрерывного предания...": сб. памяти А. Г. Тартаковского. – Москва : РГГУ, 2004. – С. 36–47.

Бочкарев В. Н. Консерваторы и националисты в России в начале XIX в. / В. Н. Бочкарев // Отечественная война 1812 г. и русское общество. 1812–1912. – Москва, 1911. – Т. 2. – С. 194–220.

Бороздин А. Шишков Александр Семенович / А. Бороздин // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – Санкт-Петербург :

Семеновская Типолиитография (И. А. Ефрона), 1903. – Т. XXXIXA. Шенье – Шуйский монастырь. – С. 611–615.

Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения сначала XIX в. / Н. Н. Булич. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. – Т.1. – 381 с.

Вахмистрова С. И. Вклад генерал-фельдмаршала И. Л. Голенищева-Кутузова в развитие военно-морского образования в России (на примере Морского шляхетского кадетского корпуса) / С. И. Вахмистрова // Елагинские чтения. – Санкт-Петербург, 2003. – Вып. 1. – С. 16–23.

Веселаго Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет / Ф. Ф. Веселаго. – Санкт-Петербург : Тип. Морск. кадетск. корпуса, 1852. – 366 с.

Вишленкова Е. А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX века / Е. А. Вишленкова. – Саратов: Издательство Саратов. ун-та, 2002. – 439 с.

Галахов А. Д. История русской словесности, древней и новой / А. Д. Галахов. – Санкт-Петербург : Тип. Морского министерства, 1868. – Т. II. : Первая половина. – 472 с.

Голованова В. Ф. Становление высшего образования в Российской империи в начале XIX века: правовой аспект / В. Ф. Голованова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2014. – № 3 (2). – С. 53 – 58.

Гребенщиков А. Е. Идеиное содержание манифестов А. С.Шишкова 1812–1816 гг. / А. С. Гребенщиков // Новик. – Воронеж, 2009. – Вып. 14. – С. 83–93.

Гребенщиков А. Е. Государственная и общественно-политическая деятельность А. С.Шишкова / А. С. Гребенщиков // Белгородский диалог – 2010. Проблемы российской и всеобщей истории. Сборник научных трудов международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов. – Белгород, 2010. – С. 161–165.

Гребенщиков А. Е. Взгляды адмирала А. С. Шишкова на сословный вопрос в России / А. Е. Гребенщиков // Научные ведомости Бел. Г.У. Сер. Гуманитарные науки. – 2015. – Т. 20, № 12 (152). – С. 111–116.

Гребенщиков А. Е. Взгляды адмирала А. С. Шишкова на крестьянский вопрос в России в первой четверти XIX века / А. Е. Гребенщиков // Вестник ВГУ. Серия : История. Политология. Социология. – 2015. – № 3. – С. 67 – 70.

Гребенщиков А. Е. Православие во взглядах адмирала А. С. Шишкова / А. Е. Гребенщиков // Вестник ВГУ. Серия : История. Политология. Социология. – 2016. – № 1. – С. 38–41.

Грот Я. К. Труды Я. К. Грота / Я. К. Грот. – Санкт-Петербург : Тип. Министерства путей сообщения, 1899. – Т. 2. : Филологические разыскания. – С. 46–86.

Долгих А. Н. Крестьянский вопрос в политике самодержавия в середине 10-х – начале 30-х гг. XIX века : диссертация... кандидата исторических наук / А. Н. Долгих. – Москва, 1984. – 231 с.

Егерова Т. А. Семейная жизнь русских консерваторов / Т. А. Егерова // Преподаватель XXI в. – 2010. – № 3. – С. 241–244.

Егерова Т. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв. / Т. Егерова. – Москва : Новый хронограф, 2014. – 416 с.

Жаринов Д. А. Первые впечатления от войны. Манифесты / Д. А. Жаринов // Отечественная война и русское общество. – Москва, 1911. – Т. 3. – С. 170–179.

Жмакин В. Н. Ересь есаула Котельникова / В. Н. Жмакин // Христианское чтение. – 1882. – № 11–12. – С. 739–795.

Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. – Москва : Просвещение, 1968. – Изд. 3-е, перераб. и дополн. – 369 с.

Земскова Е. Е. О роли языка в построении национальной утопии: «онемечивание» Кампе и «корнесловие» Шишкова / Е. Е. Земскова //

Философский век: альманах. – 2000. – Вып. 12 : Российская утопия: от идеального государства к совершенному обществу. – С. 86–98.

Земскова Е. Е. Русский патриотизм в немецком переводе : А. С. Шишков в воспоминаниях Э. М. Арндта / Е. Е. Земскова // Труды РАН. – 2004. – Т. 2. – С. 89–97.

Знаменский П. В. Чтения из истории русской церкви за время царствования императора Александра I / [Соч.] П. Знаменского. – Казань : Тип. Ун-та, 1885. – [2], 248, IV с.

Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII– первой трети XIX века / А. Л. Зорин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2001. – 414 с.

Зуев Г. И. Историческая хроника Морского корпуса 1701–1925 гг. – Москва : ЗАО Центрполиграф, 2005. – 447 с.

Иванов О. А. Формирование консервативной программы министерства народного просвещения / О. А. Иванов // Консерватизм в России и мире. – ВГУ, 2004. – Ч. I. – С. 218–226.

Камчатнов А. М. У истоков русского исторического словообразования : Александр Семенович Шишков / А. М. Камчатнов // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 530–534.

Камчатнов А. М. Русский древослов Александра Шишкова : Лингвистическое наследие А. С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи / А. М. Камчатнов. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. – 368 с.

Каптерев П. Ф. История русской педагогики / П. Ф. Каптерев. – Петроград : Тип. В. Безобразов и Ко, 1915. – Изд. 2-е, пересмотренное и дополненное. – XXI, 746 с.

Карпец В. И. Муж отечестволюбивый : историко-литературный очерк / В. И. Карпец. – Москва : Молодая гвардия, 1987. – 96 с.

Князьков С. А., Сербов Н. И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / Сост. С.А. Князьков и Н.И. Сербов ;

Под ред. проф. С. В. Рождественского. – Москва : Издательство "Полезьа", В. Антик и К°, 1910. – IV, 240 с. : ил. ; 23.

Коломинов В. В. Храм муз словесных : из истории Российской Академии. 1783–1841 / В. В. Коломинов, М. Ш. Файнштейн. – Ленинград : Наука, 1986. – 151 с.

Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825) / Ю. Е. Кондаков. – Санкт-Петербург : Нестор, 1998. – 224 с.

Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время / Ю. Е. Кондаков. – Санкт-Петербург : Рос. нац. б-ка, 2000. – 312 с.

Кондаков Ю. Е. Государство и православная церковь в России : эволюция отношений в первой половине XIX века / Ю. Е. Кондаков. – Санкт-Петербург : Рос. нац. б-ка, 2004. – 360 с.

Кондаков Ю. Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века / Ю. Е. Кондаков. – Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 334 с.

Корнилов А. А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России / А. А. Корнилов. – Санкт-Петербург : Тип. «Общественной пользы», 1905. – VII, [1], 473, [2] с.

Корф М. А. Жизнь графа Сперанского / М. А. Корф. – Санкт-Петербург : Издание Императорской Публичной библиотеки, 1861. – Т. 1. – 283 с.

Корф М. А. Цензура в царствование императора Николая I // Русская старина. – 1901. – Т. CVII, №. 7. – С. 151–167. ; №. 8. – С. 395–404.

Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов / С. А. Корф. – Санкт-Петербург : Тип. Тренке и Фюсно, 1906. – VIII, 720 с.

Костыря Л. П. Консерватизм в России на рубеже XVIII–XIX веков : диссертация ... кандидата исторических наук. / Л. П. Костыря. – Челябинск, 2000. – 197 с.

Кочубинский А. А. Начальные годы русского славяноведения : адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев / А. А. Кочубинский. – Одесса : Тип. «Одес. вестн.», 1887–1888. – 492 с.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1994. – 339 с.

Лотман Ю. М. Карамзин: Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1997. – 832 с.

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2002. – С. 446–600.

Лушников А. Г. Историко-литературная почва первого славянофильства: (К вопросу о происхождении и сущности так называемого славянофильства): Вступ. лекция по истории рус. лит. в Казан. духов. акад. 28 сент. 1912 г. / А. Г. Лушников. – Казань : Центр. тип., 1913. – 41 с.

Мазур Н. Н. Из истории формирования русской национальной идеологии (первая треть XIX века) / Н. Н. Мазур // «Цепь непрерывного предания...». Сборник памяти А. Г. Тартаковского. – Москва : РГГУ 2004. – С. 196–250.

Майков П. М. О своде законов Российской империи / П. М. Майков. – Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. – 276, [2] с.

Матвеева М. В. Цензура и школа в России в первой четверти XIX века : диссертация ... кандидата исторических наук / М. В. Матвеева. – Москва, 2004. – 243 с.

Матулис Т. Н. Завгородняя О. И. Борьба университетов России за автономию в период подготовки университетского устава 1835 г. / Т. Н. Матулис, О. И. Завгородняя // Вестник РУДН. Серия «История России», 2004. – № 3. – С. 128–136.

Меркулов И. В. «Историограф Российского флота адмирал А.С.Шишков» / И. В. Меркулов // Новый часовой: Русский военно-исторический журнал. – Санкт-Петербург, 2004. – № 15–16. – С. 300–310.

Меркулов И. В. Адмирал Александр Семенович Шишков. Личность в контексте эпохи / И. В. Меркулов // Кортик. – Санкт-Петербург, 2004. – № 3. – С. 14–22 ; 2005. – № 4. – С. 18–36.

Меркулов И. В. «К вопросу об объективности отражения реальности в «Отрывке из жизни №...» А.С. Шишкова» / И. В. Меркулов // Призвание – история, 2010. – С. 170–180.

Меркулов И. В. К истории одной публикации: полемика А. С. Шишкова и В. М. Головина по поводу «Отрывка из жизни N...» / И. В. Меркулов // Петербургские исследования : альманах. – 2010. – № 2. – С. 213–301.

Меркулов И. В. История одного научного поиска: Исторические анекдоты А.С. Шишкова о Екатерине Великой / И. В. Меркулов // Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет Петрова А. Н., средняя школа № 207. – С. 176–180.

Мейлах Б. С. Пушкин и русский романтизм / Б. С. Мейлах. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1937. – 296 с.

Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха / Б. С. Мейлах. – Москва : Гос. изд-во худ. литер., 1958. – 707 с.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры / П. Н. Милюков. – Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1897. – Ч. 2. : Церковь и школа (вера, творчество, образование). – 375 с.

Минаков А. Ю. А. С. Шишков как идеолог и практик русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – № 7 (62). – Вып. 10. – С. 143–150.

Минаков А. Ю. Возникновение русского консервативного национализма в первой четверти XIX века в России / А. Ю. Минаков // Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта. Сер. Гуманитар. науки. – 2009. – Вып. 12. – С. 12–17.

Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков. – Воронеж : Издательство Воронежского гос. ун-та, 2011. – 560 с.

Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков ; отв. ред. О. А. Платонов. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2013. – 528 с.

Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века / Н. И. Мордовченко. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1959. – 430 с.

Назаренко Е. Ю. Князь А. Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX века: монография / Е. Ю. Назаренко ; науч. ред. А. Ю. Минаков. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – 188 с.

Овчинников Н. В. Вдохновитель побед русского оружия / Н. В. Овчинников. – Москва : ООО «Луч», 2012. – 288 с.

Очерки по истории русской журналистики и критики. – Ленинград : Издательство Ленинградского государственного ордена Ленина Университета им. А. А. Жданова, 1950. – Т. I. – 604 с.

Палицын Н. А. Манифесты, написанные Шишковым в Отечественную войну, и патриотическое их значение / Н. А. Палицын // Русская старина. 1912. – Т. 150, № 6. – С. 477-490.

Парсамов В. С. Конструирование идеи народной войны в 1812 г. / В. С. Парсамов // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 118. – С. 69–94.

Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века : формирование системы университетского образования / Ф. А. Петров. – Москва : Гос. Ист. музей, 2000. – Кн. 3 : Университетская профессура и подготовка устава 1835 года. – 520 с.

Платонов О. А. Массонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ. / О. А. Платонов. – Москва : Алгоритм, 2011. – 1344 с.

Полежаева Т. В. «Ходил я в католицкую здешнюю церковь слушать музыки и пения»: к вопросу о характере религиозности А. С. Шишкова / Т. В. Полежаева // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2013. – № 1 (21). – С. 63–66.

Полежаева Т. В. Язык как фактор национального единства (на материале полемики архаистов и карамзинистов начала первой четверти XIX в.) / Т. В. Полежаева // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2013. – № 376. – С. 96–100.

Полежаева Т. В. «Сей старец дорог нам...» : к вопросу о политическом поведении А. С. Шишкова / Т. В. Полежаева // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2014. – № 3 (29). – С. 116–122.

Полежаева Т. В. Религиозные основания консервативной концепции А. С. Шишкова : дис... канд. ист. Наук / Т. В. Полежаева. – Томск, 2016. – 228 с.

Полусмак Т. Л. Цензурное законодательство дореволюционной России : диссертация ... кандидата юридических наук / Т. Л. Полусмак. – Нижний Новгород, 2003. – 194 с.

Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. / А. В. Предтеченский. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1957. – 456 с.

Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи / О. А. Проскурин. – Москва : О.Г.И., 2000. – 366 с.

Пустарнаков В. Ф. Университетская философия в России : Идеи. Персоналии. Основные центры / В.Ф. Пустарнаков ; Ин-т философии Рос. акад. наук. – Санкт-Петербург : Издательство РХГИ, 2003. – 916 с., [1] л. портр.

Пыпин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I : Т. 1–3 / А. Н. Пыпин.– Петроград : «Огни», 1918. – Т. 3. : Общественное движение в России при Александре I. – XII, 544 с.

Пыпин А. Н. Российское Библейское общество, 1812-1826 / А. Н. Пыпин // Вестник Европы, 1868. – № 11. – С. 222–285 ; № 12. – С. 708–768.

Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов. Исторические очерки / А. Н. Пыпин. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1873. – [4], II, 514 с.

Пыпин А. Н. Русские отношения Бентама / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. 1869. – №. 4. – С. 730–788.

Пыпин А. Н. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в. / А. Н. Пыпин. – Петроград : Тип. Б. М. Вольфа, 1916. – 577 с.

Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). / А. Г. Рашин. – Москва : ГСИ, 1959. – 350 с.

Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902 / сост. С. В. Рождественский. – Санкт-Петербург : Издательство Министерства народного просвещения, 1902. – 785 с.

Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / Под. ред. В. Я. Гросула. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 440 с.

Сарапас М. В. А. С. Шишков и развитие русского литературного языка в первые десятилетия XIX в. : диссертация ... кандидата филологических наук / М. В. Сарапас. – Москва, 1993. – 175 с.

Севастьянов Ф. Л. Консервативная альтернатива кодификации русского права в первой трети XIX в. / Ф. Л. Севастьянов // Консерватизм в России и мире. – ВГУ, 2004. – Ч. I. – С. 171–190.

Серман И. З. Литературное дело Карамзина / И. З. Серман. – Москва : РГГУ, 2005. – 327 с.

Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров : К столетию Комитета министров (1802–1902) : [В 7 т.] / Сост. С. М. Середонин. Т. 1–5. – Санкт-Петербург : Канцелярия Ком. Министров, 1902. – Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 – 1825 г. ноября 19). – [4], X, 608, II с., 4 л. портр.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в царствование императора Николая / В. И. Семевский // Русская мысль. – 1884. – № 6. – С. 173–210.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII – первой половине XIX века : в 2 т. / В. И. Семевский. – Санкт-Петербург : Тип. товарищества «Общественная польза», 1888. – Т. 1 : Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. – [6], LIII, 517, [5] с.

Скабический А. М. Очерки истории русской цензуры (1800–1863) / А. М. Скабичевский. – Санкт-Петербург : Тип. Высочайше утвержд. Товарищ «Общественная польза», 1892. – 498 с.

Соколовская Т. О. О масонстве в прежнем русском флоте / Т. О. Соколовская // Море. – 1907. – № 8. – С. 2–39.

Стоюнин В. Я. Александр Семенович Шишков : биография / В. Я. Стоюнин // Вестник Европы. – 1877. – № 9. – С. 236–270 ; № 10. – С. 502–547 ; № 11. – С. 47–118 ; № 12. – С. 465–522.

Стоюнин В. Я. Исторические сочинения / В. Я. Стоюнин. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1880. – Ч. 1 : Александр Семенович Шишков. – 371 с.

Сухомлинов М. И. История Российской академии : Вып. 1–8 / М. И. Сухомлинов. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1885. – Вып. 7. : Приложение к 49 Т. записок имп. акад. наук № 6. – VI, 648 с.

Исследования и статьи по русской литературе и просвещению : Т. 1–2 / М. И. Сухомлинов. – Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина , 1889 – Т. 1. : Материалы для истории образования России в царствование императора Александра I ; А. Н. Радищев. – X, 671 с.

Сухонин П. П. А. С. Шишков в его литературной деятельности // Журнал Министерства народного просвещения. – 1851. – Т. 69, отд. 5. – С. 1–44.

Тетеркина С. В. Языковое выражение философских взглядов А.С. Шишкова и его последователей ("Беседа любителей русского слова") : когнитивно-ментальный аспект : диссертация ... кандидата филологических наук / Тетеркина С. В. – Липецк, 2013. – 183 с.

Томсинов В. А. Сперанский / В. А. Томсинов. – Москва : Молодая гвардия, 2006. – 451 с.

Троцкий В. Шишков Александр Семенович / В. Троцкий // Русский биографический словарь. Санкт-Петербург: Тип. Главного Управления Уделов, 1911. – Том XXIII. Шебанов–Шютц. – С. 316–320.

Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин / Ю. Н. Тынянов // Пушкин в мировой литературе. Сборник статей. Ленинград : ГИЗ, 1926. – С. 215–286.

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни / Б. А. Успенский. – Москва : Издательство МГУ, 1985. – 212 с.

Успенский Б. А. Краткий очерк истории литературного языка (XI–XIX вв.) / Б. А. Успенский. – Москва : «Гнозис», 1994. – 240 с.

Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти... » : Российская академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук / М. Ш. Файнштейн. – Москва ; Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2002. – 191 с.

Федоров В. А. «Своей судьбой гордимся мы...» Следствие и суд над декабристами / В. А. Федоров. – Москва : Мысль, 1988. – 298 с.

Филатова-Шишкова В. «Неугомонный русопят» : к 160-летию со дня смерти адмирала, министра народного просвещения, писателя и государственного деятеля Александра Семеновича Шишкова / В. Филатова-Шишкова // Наш современник. – 2001. – № 4. – С. 284–287.

Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века / Н. И. Цимбаев. – Москва : Издательство МГУ, 1986. – 274 с.

Цимбаева Е. Н. Поиск основ межконфессионального единства в Российской империи XIX века : диссертация... доктора исторических наук / Е. Н. Цимбаева. – Москва, 2014.

Чернета В. Предтеча : (адмирал А. С. Шишков – человек, ученый, министр) / В. Чернета, Б. Яковлев // Высшее Образование в России. – 1999. – № 3. – С. 137–151 ; № 4. – С. 130–144.

Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык / И. А. Чистович. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – 347 с.

Чистович И. А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия / Комиссия духовных училищ И. А. Чистович. – Санкт-Петербург : Синод. тип., 1894. – [4], IV.

Шилов Д. Н. Шишков Александр Семенович // Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений (1802–1917) : биобиблиографический справочник / Д. Н. Шилов – Санкт-Петербург, 2002. – С. 842–846.

Шильдер Н. К. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк / Н. К. Шильдер. – Санкт-Петербург : Издательство А. С. Суворина, 1901. – 606 с.

Шильдер Н. К. Император Александр Первый: его жизнь и царствование: в 4 т. / Н. К. Шильдер. – 2 изд. – Санкт-Петербург : Издательство А. С. Суворина, 1904–1905. – Т. 2. – 408 с. ; – Т. 3. – 569 с.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый: его жизнь и царствование: в 2 т. / Н. К. Шильдер. – Санкт-Петербург : Издательство А. С. Суворина, 1903. – Т. 2. – 820 с.

Щебальский П. К. А. С. Шишков и его союзники и противники / П. К. Щебальский // Русский вестник. – 1870. – № 11. – С. 192–254.

Щербаков А. Ю. Декабристы. Заговор против России / А. Ю. Щербаков. – Санкт-Петербург : Издат. Дом "Нева", 2005 . – 316 с., [8] л.цв.ил., портр. – (Секретные материалы).

Шмид Е. К. История средних учебных заведений в России / Шмид Е.К. – Санкт-Петербург : Типография В. С. Балашева, 1878. – 683 с.

Энгельгардт Н. А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903) / Н. А. Энгельгардт. – Санкт-Петербург : Издательство А. С. Суворина, 1904. – 388 с.

Ягич И. В. Энциклопедия славянской филологии / Под ред. орд. акад. И. В. Ягича. – Санкт-Петербург : Отделение рус. яз. и словесности Имп. АН, 1910.– Вып.1. : История славянской филологии – [3], VIII, 961 с.

Янковский Ю. З. Патриархально-дворянская утопия: Страница русской общественно-литературной мысли 1840 – 1850-х годов / Ю. З. Янковский. – Москва : Худож. лит., 1981. – 373 с.

Garde P. A propos du premier mouvement slavophile / P. Garde // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1964. – Vol. 5, № 3. – P. 261–269.

Garde P. Šiřkov et Karamzin: deux ennemis? / P. Garde // Studia slavica mediaevalia et humanistica. 1986. – № 1. – P. 279–285.

Martin A. M. Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I / A. Martin. – DeKalb : Northern Illinois University Press, 1997. – 294 p.

Мартин А. М. «Россия есть европейская держава...» : проблема «Россия и Европа» в консервативной мысли эпохи Александра I (А. С. Шишков, С. Н. Глинка, А. С. Стурдза) / А. Мартин // Исследования по консерватизму. – Пермь, 1998. – Вып. 5. – С. 14–22.

Мартин А. М. «Допотопный» консерватизм А. С. Шишкова / А. М. Мартин // Консерватизм : идеи и люди. – Пермь, 1998. – С. 54–66.

Уортман Р. Материалы и исследования по истории русской культуры / Р. Уортман. – Москва : ОГИ, 2002. – Вып. 8. : Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. – Т.1. : От Петра Великого до смерти Николая I. – 608 с.